В.М.ЗЕНЗИНОВ

ИЗ ЖИЗНИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Государственная публичная
историческая библиотека России

Владимир Зензинов

ИЗ ЖИЗНИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Москва
2018

УДК 94 (47+57)
ББК 63.3 (2) 521
З-56

Печатается по изданию: Зензинов В.М. Из жизни революционера/В.М.Зензинов.—Париж, [б.и.] 1919.— 120 с.

Зензинов В. М.

З-56 Из жизни революционера / В.М.Зензинов; предисловие А.В.Сазанова, Т. Г. Бородинской; Государственная публичная историческая библиотека России.— М., 2018.— 188 с.

ISBN 978-5-85209-425-4

Владимир Михайлович Зензинов (1880—1953), российский политический деятель, эсер, организатор терактов, один из руководителей Декабрьского восстания 1905 года в Москве, публицист, автор этнографических исследований. Во время Февральской и Октябрьской революций находился в Петрограде, был избран членом Учредительного собрания. Его книга «Из жизни революционера», изданная в Париже в 1919 году, вызывает интерес не только как компетентный взгляд на переломные моменты истории. Это и увлекательный рассказ о незаурядной жизни, богатой приключениями, встречами, рискованными ситуациями. В предисловии приводятся подробные биографические сведения о В. М. Зензинове, в том числе о его жизни в эмиграции.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3 (2) 521

ISBN 978-5-85209-425-4

Предисловие

В книге эсера В.М.Зензинова есть захватывающие приключения, детективные сюжеты, интриги, страсти, неожиданные развязки. Увлеченность автора повествованием передается читателю, и он с интересом и волнением переходит от сюжета к сюжету, забывая показавшееся скучным название на обложке «Из жизни революционера».

В предисловии содержатся разъяснения некоторых эпизодов книги и сведения о жизни автора после высылки из России в 1919 г.

* * *

Жизнь В. М. Зензинова была необычайно богата событиями, поступками, встречами. Возьмись автор описывать ее в художественном произведении, он долго решал бы, писать трагедию, мелодраму, детектив или авантюрный роман, — настолько яркий и многогранный это был исторический персонаж. Описание важнейшего периода своей жизни до февраля 1919 г. — в России — он оставил в книге «Из жизни революционера». Он пишет ее по горячим следам событий «по дороге из Японии в Америку», когда за бортом вздымались волны Тихого океана и навсегда уходили вдаль родные берега России. Позже, осмысливая прошлое, он составит более подробное жизнеописание, назвав книгу «Пережитое», события в которой доходят до 1908 г. Акценты, рас-

ставленные В.М.Зензиновым в воспоминаниях, говорят о том, что самоидентификация его совпадает с общественной оценкой. Он, писатель, исследователь, журналист, прежде всего — революционер. Революционер по складу мыслей, проявлениям характера в поступках и даже по роковому краху планов и устремлений. Его жизнь на Западе в советское время только подтверждает это.

* * *

> Голая правда заключается в том, что ужасы русской революции свойственны не только ей, но характерны практически для всех насильственных революций. Независимо от времени, места, расы, вероисповедания и национальности. <...> Культивирование любви, а не ненависти, творческого создания вместо разрушения, благоговения перед жизнью вместо служения смерти, истинной свободы вместо насилия и псевдосвободы — таковы средства, необходимые для восстановления дома человечества.
>
> *П. А. Сорокин. Листки из русского дневника*

Становление «героя»

> У нас создался веками какой-то еще нигде не бывший высший культурный тип, которого нет в целом мире, — тип всемирного боления за всех. Это — тип русский... Он хранит в себе будущее России.
>
> *Ф. М. Достоевский «Подросток»*

Будущий социалист-революционер Владимир Михайлович Зензинов родился 29 ноября 1880 года в состоятельной московской купеческой семье. По семейному преданию, предками матери, Марии Алексеевны (умерла в 1915), были сосланные при Петре Великом в Сибирь буйные стрельцы Корякины. Отец, Михаил Михайлович (1850—1926), «исповедовавший дух московско-сибирских староверов», вел свою линию жизни от купеческого рода Зензиновых, поморов, переселив-

шихся из Вологодской губернии в Забайкалье. Немало потрудившись, они еще в начале XIX века удачно развернули торговое дело в Нерчинске. Дед, разбогатевший нерчинский купец, почетный гражданин города, Михаил Андреевич Зензинов (26 окт. 1805, Вельск Вологодской губ. — 21 марта 1873, Нерчинск), имел прекрасную библиотеку, занимался изучением природы и этнографии края, тибетской медициной и экономикой. Дела вел и потомство растил в старозаветных традициях. Он состоял в переписке с декабристами Бестужевыми, Д.И. Завалишиным, И.И. Горбачевским, внучкой А.Н. Радищева, был действительным и активным членом Русского географического общества, Вольного экономического общества, являлся также членом-корреспондентом Московского сельскохозяйственного общества, корреспондентом Тартуского университета, Комитета Министерства государственных имуществ России. Михаил Андреевич, человек весьма самобытный, обуреваемый страстью к познанию, не преуспел в коммерции. Капитал, оставленный вдове после его смерти, составил семь рублей. Торговый кризис, который разразился в Сибири в начале 1880-х годов (торговая масса резко превысила платежеспособность населения) привел к разорению семьи. Спасали ситуацию сыновья. Сильный характер, воля, трудолюбие, природная смекалка — черты, передававшиеся из поколения в поколение, помогали преодолевать трудности, решать новые задачи и добиваться успеха.

Михаил Михайлович, перебравшись в Москву (в 1910 г. жил в доме по адресу ул. Б. Лубянка, 7/15)[1], вместе с братом Николаем Михайловичем (1848—1878) наладил торговлю с Сибирью, был московским агентом Добровольного флота, пароходы которого ходили между Петербургом, Одессой и Владивостоком. «Сибирский торговый дом Братья Зензиновы» занимался поставками чая, мехов, серебряных слитков. Пользу-

[1] Письмо М. М. Зензинова Н. А. Морозову от 30 ноября 1910 г.// Архив РАН. Фонд 543. Личный архив Н. А. Морозова. Д. 670. Оп. 04.

ясь исключительно хорошей репутацией в коммерческом мире, Михаил Андреевич очень гордился званием «коммерции советника». Имел Зензинов и собственное издательство. Впервые в 1906 г. он издал в открытках 86 портретов декабристов, художественно оформленных московской фототипией К.А.Фишера с оригиналов работы декабриста Н.А.Бестужева, исполненных в Сибири, а также виды декабристских мест Забайкалья. (Полный набор этих открыток хранится в Музее истории Санкт-Петербурга — *Авт.*) Выходец из народа, он живо откликался на беды и несчастья, время от времени обрушивающиеся на Россию. В помощь голодающим М.М.Зензинов в 1907 г. издает альбом *«Помощь голоднымъ».* Это был прекрасный замысел! В альбом вошли автографы и факсимиле многих российских ученых, художников, композиторов, общественных и политических деятелей, артистов и писателей.

Будучи членом Комитета Московского общества помощи нуждающимся сибирякам и сибирячкам, он помогал студентам, приезжавшим учиться в Москву, и даже предоставлял место для проживания в своем доме. В семье было четверо детей: Анна, Иннокентий, Михаил[1] и младший — Владимир. В доме часто собирались

[1] Зензинова Анна Михайловна (1875—1942), в замужестве Подгурская. Ее муж, Подгурский Виктор Францевич (1874—1927)— врач-бальнеолог, инициатор и вместе с М.М.Зензиновым основатель курорта «Мацеста», который начинался с серных источников, взятых в аренду М.М.Зензиновым, и имения Зензиновых Михайловское, в котором позже размещалась дача Сталина. Могилы Зензиновых не сохранились.

Зензинов Иннокентий Михайлович (ум. 17.07.1935, Париж) Окончил ИМТУ (Императорское Московское техническое училище, ныне МГТУ им. Н.Э. Баумана) в 1900 г., инженер-механик. Агент Добровольного флота в Москве. Во ВСЮР (Вооруженные Силы Юга России) и Русской армии в Добровольном флоте до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Херсон». В эмиграции во Франции.

Зензинов Михаил Михайлович (1878—1920) — прапорщик запаса, политикой не занимался, расстрелян большевиками.

студенты-сибиряки — отец любил поговорить с «университетскими». Что могло быть интересно крепкому московскому купцу? Какие разговоры слышали в доме отца взрослеющие дети? О политике не говорили,— вспоминал Владимир. Но разговоры о жизни не могли быть вне политики. Московскому купечеству, имевшему очень прочные позиции в империи, пришлось поволноваться, когда пост министра финансов занял граф С.Ю.Витте (1892—1903). Его реформы касались налоговой системы и, главное, были направлены на привлечение в страну иностранного капитала в невиданных до того масштабах. Купечеству правительство отводило второстепенную роль, что, естественно, вызывало у него недовольство. Не было ли это одной из причин того, что московская купеческая группа участвовала в финансировании всех партий, которые были готовы бороться за свержение самодержавия? (Реально в России до революции действовали два иностранных банка — Лионский кредит и National City Bank of New York — *Авт.*) Аполитичный Михаил Михайлович на бытовом уровне, конечно, не мог быть в стороне от обсуждения общих проблем, которые касались и его сыновей — преемников торгового дела.

Купец Зензинов, рьяно заботясь об образовании всех своих детей, определил Владимира в 3-ю Московскую гимназию — на Лубянке, прямо против Кузнецкого Моста, в старинном доме, принадлежавшем некогда герою Смутного времени князю Пожарскому. Но учеба была не радостью гимназистов, а восьмилетней «гражданской войной» с ненавистными преподавателями. И хотя Владимир входил в десятку лучших учеников класса, он не испытывал любви к каким-то предметам, а тем более к педагогам. А вот с друзьями повезло: он нашел единомышленников. Это были Сергей Горожанкин, сын профессора ботаники Московского университета, и Евгений Воронов, отец которого, военный врач, служил на Кавказе. Поразительно, но в 14 лет мальчикам были интересны Адам Смит, Дарвин, Мальтус, Генри Джордж и Герберт Спенсер. Друзья увлекались

астрономией, социологией, психологией, историей. Кумирами были Толстой, Чехов, Михайловский — они даже писали им письма! Тогда же сами начали издавать свой журнал, «скромно» назвав его «Полярная звезда». Воронов писал о борьбе церкви с великими астрономами Кеплером, Коперником, Галилеем, Джордано Бруно. Горожанкин, будто бы совершив путешествие по Волге, делился критическими отзывами о властях. Владимир, начитавшись Летурно «Социология по данным этнографии», вовсю критиковал «современную эстетику, сравнивая женские наряды с украшениями дикарей и брачным оперением птиц». Позже он вспоминал: «*Мы были все трое воинствующими атеистами, нигилистами, ниспровергателями всех существующих основ, были за немедленное переустройство общества и всего мира на совершенно новых основаниях. Мы были из разряда тех русских мальчиков, про которых Достоевский как-то сказал: «Дайте такому мальчику карту звездного неба — и он вам ее в полчаса всю исправит!*».

Вопрос «делать жизнь с кого» решался друзьями сообща. О декабристах в доме Зензиновых говорили как о близких людях, ведь дед был знаком со многими, отец не забывал их и Володя восхищался их самоотверженностью. А сколько примеров для подражания давала художественная литература! Герои Чернышевского, Некрасова, Глеба Успенского, Степняка-Кравчинского побуждали к переживаниям и спорам, показывали новый образ жизни, новый образ поведения. П.А. Кропоткин отмечал, что «*ни в какой иной стране литература не занимает такого влиятельного положения, как в России. Нигде она не оказывает такого глубокого непосредственного влияния на интеллектуальное развитие молодого поколения*»[1]. Воспоминания, биографии деятелей революционного движения прошлого создавали заманчивый образ «настоящего революционера». Друзья увлечены были окутанной ореолом романтики

[1] Кропоткин П.А. Идеалы и действительность в русской литературе. СПб., 1907. С. 2.

историей Великой французской революции, знали и о казнях членов «Народной воли». В молодых умах складывался «миф о герое».

Пройдет еще пара лет, и друзья начнут свои «жестокие игры» в политику. Сначала написанные от руки призывы к *«немедленному восстанию»* будут расклеивать на окраинах Москвы, потом распространять в рабочих кварталах книжечки рассказов Л.Толстого, в которые вклеивали прокламации с цитатами из речей времен Великой французской революции. «Героические натуры» до поры до времени не подозревали, что попали уже в поле зрения Московского охранного отделения. Вероятно, неприятности от полиции для семей Воронова и Горожанкина привели к тому, что пути «героев» разошлись, на тропе революции остался только Зензинов. Как ни странно, родители Владимира, вовсе политикой не интересуясь, с уважением относились ко взглядам сына. Согласились они и с его решением получать университетское образование в Европе — думали, что вдали от России Владимиру будет безопасней.

Как пишет В.М.Зензинов в «Пережитом», он узнал об открытии «социалистического университета в Брюсселе» и на нем остановил свой выбор (вероятно, имеется в виду Свободный университет в Брюсселе, открытый в 1834 г., а в 1898 г. распространилась информация об открытии в рамках университета Географического института — *Авт.*) Однако, приехав к месту в июне 1899 г., он попал в самую гущу политических беспорядков — манифестаций в пользу избирательного права, в которых, кстати, с восторгом принял участие. Прожив месяц в Брюсселе, он с удовольствием изучал французский язык и наводил справки о «своем» учебном заведении, но о «социалистическом университете» восторженных отзывов не было.

Приняв к сведению общее мнение о целесообразности получения качественного образования в Берлине, он выехал в Германию и уже в августе 1899 г. был зачислен в университет. Студенты могли слушать лекции в разных университетах страны, выбирая курс, кото-

рый был интересен,— хотелось получить от занятий как можно больше. Владимир слушал лекции «знаменитостей» в университетах Берлина, Галле и Гейдельберга, занимаясь философией, экономикой, историей и правом. За пределами России доступна была запрещенная на родине революционная литература, знакомство с которой укрепляло революционные взгляды молодого человека. В те годы в нем, как писал лидер эсеров В.М.Чернов, «чувствовалось нечто от московско-сибирского старовера, точно одетого в застегнутый на все пуговицы длинный сюртук и сочетающего чинную строгость со смягчающей ее сентиментальностью» (В.М.Чернов. «Перед бурей»). В годы учебы сплотился «квартет» друзей, которому Владимир всю жизнь сохранял верность: Илья Фондаминский, Абрам Гоц и его кузина Амалия Гавронская, внучка чаеторговца Высоцкого. В числе друзей-единомышленников были Николай Авксентьев, Дмитрий Гавронский, В. Руднев, Мария Тумаркина, М. О. Цетлин.

На тот же период пришлась завязка тяжелой драмы всей жизни Владимира — роковая любовь к Амалии. Он еще в 1901 г. избрал ее своей Прекрасной Дамой, заполнившей все его мысли и чувства. В зрелые годы он писал, что любовь эта была *«самым волшебным переживанием»* и *«главным содержанием всей его жизни»*. Но его «святыня» стала женой лучшего друга, Ильи Фондаминского. Зензинов провел всю жизнь рядом с Фондаминскими в традиционном для начала века треугольнике дружбы-любви; ему оставалось только «греться у чужого огня», пренебрегая насмешками и кривотолками, всегда быть рядом с безответно любимой. Связанные дружескими узами и уважая чувства каждого, они сохраняли их до своих последних дней. Владимир Набоков, много позже подружившись с Зензиновым и семьей Фондаминских, в романе «Дар» отразил облик Амалии Осиповны в Александре Яковлевне Чернышевской — маленькой женщине «с ослепительно синими глазами», устраивающей литературные четверги с чаем.

Владимир проучился в университете четыре с половиной года. Через один или два семестра нужно было сдать экзамены, была выбрана тема для докторской работы по философии — «Спиноза и Фихте», но не доучился и диссертации не защитил... Находиться вблизи счастливых молодоженов было невыносимо. Он решил вернуться в Россию — пора было отдаться другой своей страсти — революции. Никто из друзей не отговаривал.

Профессия «революционер»

> Революции — для меня это очень сложная тема. С одной стороны, чистые идеалы, мечты о рае на земле, о братстве и равенстве. С другой стороны, смерть, кровь и в результате борьбы, как правило,— пришедшая к власти несправедливость.
>
> *Юрий Шевчук, певец, музыкант*

Побывав за границей, Зензинов еще в студенческие годы познакомился с профессиональными революционерами. Они приезжали из России в Германию и Швейцарию для вербовки новых кадров среди студенческой молодежи, для подготовки новых выпусков революционных агитматериалов, для сбора средств на издания, для вывоза взрывчатых веществ из мастерских по их производству, для разработки планов дальнейших действий. Да мало ли забот было у тех, кто стремился переустроить российскую действительность. Женева уже тогда стала центром русской политической эмиграции и главным штабом русской революции. Здесь печатались два главных революционных журнала: социал-демократическая партия издавала «Искру», а партия социалистов-революционеров (ПСР) «Революционную Россию».

Студент Владимир Зензинов вошел в круг людей, общение с которыми глубоко воздействовало на его мировоззрение. Вот только несколько имен его новых знакомых: Б.В. Савинков, Е.Ф. Азеф, А.Д. Покотилов, «народники» 70-х годов — Феликс Волховский, изда-

вавший в Лондоне «Летучие листки», известные Владимиру еще в гимназические годы, Л.Э.Шишко, автор «Очерков по русской истории», миллионы экземпляров которых сыграли большую роль в развитии революционного сознания крестьян и рабочих. Сильное впечатление на юношу произвела «бабушка русской революции» Катерина Брешковская, стоявшая у истоков партии социалистов-революционеров вместе с М. А. Натансоном, Г.А.Гершуни, Н.С.Русановым, В.М.Черновым, М.Р.Гоцем.

По возвращении в Москву в 1904 г. Владимир Зензинов вступил в партию эсеров — юношеские размышления о смысле жизни и подростковые мечтания о героических временах воплотились в поступок. Став революционером, он влился, говоря современным языком, в «молодежную контркультуру» — в протестное молодежное движение той поры. В этой среде были разные люди: одни делали свой выбор осознанно и надолго, другие присоединялись как попутчики, ищущие выгоду, третьи решали раскольниковский вопрос «Тварь я дрожащая или право имею?». «Многие из них рассматривали свою субкультуру как своего рода базовую (или как прообраз) для создания культуры нового социалистического мира, которая станет синтезом их субкультуры и культуры «трудящегося народа». Не случайно в начале XX в. были популярны идеи богостроительства и «пролетарской культуры». Но это — удел наиболее «продвинутых», выражаясь языком современной молодежи. А для массы революционеров считалось аксиомой, что своей жизнью, своей борьбой, своей моралью и даже своим бытовым поведением они должны служить маяками, примером для миллионов, прозябающих в нищете и вне «культуры»[1]. В. М. Зензинов по природе являл собой такой пример, и какие бы жесткие испытания ему ни выпадали, оставался непоколебим в своем выборе, мечтая о новом мире, об обновленной России.

[1] Морозов К.Н. Феномен субкультуры российского революционера начала XX в. PDF-файл, С145 на сайте http://www.docme.ru/ на 23.12.2016.

Оформившаяся в начале 1900-х годов партия социалистов-революционеров сразу же себя окрестила «преемницей «Народной воли». Один из основателей Боевой организации (БО) партии социалистов-революционеров Г.А. Гершуни писал, обращаясь к своим товарищам: *«Партия Социалистов-Революционеров считает себя духовной наследницей Народной Воли. Мечтой и стремлением пионеров П.С.Р. было вдохнуть в молодую партию тот дух революционной стойкости, гражданского мужества и беззаветной преданности народному делу, которыми так сильна была Народная Воля и который покрыл ее такой неувядаемой славой».* Эсеры считали движущими силами революции демократическую интеллигенцию, крестьянство и пролетариат. В Программе партии, написанной В.М.Черновым и принятой на 1-м съезде (декабрь 1905 — январь 1906 г.), содержались требования установления демократической республики, автономии областей, политических свобод, всеобщего избирательного права, созыва Учредительного собрания, введения рабочего законодательства, прогрессивного подоходного налога, установления 8-часового рабочего дня. Основой аграрной программы социалистов-революционеров было требование ликвидации помещичьего землевладения и передачи земли крестьянам. Аграрная программа эсеров обеспечила им в революции 1905—1907 гг. влияние и поддержку среди крестьян. В области тактики эсеры заимствовали у социал-демократов методы массовой агитации среди пролетариата, крестьянства и интеллигенции (главным образом среди студенчества).

Стратегической целью эсеры провозглашали социализм, понимая его как «обобществление труда, собственности и хозяйства, уничтожение вместе с частной собственностью самого деления общества на классы, уничтожение репрессивно-принудительного характера общественных учреждений». Эсеры признавали классовую природу борьбы за социализм, но при этом классовый антагонизм не абсолютизировали, говорили о важности нравственно-этической стороны социализма.

Все общество эсеры разделяли на тех, кто живет на заработанные своим трудом средства, и тех, кто пользуется нетрудовыми доходами. В отличие от марксистов, включавших в понятие «рабочий класс» только промышленный пролетариат, эсеры объединяли под этим понятием крестьянство, наемных рабочих, интеллигенцию. Главными противоречиями времени они считали противоречия между властью и обществом, между крестьянской массой и крупными землевладельцами. Центральным пунктом аграрной программы эсеров было требование «социализации» земли, что означало ликвидацию частной собственности на селе и передачу земли «бессословным сельским и городским общинам». В основу пользования землей, по мнению эсеров, должен был лечь уравнительно-трудовой принцип.

Лидерами эсеров были В.М. Чернов, Н.Д. Авксентьев, А.Р. Гоц, В.М. Зензинов, М.В.Спиридонова и др. В эсеровской тактике сочетались массовая агитация с систематическим террором. В глазах властей эсеры были самым опасным противником[1]. В организационной работе партии было немало проблем. Развращающее действие на качественный состав партии социалистов-революционеров оказывало «революционное хулиганство» на грани уголовщины — «экспроприации», особенно распространившиеся после 1905 г. Зачастую в них принимали участие люди, не имевшие представления ни о программе, ни о целях и задачах партии. В условиях конспиративной деятельности и в отсутствие гласности уберечь партию от случайных попутчиков было очень сложно. «Увлечение «эксами» вызывало серьезную тревогу у части революционеров «старого закала», пытавшихся (подобно лидерам ПСР Брешко-Брешковской, Гершуни, Чернову и др.) отсечь «экспроприаторскую язву» или хотя бы предотвратить самые гнусные эксцессы экспроприаторства».[2]

---

[1] Личман Б.В. История России с древнейших времен до наших дней. HTML-версия документа от 17.01.2017 [17:53:46].

[2] Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров во время и после революции 1905—1907 г.г.: Социокультурный фе-

Еще более серьезной проблемой была неспособность ЦК ПРС организовать жесткий контроль над Боевой организацией — разрозненные группы планировали и совершали теракты, не координируя свои действия. Эсеры создали законспирированную и фактически независимую от ЦК Боевую организацию. Основателем и руководителем её с конца 1901 г. был Г.А.Гершуни, с 1903 г. — Е.Ф.Азеф (оказавшийся провокатором), с 1908 г. — Б.В.Савинков, «классические» идейные террористы, готовые во имя достижения политических целей на самые радикальные меры.

Ключевую роль для революционеров сыграл «миф о герое», который очень активно формировался народнической литературой в конце XIX в. и удачно продолженный в начале XX в., благодаря литературному таланту Б.В. Савинкова. Миф об искупительной жертве, добровольном мученичестве, которое производится во благо народа, для переустройства общества. Именно эти компоненты были притягательной силой для молодого поколения, для революционеров «новой формации». Именно благодаря жертвенности удавалось в какой-то степени оправдать убийство, совершаемое членами Боевой организации. *«С морально-философской точки зрения акт убийства должен быть одновременно и актом самопожертвования»*, — констатировал Зензинов, имея в виду возможную смерть исполнителя. *«Вопрос о терроре был самым страшным, трагическим, мучительным»*,— размышлял он о нравственной гибели убийцы-боевика.

Корни фанатичного самопожертвования уходят в знаменитый «Катехизис революционера» Сергея Нечаева, который он составил в Швейцарии в 1871 г., предположительно при участии Бакунина. Нечаев хотел тотального разрушения России, с тем чтобы на ее почве могло взрасти нечто «новое», чистое и непорочное.

номен в контексте субкультуры российского революционера. // Cahiers du Monde russe. 2007. Avril-Septembre. N 48/2—3, P. 301—330. С. 310. Эл.ресурсsocialist.memo.ru/books/lit/morozov_psr_1905_1907.pdf

Но сначала эту почву нужно было удобрить кровью — причем речь шла далеко не только о крови власть имущих. Иезуитский, по сути своей аморальный, «Катехизис» Нечаева начинается так:

§ 1. Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией.

§ 2. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него — враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить.

В следующих 24 параграфах Нечаев излагает, как революционер должен относиться к обществу, к народу и к своим сообщникам. При этом он подчеркивает необходимость пользоваться и манипулировать более либеральными революционными болтунами и другими «не совсем посвященными» таким образом, чтобы они могли создать в обществе совершеннейший хаос. Представители власти не должны умерщвляться немедленно, им нужно давать возможность и дальше угнетать народ; тогда последний будет доведен до отчаяния и созреет для бунта. Все революционеры должны рассматривать себя и своих сообщников в качестве «капитала, обреченного на трату», для торжества будущей всеразрушающей революции. Товарища можно предать и принести в жертву, если того требует революция.

Бакунин по этому поводу писал: *«Истина, взаимное доверие, солидарность серьезная и строгая — существует между десятком лиц, которые образуют sanctussanctorum (святая святых —* лат.*) общества. Все остальное должно служить слепым оружием и как бы материей для пользования в руках этого десятка людей, действительно солидарных. Дозволительно и даже простительно их обманывать, компрометиро-*

вать и, по нужде, даже губить их; **это мясо для заговоров»** (выделено нами — *Авт.*)»[1].

Для террористов, как и для всех представителей тоталитарного мышления, политический противник — это абсолютный враг, бороться с которым нужно средствами насилия. Поскольку самим себе они кажутся борцами, выступающими на стороне абсолютного добра, то любой, кто, с их точки зрения, является врагом, должен быть уничтожен. Поэтому жизнь одного или 70 человек не имеет для них никакого значения. Так же, впрочем, как и жизни миллионов. Их идеи претендуют на универсальность и полный охват всех аспектов человеческой жизни. Они пытаются играть в Бога. Для Достоевского русские террористы и революционеры были именно одержимыми: в «Бесах» они сравниваются со стадом свиней, которые кидаются в пропасть[2].

В вопросе совершения терактов эсеры находили общий язык не только с анархистами и максималистами, но и с большевиками. Л.Б.Красин, впоследствии советский полпред в Лондоне, был организатором лабораторий по производству бомб и гранат в Петербурге и Москве и всегда охотно помогал эсерам в проведении операций. Впрочем, впоследствии большевики отказались от индивидуального террора, считая его нецелесообразным, а также признаком *«буржуазности и проявления недоверия к массам»* (В. М. Зензинов. «Пережитое»).

В течение года членами БО ПСР под руководством заместителя Азефа, Бориса Савинкова, были совершены два громких теракта: 15 июля 1904 г. был убит министр внутренних дел Плеве в Петербурге, 4 февраля 1905 г. — великий князь Сергей Александрович в Москве. Министр проводил жесткую политику в отношении оппозиции, в том числе крестьянских выступлений, великий князь также считался реакционером. В. М. Зензинов был одним из тех, кто участвовал в под-

---

[1] Цит. по кн.: Лурье М. Ф. Нечаев: созидатель разрушения. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 244.

[2] Воган П. Н. Достоевский и терроризм. http://gefter.ru/Карта памяти 16.04.2013

готовке этих терактов в качестве связного для передачи информации. «Аресты, проведённые полицией в марте 1905 г., существенно ослабили Боевую организацию. С февраля по октябрь её члены не осуществили ни один из запланированных терактов против крупных чиновников. После опубликования Октябрьского манифеста ЦК ПСР принял решение прекратить террористическую деятельность, и Боевая организация распалась. После подавления в Москве восстания в декабре 1905 г. и роспуска I Думы предпринимались попытки возобновить её деятельность, но к началу 1907 г. Боевая организация ПСР распалась окончательно»[1]. Вступив в Боевую организацию партии эсеров на излете ее существования, в январе 1906 г., Зензинов получил от ЦК задание отправиться в Севастополь, проследить за командующим Черноморским флотом адмиралом Чухниным и выяснить на месте возможность его убийства.

Григорий Павлович Чухнин был одним из самых заметных командующих Черноморским флотом, выполнявшим данную им присягу на верность царю и Отечеству. Обладая твердым характером и сильной волей, поддерживал на флоте порядок и дисциплину, в трудные минуты принимал жесткие решения во исполнение офицерского долга. И вот когда, в ноябре 1905 г., «внепартийный социалист» Петр Петрович Шмидт поднял на крейсере «Очаков» красный флаг, надеясь, что к восстанию присоединится вся эскадра, а этого не случилось, по приказу адмирала Чухнина лейтенант Шмидт и с ним несколько матросов были расстреляны. Николай II благодарил вице-адмирала за усердие в борьбе с врагами империи, революционеры — заочно приговорили к смерти.

В Севастополе, кроме наблюдения за Чухниным, Зензинову не пришлось что-либо предпринимать. Адмирал был расстрелян членом другого боевого отряда. Боевая организация фактически находилась вне контроля ЦК партии.

---

[1] Гейфман А. Революционный террор в России, 1894—1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. С. 78—83.

Зензинов много думал о терроризме как методе революционной борьбы, и когда вступал в Боевую организацию, и через много лет после, когда был далеко от постреволюционной России. Один малоизвестный публицист из эмигрантов первой волны дал оценку выбору Зензинова в предисловии к первому изданию книги «Пережитое». «*В. М. Зензинов сделался террористом, в сущности, вопреки своей природе... Поистине, В.М. Зензинов был рожден не для того, чтобы проливать человеческую кровь, и не даром дался ему «подвиг террориста». В.М.Зензинов был гуманистом... Гуманизм в крови русского человека... У нас гуманизм проявился в чудовищном сочетании с терроризмом... Зензинов служил тому, что Н.Н.Стахов называл в письме по поводу убийства императора Александра II теоретическим убийством... Теоретическое убийство — не по злобе, не по реальной надобности, а потому, что в идее это очень хорошо... Теоретическое убийство — это диктатура отвлеченного начала (В.В.Соловьев) над чувствами и совестью человека и, что самое ужасное, человека зачастую хорошего. Социалисты-революционеры утверждают, что к ним шли лучшие, а в Боевую организацию лучшие из лучших... Социалисты-революционеры, эти раскольниковы русского общества, разрешили себе кровь. Под бременем этого своего преступления лучшие из них оказались душевно изуродованными... Самооправдание — только попытка защититься от кровавых мальчиков в глазах... Логическая защита террора у Зензинова слаба: «Убийство при всех условиях остается убийством. Мы идем на него только потому, что правительство не дает нам никакой возможности проводить нашу политическую программу, имеющую целью благо народа» («Пережитое»-Авт.). Тут все дело в молчаливой гордыне, в претензии на непогрешимость, в детской вере, что программа, сочиненная «русскими мальчиками», действительно несет благо народу... «Святые демоны»,— хочется сказать о русских террористах,*

заблудившихся между ложным гуманизмом и душевной болезнью»[1].

Несколько месяцев Зензинов состоял в боевом отряде, но уже весной 1906 г., приняв окончательное решение, вышел из его состава. В качестве представителя Центрального комитета ПСР он с воодушевлением поехал на агитационную работу среди крестьян Киевской и Черниговской губерний, в необходимости которой был горячо убежден. Встречи с народом были необходимы обеим сторонам: крестьяне получали азы политграмоты, агитаторы изучали крестьянский вопрос изнутри. Руководство партии весной 1907 г. подготовило специальную инструкцию местным работникам, в которой «рассказывалось о целях, задачах, способах организации, агитации и деятельности Крестьянского союза ПСР, содержалась также «Программа вопросов для ознакомления пропагандистов с местными условиями». По сути дела, партийным работникам предлагалось провести своеобразный социологический опрос среди крестьян, состоявший из 60 вопросов, разбитых на 10 блоков. Прежде всего, партработник должен был собрать ответы на 25 вопросов, рисующих социально-экономический портрет данной деревни. Часть из девяти разделов носила названия, говорящие сами за себя : Власть, Попы, Помещики, Кулаки, Борьба, Война, Литература. Вопросы выясняли как фактическое положение, так и мнения крестьян по этим вопросам...»[2]. Агитаторы давали необ-

---

[1] Н. Осипов. Святые демоны // Грани. 1994. № 174. С. 303—308. Н. Осипов, наст. Поляков Николай Иванович (1889, Рига. 1963, Обераммергау, Германия). Публицист. Член НТС (Наро́дно-трудово́й сою́з росси́йских солидари́стов — политическая организация русской эмиграции) с 1944 г. Власовец, служил в РОА. Позже осуждал фашизм. Автор работы «Очерки большевизмоведения» «Посев», совм. с Р. М. Редлихом), писал статьи в газету «За Россию». В 1951 г. избран в Совет союза НТС, член «Высшего суда совести и чести». В 1954 г. вышел из НТС. Автор книги «Клевета друзей».

[2] Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров как партия демократического социализма. Новые профсоюзы и демократические левые: исторические корни и идейные ориентиры:

ходимые разъяснения, выслушивали мнения крестьян, которые хотели сами «разобраться в существующих на местах земельных отношениях в целях составления ими конкретного плана социализации земли». Впрочем, ЦК нашел это «полезным лишь в том случае, когда этой работой руководит сверху специальная группа лиц и освещает крестьянам необходимость общей постановки вопроса»[1].

Взрывом бомбы в рядах самой партии эсеров стало известие о предательстве Азефа. Владимир Зензинов, как и другие, испытал настоящее потрясение от того, что *«этот человек оказался предателем, за деньги продававшим правительству головы своих наиболее близких друзей»*. Он «тонко охарактеризовал фигуру Азефа, обманывавшего революционеров, выдавая их Департаменту полиции, и обманывавшего полицейских и правительство, участвуя на деле в террористических предприятиях. Какие цели в действительности преследовал Азеф? — задавался риторическим вопросом Зензинов в 1924 г. *«Эта тайна осталась с ним. Я могу <...>лишь высказать предположение: по натуре своей он был игроком — он играл головами других и своей собственной, и эта игра, в которой он должен был себя чувствовать мастером, давала ему в руки ту власть, которая его опьяняла, — власть над правительством и революцией. Но за эту игру никогда он <...> не забывал получать от правительства свои тридцать серебреников»*[2].

материалы междунар. науч.-практ. конф. (Киев, 2-3 ноября 2013). Киев, 2014. С.41.

[1] МИСИ. Архив ПСР.152. Цит. по: Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров как партия демократического социализма.

[2] Стэнфордский университет. Коллекция Б. И. Николаевского, 205—218, L. 13 (Зензинов В.М. Провокатор Азеф. Рукопись). Цит. по: Городницкий Р. А. Три стиля руководства Боевой организацией партии социалистов-революционеров:Гершуни, Азеф, Савинков. Эл. Ресурс http://www.memo.ru/history/terror/gorodnickij.htm#n28

Когда в конце декабря 1908 г. в Париже Зензинов принял участие в совещании однопартийцев о решении участи Азефа, в решении своем он был бескомпромиссен. Б.В. Савинков в «Записках террориста» вспоминал: «На обсуждение был поставлен вопрос: возможно ли убить Азефа немедленно, не приступая к допросу, или необходимо произвести дополнительное расследование и в зависимости от результатов его решить и судьбу Азефа? Мнения разделились. Четыре человека (Зензинов, Прокофьева, Слётов и я) высказались за немедленное, без допроса, убийство Азефа. Мы утверждали, что Азеф, конечно, знает о подозрениях Центрального комитета, — если он не поставлен в известность полицией, то он догадался о них по перемене отношения к нему товарищей. Таким образом, продолжение расследования грозит бегством Азефа. Кроме того, мы указывали, что убийство Азефа после допроса может юридически компрометировать весь Центральный комитет и отразиться на судьбе всех центральных учреждений партии, а это с партийной точки зрения недопустимо: Азеф должен быть убит без значительных для партии потерь. Наконец, виновность Азефа, по нашему мнению, была столь очевидна, что обвинение ни в дальнейшем расследовании, ни в допросе не нуждалось»[1]. Провокатор был приговорен соратниками к смертной казни. Однако в ночь на 24 декабря 1908 г. ему даны были 12 часов для «доказательств своей невиновности». «В книге Нины Берберовой (курсив мой) есть такой пассаж, относящийся к Зензинову: *«Человек, который... упустил Азефа. Поставлен ночью сторожить его на углу бульвара Распай, но, увидев, что окно в квартире Азефа погасло, решил, что Азеф лег спать, и пошел домой»*. Берберова ссылается на книгу Зензинова «Пережитое» (1953), но в ней этого эпизода нет: она завершается 1908 г. Нина Николаевна излагает версию, известную ей, скорее всего, из устного источника. Другая версия принадлежит Николаевскому («Конец Азефа»):

[1] Савинков Б.В. Воспоминания террориста. 1909.http://az.lib.ru/

«Зензинов и Слетов ходили по своей личной инициативе по *Boulevarde Raspail*, говоря о том, что, может быть, на свой личный страх и риск зайти и пустить ему пулю в лоб, но этого не осуществили и, походив, разошлись по домам»[1]. Так или иначе, Азеф выбрался из дома и бежал в Кёльн. Скрывшись за границей, он прожил еще 10 лет и умер в Берлине в 1918 г.

«Измена Азефа на многих произвела ошеломляющее впечатление, многие разуверились в жизни, в людях <...>, у других, наоборот, она вызвала прилив энергии. Мы видели в этом событии удар по партии, удар по революции — необходимо было усилить революционное движение»,— писал Зензинов в своих воспоминаниях «Из жизни революционера», так же как и в «Пережитом», не упоминая о «ночном дозоре».

Пройдут годы, а история о вероломном предательстве не забудется. «В марте 1917 г. Зензинов, разбирая архив Департамента полиции, будет читать «Досье Евно Азефа», в котором найдет и донесения о себе.<...> История эта переросла партийные рамки и стала темой не только полицейских донесений, но и мемуаров, романов и даже, гораздо позже, пьесы «Азеф» по роману Р. Гуля, поставленной «Русским театром» в Париже в 1936 г. Зензинов был выведен под собственной фамилией. Ему была дана уникальная возможность заглянуть в свое прошлое, полное революционной романтики»[2]. До сих пор остается неизданной подготовленная В.М.Зензиновым к публикации рукопись «Провокатор Азеф».

В 1911 г. В.М.Зензинову пришлось пережить еще одно значительное разочарование в близком человеке. Находясь в заключении, он узнал, что Б.В.Савинков, его соратник по партии, друг, «блестящий рассказчик

---

[1] Шубинский В. Азеф. М.: «Молодая гвардия», 2016 (Жизнь замечательных людей). Сайт Большая онлайн-библиотека e-reading.by: http://www.e-reading.by/

[2] Глушанок Г.Б. Переписка В. В. Набокова с В. М. Зензиновым. Предисловие к: Набоков В. В. «Дорогой и милый Одиссей...»// Наше наследие. 2000. № 53. С. 76 — 115.

и очаровательный собеседник», проиграл в Монте-Карло партийные деньги — всего около 300 франков, но история получила в среде эсеров большую огласку. Владимир Михайлович счел невозможным далее поддерживать отношения с растратчиком и написал письмо Савинкову, в котором известил о разрыве дружбы между ними. Может быть, поэтому Савинков в своих «Воспоминаниях террориста» упоминает о Зензинове только тогда, когда этого требует изложение событий, не добавляя характеристик или эпитетов в отношении бывшего друга.

Благодаря стараниям охранного отделения Владимир Зензинов много «путешествовал». Маршруты зачастую определялись решениями суда, но при удачных обстоятельствах менялись — помогала собственная смекалка. Вернувшись в Москву в январе 1904 г., он уже через год, в ночь на 9 января 1905 г., во время массовых арестов в Москве, был арестован и после шестимесячного пребывания в Таганской тюрьме приговорен на пять лет к административной ссылке в Восточную Сибирь. Но этапное движение в Сибирь во время Русско-японской войны было отменено и место отбывания наказания заменили ссылкой на север России — в Архангельскую губернию. Оттуда он бежал в день прибытия, выбрался за границу и в августе 1905 г. был уже в Женеве. Весть о Манифесте 17 октября 1905 г. заставила его снова вернуться на родину.

В 1906 г. он был сослан в Восточную Сибирь на пять лет. Летом 1907 г. с партией других арестованных он прибыл в Якутск. Опыт побегов и родительский капитал давали возможность быстро принимать решения. Под видом золотопромышленника он бежал через тайгу в Охотск (от Якутска до Охотска около 1600 км), из Охотска на японской рыбачьей шхуне добрался до Японии, а затем на пароходе через Шанхай, Гонконг, Сингапур, Коломбо и Суэцкий канал вернулся в 1907 г. в Европу.

В мае 1910 г. В. М. Зензинов снова арестован в Петербурге и после шестимесячного заключения в Пе-

тропавловской крепости вновь отправлен на пять лет в Якутскую область — на этот раз в края, откуда никакой побег не был возможен: поселение было на побережье Ледовитого океана, в устье реки Индигирки, в трех тысячах верст к северу от Якутска! «*Трудно себе представить, что может в этом диком крае сделать интеллигентный человек, интересующийся окружающим!*» — писал он. В столь особых условиях Владимир Михайлович наполнил свою жизнь новым смыслом. Он вплотную соприкоснулся с удивительным местным населением, имевшим странный необычный говор. «Это был древний язык, в котором чаще всего встречались слова и обороты, свойственные обитателям русского Поморья конца XVI — начала XVII века»[1]. Он всерьез занимался этнографией, метеорологией, орнитологией и медициной, много фотографировал, научился ставить сети, ездить на собаках. Срок ссылки закончился в 1914 г. Но, прежде чем ехать домой, Зензинов принял участие в небольшой гидрографической экспедиции под руководством П. Л. Драверта[2] по поиску в устье Лены глубоководной протоки для захода морских судов. Но все окончилось неудачей: «*Нам не суждено было обессмертить свои имена географическим открытием*»,— сетовал он. Проведенные им на Крайнем Севере годы — в Русском Устье, Верхоянске и Булуне (низовья Лены) — не прошли бесследно. Результатом этого явились сотни фотографий, коллекция из 33 тушек птиц, отправленная исследователю Б.М.Житкову[3] (передана им в Зоологический музей Московского университета — *Авт.*), статьи и книги об этом далеком, малоизвестном и интересном крае: «В гостях у юкагиров»//

---

[1] Браткова Т. Русское Устье // Новый мир. 1998. № 4. Сайт Журнальный зал. http://magazines.russ.ru

[2] Дра́верт Пётр Людо́викович (1879—1945) — российский учёный, поэт, писатель.

[3] Житков Борис Михайлович (1872—1943) — российский зоолог, охотовед, эколог, путешественник, литератор, исследователь Севера России. Профессор МГУ (1919—1931) и Петровской сельскохозяйственной академии (1921).

Этнографическое обозрение. М., 1914; «Старинные люди у холодного океана». М., 1914; «Очерки торговли на севере Якутской области». М., 1916; «Русское Устье». Берлин, 1921; «The Roadto Oblivion». New York, 1931; «Chemindel'Oubli». Paris, 1932.

Вихри революций

«Революция ударила как гром с неба и застала врасплох не только правительство, думу и существовавшие общественные организации... Будем откровенны: она явилась великой и радостной неожиданностью и для нас, революционеров, работавших на нее долгие годы и ждавших ее всегда,— писал В.М.Зензинов («Дело народа». 1917.15.III). После такого признания как не задуматься о том, что «революция оказалась побочным продуктом» их деятельности, их «актов «борьбы за права народа, за свержение самодержавия», ибо именно эти акты повышали их собственную цену в глазах сочувствующей публики»[1] и повышали личную самооценку? Не стоит ли сбрасывать со счетов, что в «сообществе революционеров» были ситуации, когда лидеры «беззастенчиво манипулировали... народными массами в своих корыстно-корпоративных интересах»[2] и сама борьба становилась самоцелью? Возможно, прозрение и разочарование отвращало часть социалистов от партийной работы. После «дела Азефа» поредели ряды эсеров, отходили от партийных дел и «эсдеки»: Л.Б.Красин в 1912 г. (восстановил членство в партии в 1917 г.), Б. Л. Эйдельман, А. Ванновский — делегаты I съезда РСДРП. Однако абсолютное большинство социалистов, и Зензинов среди них, сохраняли свои взгляды до последних дней и, без преувеличения, готовы были поплатиться за них жизнью. Зензинов оставался верным и «своим» лидерам.

[1] Эдельман О. Профессия — революционер // Логос. 2006. №5(56). С. 153.

[2] Там же.

В 1915 г. он вернулся из ссылки в Москву, познакомился и *«подружился с Керенским, который тогда был лидером крайней оппозиции в Государственной думе и своими выступлениями по самым разнообразным вопросам завоевал в Думе и в стране внимание и уважение. Он совершал из Петрограда частые поездки по России и проездом через Москву всегда заходил ко мне, и мы горячо обсуждали политическое положение в России, наши взгляды были одинаковы»*,— вспоминал Зензинов. Французский посол в Петрограде, Морис Палеолог в своем дневнике, в записи от 2 (15) марта 1917 г., характеризует Керенского следующим образом: «Молодой депутат Керенский, создавший себе, как адвокат, репутацию на политических процессах, оказывается наиболее деятельным и наиболее решительным из организаторов нового режима». А вот В.Д. Набоков, находившийся в должности управляющего делами Временного правительства, считал, что Керенский сыграл роковую роль в истории русской революции. В апреле 1918 г. он горестно констатировал, что «бездарная, бессознательная, бунтарская стихия случайно вознесла на неподходящую высоту недостаточно сильную личность»[1]. Это было общее мнение современников.

Находясь в Петербурге с января 1917 г. по январь 1918 г., Зензинов после Февральской революции был избран в члены ЦК ПСР и исполкома Петроградского совета, а в июне 1917 г. на первом съезде Советов — членом ВЦИК. Вместе с В.М.Черновым он занимал центристскую позицию, которая тогда выражала официальный курс партии, а к 1919 г. «поправел». Правые эсеры резко отрицательно относились к большевикам с их курсом на социалистическую революцию и лозунгом перехода власти к Советам. Они настаивали на продолжении мировой войны до победного конца. Левые эсеры, напротив, спасение России видели в прорыве к социализму и мировой революции. Выступив против полити-

[1] Глушанок Г.Б. Переписка В. В. Набокова с В. М. Зензиновым. Предисловие к: Набоков В.В. «Дорогой и милый Одиссей...»// Наше наследие. 2000. № 53. С. 76—115.

ки коалиции с кадетами, левая оппозиция стремилась к передаче всей помещичьей земли в распоряжение земельных комитетов до окончательного решения этого вопроса Учредительным собранием. Законопроект о земле так и не был принят. Как редактор газеты «Дело народа», центрального органа партии эсеров, Зензинов развернул ожесточенную кампанию против В. И. Ленина и большевиков. Их лозунг о диктатуре пролетариата был совершенно неприемлем для демократических преобразований в стране. *«Зензинов одно время был близок с Лениным, с которым разошелся во взглядах до ненависти,*— вспоминал князь А. П. Щербатов. — *С Керенским же продолжал дружить всю жизнь, и мы часто встречались втроем»*[1].

Одним из главных лозунгов 1917 г. был созыв Учредительного собрания, к которому должна была перейти вся высшая власть в стране. Идею поддерживало большинство политических партий, за созыв выступало Временное правительство и большевики. Учредительное собрание должно было стать завершающим этапом демократической революции. Было избрано 707 депутатов Учредительного собрания. Большинство голосов получила партия эсеров — 410 мест, большевики получили меньше четверти — 175 мест. 25 октября 1917 г. власть в стране перешла в руки большевиков. Учредительное собрание им, в принципе, было уже не нужно. В ноябре в «Правде» были опубликованы «Тезисы об Учредительном собрании», написанные В.И.Лениным. Их публикация стала своего рода объявлением войны Учредительному собранию. 22 декабря 1917 г. в Петрограде было введено чрезвычайное положение. Власть в городе перешла к Чрезвычайному военному штабу. В ответ на эти меры большевиков был создан Всероссийский союз защиты Учредительного собрания. *«Большевистский переворот изменил все, он бросил между социалистическими партиями факел вражды и гражданской войны, он сверг Временное правительство, в*

---

[1] Алексей Щербатов. Из воспоминаний//Новый журнал. 2002. № 227. Сайт Журнальный зал: http://magazines.russ.ru

составе которого были члены партий социал-демократов и социалистов-революционеров, большевики отделили себя баррикадами от других социалистических партий, впервые в истории русской революции началась братоубийственная война, впервые между социалистами пролилась кровь»,— отмечает Зензинов в своих записках «Из жизни революционера».

В ноябре 1917 г. Зензинов был избран депутатом Учредительного собрания, первое и единственное заседание которого состоялось 5 января 1918 г. Накануне Владимир Михайлович имел тяжелый разговор с воинственно настроенным Керенским, скрывавшимся от большевиков главой Временного правительства, но горячо стремившимся попасть на открытие собрания, чтобы призвать к оружию. Керенский вспоминал: «Зензинов заметил: *«Положение в Петрограде коренным образом изменилось. Ваше появление в Учредительном собрании будет концом для нас всех»*... Я лишь сказал, что крайне огорчен решением не проводить вооруженной демонстрации и что, на мой взгляд, Учредительному собранию не следует без боя сдавать свои позиции. *Будучи сторонником строгой партийной дисциплины и в то же время глубоко порядочным человеком* (выделено нами — *Авт.*), Зензинов искренне согласился с моим мнением и добавил, что такой же точки зрения придерживается его партийная фракция в Учредительном собрании»[1].

Первое заседание от имени ВЦИК открыл Я. М. Свердлов и зачитал проект «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» для принятия ее Учредительным собранием. Россия объявлялась республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам. Сразу же разгорелась горячая дискуссия о последовательности решения главных задач — мира, власти, собственности на землю. Стенографический отчет заседания от 5 января 1918 г. сохранил сформулирован-

---

[1] Керенский А. Россия на историческом повороте: мемуары. М., 1993. С 294—295.

ные Зензиновым требования партии эсеров на текущий момент. Очевидные расхождения с большевиками делали эти партии непримиримыми врагами.

«...Страна ждет от Учредительного собрания, в котором воплощается воля русской революции, разрешения вопросов о мире и о земле, и мы должны удовлетворить эти трепетные ожидания страны, те надежды, которые связала страна с Учредительным собранием и с русской революцией, мы должны выполнить. И поэтому фракция с.-р. предлагает прежде всего разрешить этот вопрос, полагая, что после того, как те партии и народы, которые представлены в Учредительном собрании, выскажутся по вопросам русской революции, по вопросу о земле и о мире, можно будет обсуждать <...> вопрос о власти, о формах государственного устройства в России»[1].

Несмотря на то, что обсуждение не прерывалось почти двенадцать часов, а декларация большевиков была отвергнута большинством из 237 голосов против 138, решений тогда не было принято. Под утро большевики и меньшевики покинули зал заседания. По инициативе ЦК партии большевиков, командовавший военным караулом матрос Железняков заявил председателю, что получил приказ Учредительное собрание закрыть, *«потому что караул устал»*. Около пяти часов утра был объявлен перерыв в заседаниях на 12 часов. Но заседания так никогда и не возобновились. В тот же день ВЦИК принял постановление о роспуске Учредительного собрания. Чтобы оно вновь не собралось, прибегли к простому методу: поставили караул у входа в Таврический дворец. Демонстрации в поддержку Учредительного собрания в Петрограде и в Москве были безжалостно разогнаны войсками. Так в 1918 году за-

[1] Всероссийское учредительное собрание 5 января 1918 года: (Стенографический отчет.)// Всероссийское Учредительное собрание. Документы и материалы. Центрархив. 1917 год в документах и материалах./ под редакцией М.Н.Покровского и Я.А.Яковлева. М.; Л., 1930. С. 53—54.

кончилась попытка ввести в России демократические формы правления.

Партия эсеров была объявлена вне закона. В.М.Зензинов по поручению ЦК ПСР переехал в Самару *«вместе с частью государственного золотого запаса, который удалось вырвать из рук большевиков».* (Сообщения о том, что золото это находится в нескольких зарубежных банках, как и сведения о нем в тайниках на шахтах Сибири — не более чем легенда — *Авт.*) В Самаре он вошел в Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), целью которого была временная, до созыва нового состава Учредительного собрания, власть в России и организация вооруженной борьбы с большевиками. Власть Комуча существовала на ограниченной территории России — в Самарской, Симбирской, Казанской, Уфимской и части Саратовской губерний. Там были отменены декреты советской власти, возвращены промышленные предприятия прежним владельцам, объявлена свобода частной торговли, восстановлены земства и городские думы, предоставлено помещикам право вернуть земли и снять урожай озимых 1917 г. Комуч сформировал свою Народную армию под командованием подполковника Генерального штаба В.О.Каппеля, которая после пополнения добровольцами стала бригадой. К ней присоединились полки Пензенской группы чехословацких войск, оторванные от корпуса действиями красных. Для мобилизации и вербовки населения в сёла направлялись военные отряды. И хотя, как пишет Зензинов, *«к августу 1918 года от большевиков была освобождена огромная территория России — все среднее течение Волги с городами Самарой и Казанью, Урал, казачьи области и почти вся Сибирь»*, к концу лета 1918 г. военное руководство стало восставать против политики руководителей Комуча. На указанных территориях действовали многочисленные местные правительства, не имевшие скоординированных и согласованных действий. В ноябре — декабре 1918 г. Комуч был ликвидирован.

На Государственном совещании в Уфе в сентябре 1918 г. Зензинов был избран во Временное всероссийское правительство, так называемую Уфимскую директорию. В правительство также вошли эсер Н.Д.Авксентьев, конституционалист-демократ В.А.Виноградов, беспартийные — генерал В.Г.Болдырев и П.В.Вологодский. 4 ноября 1918 г. В.М.Зензинов вместе с соратниками подписал «Грамоту Временного Всероссийского Правительства ко всем областным правительствам и ко всем гражданам государства Российского». В документе содержалось требование немедленно распустить «все без исключения Областные Правительства и Областные Представительные Учреждения» и передать все полномочия по управлению Всероссийскому правительству, объявлялось об установлении единства «всей российской армии, подчиненной единому верховному командованию». Грамота заканчивалась словами: «Принимая эти меры, Временное Всероссийское Правительство глубоко верит, что все части и все народности Великой России, поняв смертельную опасность, грозящую родине со стороны германо-мадьярских полчищ и их приспешников — большевиков, сплотятся в единое мощное целое, дабы под твердым руководительством всероссийской верховной власти вывести, наконец, нашу исстрадавшуюся отчизну из бездны распада на предначертанный ей путь всероссийского государственного возрождения». Подписано: «Дано в городе Омске 22 октября (4 ноября) 1918 г. Временное Всероссийское Правительство: Николай Авксентьев, Василий Болдырев, Петр Вологодский, Владимир Виноградов, Александр (имя указано ошибочно — *Авт.*) Зензинов. Управляющий делами Временного Всероссийского Правительства Аполлон Кругликов»[1].

В тот же день на базе министерств и центральных управлений Временного сибирского правительства был сформирован исполнительный орган Директории — Всероссийский Совет министров во главе с П. В. Воло-

[1] Газ. «Вестник Временного Всероссийского Правительства», №1, от 6 ноября 1918 г.

годским. 5 ноября назначение на должность военного и морского министра принял и вступил в эту должность адмирал Колчак. Однако авторитета Директория не имела; интриги, взаимная неприязнь социалистов и монархистов, бесконечные дискуссии, сменяющиеся банкетами, не способствовали его укреплению. Зрели заговоры с обеих сторон. Участь Директории была решена, когда обнаружилось, что эсеровские парторганизации получили от руководства Директории особые инструкции: предлагалось сплачиваться вокруг членов Учредительного собрания, вооружаться и быть готовыми в любой момент дать отпор правым силам. Понято это было как призыв к созданию эсерами собственных вооружённых формирований. В омских общественных и офицерских (монархических) кругах появились опасения за успех дела борьбы с большевиками при управлении страной Директорией. Образовался заговор с целью свержения Директории и установления единоличной диктатуры, свержения гражданского управления и установления военной диктатуры.

«В ночь на 18-е ноября 1918 года три члена Директории: Авксентьев, Зензинов и Аргунов и министр внутренних дел Роговский были арестованы группой офицеров во главе с казаками, полковниками Волковым, Красильниковым и Катанаевым. Тотчас же собрался Совет Министров, и ввиду создавшегося положения и возможных эксцессов было решено, взяв всю полноту власти в свои руки, передать ее в руки военного. Намеченных кандидатов оказалось двое: генерал Болдырев и Адмирал Колчак. Первый получил один голос, и Адмиралу была вручена Верховная Власть, которую Адмирал принял как Крест. Блестящая патриотическая речь его произвела неописуемое впечатление на всех присутствующих... у многих были видны слезы на глазах!— с пафосом описывал события адъютант Колчака (орфография сохранена — *Авт.*). Арестованных членов Директории под иностранной охраной вывезли в Китай с правом ехать куда угодно, и каждый из четырех получил по 75 000 рублей, что составляло по тогдашнему

курсу солидную сумму на иностранную валюту. Считая недопустимым покушение на верховную власть, адмирал Колчак предал офицеров, произведших «переворот», Волкова, Красильникова и Катанаева, военному суду, который, однако вынес этим офицерам оправдательный приговор»[1]. Это был узаконенный переход от гражданского управления к военной диктатуре.

20 лет в Европе

Все брали с поля битвы что-нибудь себе на память — я взял томик Пушкина и русский штык.
В.М.Зензинов. Встречи с Россией

К вынужденным путешествиям было не привыкать! В 1906—1907 гг., совершив очередной побег из мест заключения, Владимир Михайлович из Якутска добирался в Охотск, откуда на рыбачьей шхуне — до Японии, а затем на пароходе через Шанхай, Гонконг, Сингапур, Коломбо и Суэцкий канал — в Европу. Прошло одиннадцать лет — и вот второе вынужденное кругосветное путешествие! Высланный Колчаком в Китай, В.М.Зензинов через Японию и Америку добирается в Париж. Здесь его уже ждали друзья юности: Илья Исидорович Фондаминский и его жена Амалия Осиповна, которую Зензинов не переставал любить всю жизнь. Ему почти 40 лет. Париж — это начало второго этапа жизни — в изгнании, навсегда вдали от родины. Обстановка не располагала к благодушному отдыху, революционная активность В.М.Зензинова, направленная теперь против большевиков, приобретала новые формы.

В январе 1921 г. в Париже состоялось частное совещание членов Всероссийского учредительного собрания, целью которого было «обсуждение форм и способов защиты международных интересов России». Совещание

[1] Ротмистр В.В. Князев. Жизнь для всех и смерть за всех: Записки личного адъютанта Верховного Правителя Адмирала А.В.Колчака. Цит. по кн.: Окрест Колчака: документы и материалы/ сост. доктор исторических наук, профессор А.В.Квакин. М., 2007. С. 124.

осудило «преступную политику Антанты в отношении России», вред, который приносит русскому народу поддержка военной диктатуры, интервенция и блокада. В то же время участниками отмечалось, что главной их задачей является свержение диктатуры большевистского правительства. В избранную Исполнительную комиссию вошли В.М.Зензинов, Н.Д.Авксентьев, М.М.Винавер, А.Ф.Керенский, А.И.Коновалов, С.Н.Максудов, Н.В.Макеев, П.Н.Милюков и О.С.Минор. Разногласия между правым и левым крылом ПРС, между эсерами и кадетами, споры между лидерами партий о коалиции как таковой привели к тому, что осенью 1922 г. Комиссия прекратила свою деятельность.

26 июля 1920 г. в Париже основана «Инициативная группа внепартийного объединения», ставившая своей целью свержение власти большевиков и создание единой федеративной республики России, построенной «на принципах Февральской революции 1917 г.». В.М.Зензинов, вместе с Н. Д. Авксентьевым, И. М. Брушвитом, А. Ф. Керенским, Е. Ф. Роговским, вошел в Административный центр, который руководил текущей деятельностью Инициативной группы. Вопреки утверждениям о «внепартийности», Инициативная группа в подавляющем большинстве, ее Совет и Административный центр полностью состояли из эсеров. Административный центр пытался наладить связь с участниками антибольшевистских восстаний в Кронштадте и на Северном Кавказе, с Союзом возрождения казачества, вел агитацию среди военнопленных и интернированных российских граждан на территории Германии и Польши. Центр возглавлял также издание эсеровской литературы: газет «Воля России» и «Народное дело», журнала «Современные записки», информационного бюллетеня «Pourla Russie». Его деятельность осуществлялась одновременно в Париже и в Праге[1]. Центром неплохо была органи-

[1] Государственный архив Российской Федерации.Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории Белого движения и эмиграции. Путеводитель. Т. 4. 2004 Сайт Архивы России http://guides.rusarchives.ru

зована материальная сторона дела. Предположительно «были использованы оказавшиеся за границей задолго до Октябрьского переворота деньги Временного правительства, ассигнованные на закупку для России необходимого продовольствия, товаров и на дипломатические нужды. Сюда вошел и фонд исполкома комитета, членов Учредительного собрания, средства партии эсеров и Центросоюза кооператоров. Рассчитывали и на вклад в «Легиобанке»[1], где якобы хранилась часть вывезенного золотого запаса Российской империи. В.М.Зензинов с 1919 г. в течение двадцати лет жил в Париже и Праге, Берлине и снова в Париже, как того требовала партийная работа.

В 1921 г. в Париже был образован Российский Земгор — земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей, который стал одной из крупнейших общественных организаций русской эмиграции. Финансировался он за счёт частных пожертвований и средств Финансового комитета при Совещании российских послов, не признавших РСФСР. Помимо оказания помощи беженцам, Земгор занимался культурно-просветительной и благотворительной работой, способствовал созданию учебных заведений для русских эмигрантов. Наиболее активным его филиалом было Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (1921—1935). Эта фактически самостоятельная организация создавалась в Праге при непосредственном участии В.М.Зензинова, выступившего ее соучредителем. Через Земгор первое время чехословацким правительством распределялись средства на нужды эмиграции.

Деятельность Зензинова и его соратников была под личным контролем председателя ВЧК Ф.Э.Дзержинского, рекомендовавшего организовать «наблюдение за Керенским, Зензиновым, Черновым и др.», которое осу-

---

[1] Фролова Е. Непопулярная эмиграция//Нева. 2006. 10. Сайт: Журнальный зал: http://magazines.russ.ru/neva/2006/10

ществят соглядатаи-«добровольцы из б. эсеров (разных толков)»[1].

В 1922 г. в Берлине обосновалось ядро Заграничной делегации партии эсеров, которое составляли В.М. Чернов, В. М.Зензинов, Н. С.Русанов, В. В.Сухомлин (В. М. Зензинов вошел в Заграничную делегацию ПСР в 1920 г. — *Авт.*). Орган печати Одесского комитета социалистов-революционеров «Знамя труда» сообщил о составе «Заграничного бюро партии» российским читателям. Задачей своей руководители делегации, или бюро, видели мобилизацию зарубежного общественного мнения против готовившейся большевиками расправы над видными деятелями партии социалистов-революционеров, не один год томившимися в советских тюрьмах. Вместе со своими соратниками В. М.Зензинов вел обширную переписку с представителями зарубежных социалистических партий и международных социалистических объединений, организовывал встречи с их лидерами, прилагал усилия к поискам источников финансирования поездки в Москву иностранных адвокатов-социалистов, готовил для защиты необходимый материал. «К середине мая 1922 года удалось сформировать группу защитников, которая вскоре была отправлена на московский процесс. Наряду с иностранными адвокатами Заграничная делегация ПСР намеревалась послать в Москву в качестве защитников представителей эсеровской партии, находившихся за границей. В частности, обсуждались кандидатуры В.Я. Гуревича, В.М. Зензинова, С.А. Кобякова и В.В. Сухомлина. Однако ЦБ ПСР совместно с заключёнными членами ЦК посчитали, что приезд в Москву заграничных эсеров нецелесообразен. Иностранные защитники настояли на том, чтобы никто из российских революционеров-эмигрантов в Москву не ехал. В этой связи В.М. Зензинов писал в ЦБ ПСР:

«Из русских кандидатур реально стояли две: Сухомлина и Зензинова, но мы их в последнюю минуту

[1] Письмо Ф. Э. Дзержинского Х. Г. Раковскому от 19.01.1921.// РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 32—32 об.

сняли, благодаря вашим настояниям и просьбе здешней защиты, которая боялась, что их присутствие на процессе ненужно осложнит последний и может принести вред делу. Этих соображений для нас было достаточно, чтобы снять кандидатуры» (письмо Акакия (В.М. Зензинова) к ЦБ ПСР от 17 мая 1922 г.).

Не меньшей неожиданностью и неприятностью для большевистской власти стала появившаяся в эмигрантской печати в конце февраля 1923 г. информация о том, что Н.В. Крыленко — в то время заместитель наркома юстиции РСФСР и старший помощник прокурора РСФСР — якобы заявил о готовности временно выпустить некоторых осуждённых эсеров за границу для поправления здоровья, но с одним условием: их место в тюрьме должны занять находившиеся за рубежом видные деятели ПСР. И хотя данная информация не подтверждалась никакими официальными сообщениями, она стала основой целой серии публичных заявлений со стороны зарубежных эсеров. Пребывавшие за границей лидеры ПСР — В.М. Зензинов, А.Ф. Керенский, С.П. Постников, Н.С. Русанов, В.М. Чернов, Г.И. Шрейдер и другие — заявили о своём желании пойти на такой обмен, если от советского правительства будет на то официальное предложение... Зарубежные эсеры, подтвердив свою готовность стать заложниками за осуждённых, просили международные рабочие и социалистические организации вступить в переговоры с Москвой об условиях обмена. Безусловно, данное заявление было не только эффектным пропагандистским ходом, но и актом неподдельного, настоящего мужества эсеров-эмигрантов. Так или иначе, но Крыленко в ответе на запрос И.В. Сталина о воззвании ЗД ПСР полностью отрицал свою причастность к каким бы то ни было заявлениям относительно обмена осуждённых эсеров»[1].

---

[1] Новиков А. П. Заграничная делегация ПСР — организатор международной антибольшевистской кампании 1922 года. Сайт Российские социалисты и анархисты после октября 1917 года. http://socialist.memo.ru/

За деятельностью Заграничной делегации наблюдало Государственное политическое управление (в 1922 г. ВЧК преобразована в ГПУ), информационный отдел которого ежемесячно готовил подборку материалов о политическом состоянии в стране и за рубежом. Фамилия Зензинова в них упоминалась не раз.

В сентябре 1924 г. «Обзор политического состояния СССР» содержал следующую информацию: *«Заграничная делегация партии эсеров выпустила обращения «К братским социалистическим партиям» и «Ко всей демократии» по поводу голода в СССР. В этом обращении заграничная организация предлагает Бюро II Интернационала поднять кампанию против репрессий Советского правительства и вывоза хлеба за границу. В Берлине организован «Комитет общества помощи политическим заключенным и ссыльным социалистам в России» во главе с Зензиновым. Комитет издал листовку на разных языках против большевистского террора».*

В октябре 1924 г.: *«В Берлине ведется бешеная агитация против СССР («Комитеты помощи русским ссыльным и заключенным» под председательством Зензинова) в связи с репрессиями совправительства против «социалистов», печатаются вымышленные сообщения об убийствах и издевательствах в советских тюрьмах».*

В ноябре 1924 г.: *«Пропагандистская деятельность Заграничной делегации ПСР ведется в газете «Дни», официально беспартийной. Руководство газетой принадлежит двум редакциям — официальной и конспиративной. В состав конспиративной редакционной коллегии входят: Керенский, Зензинов, Виктор Чернов. Редакционная коллегия составлена на паритетных началах из представителей правых и левых (парижской и пражской) групп ЗД ПСР. Газета руководствуется директивой ЦК ПСР и ведет самую бешеную агитацию против большевиков под ярлыком*

беспартийности»[1]. Действительно, В.М.Зензинов был ярым противником установившейся в России большевистской диктатуры, он оставался убежденным демократом.

18 марта 1925 г. в Нью-Йорке 14 русских социалистов-эсеров и меньшевиков (Р. Абрамович, В. Александрова, П. Берлин, М. Вишняк, С. Волин, Ю. Денике, М. Джемс, В. Зензинов, Б. Николаевский, М. Хиной, В. Чернов, С. Шварц, Д. Шуб, Е. Юрьевский) обнародовали совместное обращение «На пути к единой социалистической партии», в котором говорилось: *«Теперь уже не может быть сомнения в том, что «социализм» без свободы означает худший вид рабства и бесчеловечного варварства. Теперь уже потеряли смысл все старые споры о взаимоотношении между социализмом и демократией. Демократия для нас является неотъемлемой частью самого социализма, она входит в самое определение социализма»* (Социалистический вестник. 1952. № 3). Это был символический итог деятельности российских социалистов в эмиграции.

Вдали от родины он жил проблемами России и, оттачивая мастерство публициста, много писал. Он публиковался в демократических и социалистических газетах и журналах: «За народ!»[2], «Воля России»[3], «Голос

[1] Эсеры в ежемесячных обзорах ОГПУ. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934). Сайт «Исторические материалы» :http://istmat.info/node/11672

[2] «За народ» — Орган Партии социалистов-революционеров. Таллин (Ревель), 1921. № 1—3. Редакторы — В. М. Зензинов, В. И. Лебедев, Ф. Е. Махин.

[3] «Воля России» — еженедельная газета, издававшаяся членами левого крыла партии эсеров в Праге. С января 1922 г. газета трансформировалась в еженедельный журнал того же названия, с сентября 1922 г. журнал стал выходить два раза в месяц, а с 1925 по 1932 г. — ежемесячно. Редакцию журнала составляли В.М.Зензинов, В.И. Лебедев, в нём участвовали А.Ф. Керенский, М.Л. Слоним. Журнал уделял большое внимание социальным и политическим проблемам, вел страстную полемику по вопросу об отношении к большевикам и к советской России. При абсолютном несогласии с марксизмом члены редакционной коллегии и бли-

России»[1], «Дни»[2], «Новая Россия»[3], «Современные записки»[4], «Русские записки»,[5] подписываясь, кроме своей фамилии, заглавными буквами *«В.З.»* или используя псевдоним *«Акакий»*.

Он сотрудничал и с литературно-художественными журналами «Русская земля»[6] и «Временник Общества

жайшие сотрудники журнала считали невозможным вооруженную борьбу с советским режимом. Журнал проявлял большой интерес к литературной жизни в советской России, печатались обзоры советской литературы, рецензии на издания в России, перепечатывалась внутри литературная полемика из советских журналов, произведения советских авторов.

[1] Голос России — ежедневная газета русской эмиграции, издававшаяся в Берлине. Подзаголовки: «Орган независимой русской политической мысли» (18.02.1919—15.10.1922; отв. ред. кн. Д. Д. Шаховской), «Орган русской демократической мысли» (с № 47, 1919).— 1919, 18 февр. — 1922, 15 окт. — Берлин, 1919—1922. Издавалась при ближ. участии П. Н. Милюкова, В. М. Зензинова, В. М. Чернова и др.

[2] «Дни» — русская ежедневная газета по вопросам политики, экономики и литературы. Издавалась в Берлине и в Париже Товариществом «Голос России» в 1922—1933 гг. Редакторы: А. Милашевский, М.М. Тер-Погосян (с № 85 (1923), А.Ф. Керенский (с № 1201 (1927).

[3] «Новая Россия»— еженедельная газета, орган русской национально независимой мысли и освободительной борьбы. Издавалась в Белграде в 1928 г. Редактор-издатель Н. Немирин.

[4] «Современные записки» — ежемесячный общественно-политический и литературный журнал, издаваемый при ближайшем участии Н.Д. Авксентьева, И.И.Бунакова, М. В. Вишняка, А.И.Гуковского, В.В. Руднева. Выходил в Париже в 1920—1940гг. Постоянные авторы: И.А. Бунин, И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, З.Н.Гиппиус, Д.С. Мережковский, М.А. Алданов, А.М. Ремизов, К.Д. Бальмонт, В.В. Набоков, М.И. Цветаева, Н.А. Тэффи и др.

[5] «Русские записки» — общественно-политический и литературный ежемесячный журнал. Выходил при ближайшем участии Н.Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка, В. В. Руднева (№ 1— 3). Под редакцией П. Н. Милюкова (№ 4— 21).— Париж; Шанхай, 1937— 1939. № 1— 21 (с № 4 — Париж).

[6] «Русская земля»: Альманах для юношества (Ко Дню русской культуры) / под ред. А.М.Черного и В.В.Зеньковского. Изд. Религиозно-педагогического кабинета и «YMCA-Press». Paris: [Изд-во «YMCA-Press»], 1928.

друзей русской книги»[1]. Литературные способности у политика, конечно, были: написанные довольно сдержанным языком его рассказы в целом получались содержательны и эмоциональны. На экземпляре книги Зензинова «Русское устье» (Берлин, 1921) о жизни автора в местах, куда до него *«никогда никаких ссыльных не ссылали»*, — надпись Бунина: *«Прочитал с большим удовольствием. Благодарю, обнимаю. Ив. Бунин»*. В 1925 г. в Берлине вышла книга Зензинова с трогательным рассказом про собаку Нена, с которой он прожил три с половиной года в ссылке в Якутии. Этот рассказ заканчивается такой фразой, описывающей момент прихода вести о кончине его четвероногого друга: *«Мне не стыдно признаться, что при чтении этого письма я плакал»*. В.М.Зензинов не был *сочинителем*, его творчество — это невыдуманные рассказы от первого лица о событиях, свидетелем которых он был. Его амплуа — публицистика как «высший род журналистики... Она выделяется тем, что всегда исполнена полемики, спора, борьбы за новые идеи. С его (публициста) творчеством несовместимы робость и трафаретность мысли, иллюстративность и несамостоятельность взгляда»[2].

В 1929 г. в Париже, в издательстве «Современные записки», он выпустил страшную своими реалистичными подробностями книгу «Беспризорные». 9 мая 1929 г. рецензию на книгу опубликовал в парижской газете «Возрождение» поэт Владислав Ходасевич, тогда уже эмигрант. Он писал, что книга составлена по материалам *«большевистских печатных источников, отчасти даже официальных. Таким образом, ни одна строка этого обширного труда никем не может*

---

[1] «Временник Общества друзей русской книги» (Париж, 1925—1938). Издательство Я. Поволоцкий и К° в Париже. Редакторы: Г. Л. Лозинский, Я. Б. Полонский. Основные авторы: С.К.Маковский, М. А. Алданов, С. Р. Минцлов, М. А. Осоргин, П. Н. Апостол, Г. Л. Лозинский, Я. Б. Полонский, А.П. Изюмов, В.М. Зензинов, М.О. Цетлин, А.Н. Бенуа, С.М. Лифарь, П.Н. Милюков, А.В. Руманов, Н.Н. Туроверов, Б. Унбегаун.

[2] Краткая литературная энциклопедия, т. 6, стб. 73.— М.: Сов. энциклопедия, 1971.

быть отнесена к числу пресловутых «эмигрантских измышлений». Было бы хорошо, если бы всякий, кто не только «вспоминает» Россию, но и надеется послужить ей действенно, сам полностью прочитал эту мрачную, жуткую, но необходимую книгу».

Известия о страшном голоде, разразившемся на всей территории Советского Союза в 1932—1933 гг., не могли оставить Зензинова и его окружение равнодушными. Масштабами голода были потрясены не только русские эмигранты, но и вся мировая общественность. Сталинское руководство замалчивало голод, не признавало сведений о массовых жертвах, распространявшихся в зарубежной печати, продолжало вывозить хлеб за границу. В основе политического курса была форсированная индустриализация страны, ради которой и осуществлялась авантюрная аграрная политика, приведшая страну к голоду. Для правящих кругов зарубежных стран также на первом месте были деловые отношения с СССР, в том числе и торговые. Складывающаяся геополитическая обстановка в Европе и мире была для политического руководства этих стран важнее вопросов гуманизма и морали. Они фактически проигнорировали протесты общественности против политики сталинского режима в СССР, приведшей к голоду. Согласно заключению комиссии при Государственной думе Российской Федерации 2008 г. на территории Поволжья, Центрально-Черноземной области, Северного Кавказа, Урала, Крыма, части Западной Сибири, Казахстана, Украины и Белоруссии «от голода и болезней, связанных с недоеданием», в 1932—1933 гг. погибло около 7 миллионов человек, причиной чему были «репрессивные меры для обеспечения хлебозаготовок», которые «значительно усугубили тяжелые последствия неурожая 1932 года»[1].

Несмотря на то что сталинское правительство игнорировало попытки мировой общественности оказать

[1] Постановление ГД РФ от 2 апреля 2008 № 262— 5 ГД «О заявлении Государственной Думы Российской Федерации «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР».

помощь голодающему населению СССР, в Лигу Наций, в Красный Крест шли многочисленные обращения, а в Россию — посылки от частных лиц родственникам, оставшимся с новой властью. В.М.Зензинов подписывает телеграмму русских эмигрантов в международный Красный Крест о поддержке его (Красного Креста) намерений прийти на помощь голодающей России, отправленную 6 октября 1933 г.:

«Счастливы узнать, что Международный Красный Крест по просьбе Лиги Наций принял на себя задачу прийти на помощь страдающей от голода России. Независимое расследование докажет необходимость подобных действий. Мы каждый день получаем призывы о помощи от наших соотечественников со всех регионов России. В особенности страдают Украина, Северный Кавказ, Кубань, Урал, Западная Сибирь, Нижняя Волга. Авксентьев, Алданов, Демидов, Керенский, Коновалов, Милюков, Рубинштейн, Руднев, Титов, Волков, Зензинов»[1].

Круг общения В.М.Зензинова был чрезвычайно широк и разнообразен. По четвергам, например, он «завтракает у Эжена и Софьи Григорьевны Пети. С.Г.Пети — урожденная Балаховская, киевлянка. Муж Софьи Григорьевны, Эжен Пети, — французский дипломат и политический деятель, русофил, именуемый в русских кругах Евгением Юльевичем. Среди постоянных участников завтраков — А. Ф. Керенский, А.И.Гучков, М. В. Бернацкий, И. П. Демидов, В. А. Маклаков, <М.А.Алданов>, И. И. Фондаминский, при их наездах в Париж бывают И. А. Бунин, П. Б. Струве, В.В.Набоков-Сирин»[2]. Приближалось время, когда и сами люди, и связывающие их отношения прошли жестокую проверку на прочность.

Конец 30-х годов стал тяжелейшим испытанием всему миру. 23 августа 1939 г. был подписан пакт Моло-

---

[1] Голод в СССР 1929—1934. Т. 3. Лето 1933—1934 гг. М.: МФД, 2011. С. 51.

[2] Алданов. К 80-летию В. А. Маклакова // В. А. Маклаков. Речи. Париж, 1949. С. 12. Цит. по: Олег Будницкий, 1945 год и русская эмиграция. AbImperio, 3/2011. С. 247— 248.

това — Риббентропа, секретные протоколы к которому предусматривали раздел Польши. 3 сентября Франция и Великобритания вступили в войну с Германией. 3 ноября СССР объявил войну Финляндии. Эти три даты 1939 г. определили атмосферу русского Парижа.

20 января 1940 г. Зензинов с журналистскими удостоверениями нескольких парижских газет и полугодовой финской визой выехал из Парижа в Хельсинки. Вместе с другими иностранными журналистами он знакомится с «театром военных действий»: посещает лагерь для военнопленных под Выборгом, пленного советского летчика в провинциальной финской больнице, 6 марта журналистскую группу в 9 человек везут в Сортавалу на Ладожском озере на место недавнего жестокого боя, где была окружена и погибла одна из частей 34-го танкового дивизиона (34-я танковая бригада, входившая в состав 8-й армии, в конце декабря 1939 г. была окружена финнами. Потеряв в кольце всю матчасть и понеся большие потери в людях, остатки бригады вышли из окружения в феврале.— *Авт.*). Апокалиптическая картина, открывшаяся Зензинову на занесенном снегом поле боя, была его «встречей с Россией». Так впоследствии назовет он свою книгу, состоящую из частично подобранных тут же на снегу, частично дополненных другими — из финских трофеев — 277 писем советских людей. Всего им было просмотрено и отобрано 542 письма. 6 апреля, еще в Хельсинки, когда материал был вчерне просмотрен и классифицирован, Зензинов обратился к финским властям о публикации, но, видимо, они не сочли это необходимым.

Между тем ситуация в Европе становилась все тревожнее. 14 июня немцы вошли в Париж, началось паническое бегство мирного населения. Возвращение во Францию стало невозможным. В середине июня Зензинов принял решение ехать в Америку. В ожидании визы и очереди на пароход лето и осень он проводит в глухой финской деревне, работая над будущей

книгой»[1]. Он писал ее для тех, *«кто хочет, но боится узнать правду о России. А без этой правды как можно не только жить и работать для России, но даже думать о ней? <...> Да, без знания фактов, без познания правды и истины свободы быть не может и свободным сделаться нельзя. А кто из нас не хочет свободной* России, не хочет видеть русский народ свободным?» — обращался Зензинов к читателю. Возвращение на родину самого автора было невозможно.

Америка. Новая жизнь со старыми друзьями

План перебраться в Америку сложился скоро. Страна была знакома не только благодаря вынужденному путешествию после высылки его из России в Китай в 1918 г. Как следует из переписки П.Сорокина[2] и С.Харпера[3], в начале 1924 г. (январь-февраль) по приглашению Чикагского совета по зарубежным отношениям[4] он выезжал в США с лекциями о российских собы-

[1] Глушанок Г. «...я пишу не произведенье — я пишу жизнь». К 70-летию смерти М. А. Осоргина. К 70-летию выхода в «НЖ» мемуаров Осоргина «Времена». Письма М. А. Осоргина к В.М.Зензинову и Б. К. Зайцеву. Новый журнал. 2012. № 268. Сайт Журнальный зал :http://magazines.russ.ru

[2] Сорокин Питирим Александрович (1889, с. Туръя Яренского у. Вологодской губ. — 1968, Уинчестер, Массачусетс, США). Русский, американский социолог и культуролог. После Февральской революции с В. М. Зензиновым сотрудничал в газете правых эсеров «Дело народа», основал газету «Воля народа», был личным секретарем А. Ф. Керенского, депутатом Учредительного собрания. Преподавал в Петроградском университете, в 1920 г. был избран профессором по кафедре социологии. В апреле 1922 г. защитил диссертацию «Система социологии». В сентябре 1922 г. был выслан из страны вместе с большой группой деятелей русской культуры.

[3] Дойков Ю. В. Эпистолярное наследие П.Сорокина (переписка с С.Харпером) //СОЦИС. 1996. №1. С. 121, 126.

[4] Чикагский совет по зарубежным отношениям был основан в 1922 г. с целью противодействия «изоляционизму» США, которым отцы-основатели совета были недовольны во время Первой мировой войны.

тиях. Итогом впечатлений от той поездки стала книга о жизни в Америке «Железный скрежет» (Париж, 1927 г., издательство О.Целик), которую он посвятил М.Е.Струнской (урожд. Гордон), эсеровке-эмигрантке, помогавшей ему организовать лекционное турне: «To my good friend Mrs. Marya Gordon-Strunsky, by whose kind help I discovered the United States».

В.М.Зензинов отмечал особенности американской жизни эмигрантов, на которые он как русский не мог не обратить внимание. Например, он писал об использовании русского и английского языков: *«И я не знаю, чему больше удивляться: тому, что, например, встретившиеся на собрании русские, прожившие десятки лет в Америке и прекрасно знающие друг друга, непроизвольно начинают разговаривать между собой по-английски (явление совершенно невозможное ни в Париже, ни в Берлине, но здесь совершенно естественное) или тому, что и после десятка лет жизни... выехавший ребенком 40 лет назад виленский еврей, привыкший здесь думать и делать business на английском языке, в минуту сильного возбуждения переходит, часто незаметно для себя самого, на русский язык»*[1]. *Он писал об Америке, но размышлял о родине. Как журналист он отмечал разный подход к задачам прессы: для Нового света было чуждым «европейское — и в особенности русское представление о газете как о каком-то руководящем органе, куда-то людей зовущем, имеющем претензию куда-то их направить»*[2]. Говоря о русских колонистах в Детройте, Владимир Михайлович сокрушался: *«Какой огромной силой в деле возрождения России могла бы быть эта тридцатитысячная масса здоровых людей, впитавших в себя американские навыки работы, по большей части технически высококвалифицированных и — что, мо-*

---

[1] Зензинов В. Железный скрежет. Из американских впечатлений. Париж, 1927. С.180.

[2] Там же. С. 113.

жет быть, всего важнее — мучительно тоскующих по родной земле!»[1].

В конце июля 1940 г. В.М.Зензинов получил, наконец, американскую визу. Пробыв в Финляндии десять месяцев, 22 октября он садится на пароход в Петсамо и 6 ноября 1940 г. прибывает в Америку.

С радостью встретил его Владимир Набоков. (Семья Набоковых приехала в Америку за пять месяцев до Зензинова — 28 мая 1940 г.— *Авт.*). В одном из писем он сообщал, что прибыл из Финляндии «*<...>милейший Зензинов<...>Так хорошо было увидеть его родное парижское лицо»*.

Дружба связала их на многие годы. Для В.В. Набокова В.М. Зензинов был живым напоминанием о довоенном Париже и раннем периоде жизни в эмиграции. В.М. Зензинов, в свою очередь, искренне заботился о В.В. Набокове, устраивал для него литературные чтения в Нью-Йорке, несмотря на то, что деликатно выражал свое неприятие четвертой главы «Дара» о жизни Н.Г.Чернышевского[2]. Владимир Набоков не раз использовал в своих произведениях сюжеты из воспоминаний старшего друга («двойной агент» в романе «Смотри на арлекинов!» — отсылка к делу предательства Азефа), обсуждал с ним работу над новым романом «Дар», читал ему первоначальный вариант «Лолиты», который, правда, уничтожил после переезда в Америку в 1940 г. Черты самого В.М.Зензинова видятся в герое романа «Пнин» или в «мрачном бородаче» Дарвине из романа «Подвиг» (судя по фотографиям 1942 г., В.М.Зензинов бороду носил в молодости, но не в зрелом возрасте — *Авт.*).

Не давая себе времени на отдых, Владимир Михайлович заканчивает начатую в Финляндии книгу. В декабре 1940 г. В.М.Зензинов передал все копии писем в Славянский отдел Нью-Йоркской публичной библи-

---

[1] Зензинов В. Железный скрежет. С.82

[2] Цит. по: Переписка В.В. Набокова с В.М. Зензиновым («Дорогой и милый Одиссей...») / Вступ. статья, публ. и коммент. Г.Глушанок // Proetcontra. Т. II. www.profilib.com.

отеки (в 1949 г. они переданы в Архив Гуверовского института, Стэнфорд, Калифорния, где и находятся в настоящее время — *Авт.*). Часть писем перевел на английский язык В.В.Набоков, и книга была издана в 1944 г. в Нью-Йорке: «Встреча с Россией: Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную армию. 1939—1940». Нью-Йорк, 1944 [1945]. М. Алданов в своей рецензии отметил: «Во «Встрече с Россией» особенности его [В.М. Зензинова] литературного таланта, наблюдательность, изобразительная сила, прекрасный язык,— сказались в длинном введении и заметках». Владимир Михайлович отправил на Родину экземпляр с автографом *«Во Всесоюзную Публичную Библиотеку им. В.И.Ленина от автора. Нью Йорк Сентябрь 1945»* (книга с этим автографом и штампом на странице 307 Народного комиссариата государственной безопасности СССР в 2013 г. выставлялась на аукцион, проводимый ООО Аукционный дом «Империя» — *Авт.*).

В июне 1941-го трагическое сообщение о нападении Германии на Советский Союз разделило русскую эмиграцию и в Америке, и в Европе. Блистательный «русский Париж» канул в Лету. Это случилось не после массовой эмиграции русских в Америку — крах произошел, когда часть эмигрантов признала Гитлера. Для Зензинова и его друзей это был настоящий шок. Владимир Михайлович в сердце своем долгие годы носил боль от утраты ближайшего друга, «милого Илюши». После смерти их любимой Амалии в 1935 г. они продолжали жить вместе и были неразлучны. Илья Исидорович Фондаминский, еврей по национальности, 22 июня 1941 г. был арестован в Париже германскими властями. В лагере Компьень, где он содержался, Илья Исидорович крестился в православие. Не согласившись на побег, предложенный друзьями, он как еврей пожелал остаться со своим народом и 19 ноября 1942 года погиб в печах Освенцима. (В 2004 г. И.И.Фондаминский канонизирован Константинопольским патриархатом как святой мученик — *Авт.*).

Немыслимо было поверить, что кто-то из соотечественников способен служить Гитлеру. Однако на страницах прогитлеровской газеты «Парижский вестник», возобновившей работу в июне 1942 г., публиковались те, кто перешел «под знамя фюрера» и сотрудничал с органами германской пропаганды: постоянно — писатель И. Шмелев, генерал П.Краснов, власовцы, эпизодически — художник А. Бенуа, балетмейстер С. Лифарь и др. В 1941 г. Д. Мережковский и З. Гиппиус видели в Гитлере «спасителя Европы». 20 марта 1945 г. в газете «Новое русское слово» была опубликована статья Я. Б. Полонского «Сотрудники Гитлера», в которой автор привел постыдный список русских эмигрантов, запятнавших себя сотрудничеством с нацистами. Полонским были названы, среди прочих, имена Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, И. Д. Сургучева, С. М. Лифаря, В. Н. Ильина, Н. Н. Берберовой-Макеевой, ее мужа Н. В. Макеева и др. Слепое заблуждение, что Гитлер пошел в поход «на коммунистов» ради освобождения России от «большевистского ига», захлестнуло многих эмигрантов.

Однако с конца 1943 г., после перелома в ходе войны, наступило прозрение, а настоящее ликование началось после освобождения Парижа в августе 1944 г. Грядущая победа Советского Союза в войне стала очевидной для всех. 12 февраля 1945 г. группа русских эмигрантов, возглавляемая бывшим послом Временного правительства В. А. Маклаковым, посетила советское посольство в Париже; во время приема был провозглашен и поддержан тост за здоровье маршала Сталина. Этот «жест доброй воли» снова до крайности поразил Зензинова и не только его. Волна возмущения прокатилась среди русских эмигрантов в США, узнавших о «визите» из «Нового русского слова» и не желавших сотрудничать с советским палачом, виновником многотысячных репрессий. Да и сам Маклаков тяжело переживал произошедшее. В оккупированном нацистами Париже он был свидетелем облав и депортации людей в концлагеря (около 76 тысяч человек, проживавших во время войны

во Франции, были депортированы в лагеря уничтожения по расовым признакам — *Авт.*), наравне с другими испытывал лишения и помогал более нуждающимся. В те дни писал о своей позиции, не оправдываясь, а объясняя ее (в ответ на статью С. Л. Полякова-Литовцева «Эмигранты в советском посольстве» в газете «Новое русское слово» 25 марта 1945 г.— *Авт.*): *«Мы понимали и чувствовали, что «советская власть» нас спасает, что ее крушение — наша гибель. И заранее были готовы все ей простить, если она устоит. После этого мы не могли смотреть на нее по-прежнему. Но это эмоциональное соображение не все. Поляков не видал другого. Он не переживал с нами поведения наших русских германофилов, холопства перед Гитлером и Германией, антисемитских воплей, которых мы в старой России не слыхивали, и все это во имя непризнания «советской власти». Быть с ними в этот момент, говорить с ними на одном языке и ругать Советы, даже за то, что в них можно ругать, было бы то же, что во время «погрома» разбирать подлинные недостатки евреев. Мы могли говорить и думать, как ни гнусны большевики, немцы много хуже. И такие переживания обязывают» (В. А. Маклаков — Б. И. Элькину, 15 мая 1945)*[1].

Советское посольство, едва очутившись в Париже, стало издавать свою газету «Русский патриот», с марта 1945 г., поменявшую название на «Советский патриот». В «Русском патриоте» была напечатана статья П. Н. Милюкова «Правда о большевизме» — прославление «боевой мощи Красной армии». В «Советском патриоте» стал активно сотрудничать Н. А. Бердяев. Русские за океаном с удивлением наблюдали эти метаморфозы.

В. М. Зензинов не был подвержен подобным крайностям, убеждения его были тверды и непоколебимы. Он перестает печататься в журнале «Новоселье», не скрывая, что ему претит советофильский дух издания.

---

[1] Будницкий О. 1945 год и русская эмиграция: из переписки М. А. Алданова, В. А. Маклакова и их друзей. Эл.ресурс: https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/66455758.

(В. М. Зензинов явился одним из авторов «Новоселья»: в первых двух книжках были опубликованы его воспоминания о годах молодости, а в № 7 за 1942 г. (сентябрь-октябрь) о встречах с Л. Н. Толстым — *Авт.*).

В Нью-Йорке он был среди единомышленников и, как всегда, с головой погружен в работу. «В составе нью-йоркской группы эсеров оказались такие видные партийные деятели, как Н. Авксентьев, М. Вишняк[1], В. Зензинов, С. Соловейчик, В. Чернов и другие. Нью-Йорк стал своего рода штаб-квартирой хоть и поверженной, распылённой, но всё же не потерявшей революционного духа и не утратившей верности социалистическим идеалам эсеровской партии. Поэтому вполне естественно, что именно здесь стал выходить новый орган партии социалистов-революционеров — журнал «За Свободу», к изданию которого нью-йоркская группа эсеров приступила в конце весны 1941 г. В начале 1942 г. редакция журнала была утверждена в составе Н. Авксентьева, В. Зензинова и В. Чернова.Помимо авторских работ, журнал перепечатывал отдельные публикации из других изданий, помещал письма читателей, рассказы перемещенных лиц о жизни в Советском Союзе и заметки иностранцев, посетивших СССР. Уже второй выпуск журнала «За Свободу» (№ 2-3), вышедший в июле 1941 г., красноречиво свидетельствовал, что теперь главной задачей всех демократических сил провозглашалась помощь и поддержка Советского Союза. В резолюции нью-йоркской группы партии социалистов-революционеров «О советско-германской войне», принятой единогласно на специальном собрании группы 25 июня 1941 г., указывалось:

---

[1] Марк Вениаминович Вишняк (1883—1975), публицист, мемуарист, общественно-политический деятель; эсер, секретарь Учредительного собрания. С 1919 г. в эмиграции во Франции, с 1920 г. один из редакторов и секретарь редакции парижских «Современных записок». В 1940 г. уехал из Франции в США, в 1943—1946 гг. преподавал русский язык в Корнельском и Колорадском (Боулдер) университетах, с 1946 г. — консультант по российским проблемам еженедельника «Тайм».

«Россия стала очередной жертвой гитлеровской агрессии. Ей грозит расчленение, порабощение и обращение в вассальную колонию Третьего рейха. В этот роковой исторический момент мы единодушно признаём необходимость стать на защиту России и всемерно приветствуем соответствующие решения Лондона и Вашингтона».

В помещенных статьях Н. Авксентьева, А. Керенского, В. Зензинова и других подчёркивалось, что в сложившихся условиях главное — это помощь народам России в войне с фашизмом. Но в то же время авторы публикаций причины начавшейся трагедии усматривали и в политике Сталина, а поэтому не отказывались от критики тоталитарного режима и призывали к демократическим переменам в Советском Союзе.

Уже в первые недели войны Н. Авксентьев, В. Зензинов и другие авторы, анализируя материалы американских газет и прессу других стран, не без гордости констатировали, что гитлеровский план «молниеносной войны» терпит крах, что вермахту не удалось уничтожить Красную армию, несмотря на её колоссальные потери, и что бойцы и командиры этой армии проявляют высокие образцы мужественности, стойкости, самоотверженности и героизма, искони присущие российскому воину.

Не оставались без анализа авторов журнала и более глубинные процессы, происходившие в социально-экономической сфере советского общества. Так, В.Зензинов, проанализировав проблему социального расслоения в Советском Союзе, пришёл к выводу, что в стране существует довольно большой разрыв в доходах разных слоев населения, а поэтому не может быть и речи о социальном равенстве в СССР, о чём неустанно сообщала советская пропаганда. *«Все утверждения о том, что в Советском Союзе нет классов и социальной дифференциации — пропаганда, которой противоречат известные нам факты»*, — заключал он[1]. От своего принципа

---

[1] Аврус А. И., Новиков А. П. Эсеровский журнал «За Свободу» о внутренней и внешней политике СССР в годы Великой Оте-

делиться правдой он не отступал. Но каждый номер журнала выходил с призывом : *«Помощь России и русским военнопленным в Германии есть помощь делу демократии — и мы призываем к этому наших читателей и сочувствующих».*

«Душой журнала, или его «главным редактором» — выпускающим, секретарем, пекущимся о средствах,— был неутомимый энтузиаст и «партиец» Зензинов»,— писал Марк Вишняк в своих мемуарах «Годы эмиграции». «За свободу» имел большой успех, — вспоминал М. Вишняк, — особенно среди Ди-Пи[1]. Зензинов меньше других редакторов писал в журнале, но он вел всю переписку с сотрудниками, редактировал материал, сносился с типографией, ведал распространением. На обложке значился его адрес. И постепенно Зензинов стал сам адресом, по которому лагерные жильцы в Германии, Австрии, Италии обращались за всякого рода помощью и советом. Писали ему со всех концов света — из Марокко, Австралии, Шанхая. Он добывал аффидевиты[2] и, сам неимущий и безработный, принимал на себя материальное поручительство за незнакомых ему людей. Десятки Ди-Пи обязаны Зензинову тем, что вырвались из лагерей и очутились в Америке. Многих он поддержал если не материально, то морально — сочувственным и обнадеживающим словом»[3].

В военное время сходную редакционную политику проводила и газета «Новое русское слово», в которой

чественной войны //Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. тр. Вып. 5. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. С. 313—323.

[1] Ди-Пи— «displacedperson» (*аббр.* DP, произносится *«ди-пи»*) — «перемещённое лицо», беженец.

[2] Аффидави́т (от лат. affido — «клятвенно удостоверяю») — в праве Великобритании и США и письменное показание или заявление лица, выступающего в роли свидетеля, которое при невозможности (затруднительности) его личной явки даётся под присягой и удостоверяется нотариусом или иным уполномоченным должностным лицом.

[3] Вишняк М. Памяти друга//Новый журнал. 1954. № 6. С. 293—294.

печатался В.М.Зензинов. В годы войны газета стала одним из центров оказания всесторонней помощи русским эмигрантам, а критика СССР и существующего в нем тоталитарного строя на страницах газеты практически сошла на нет. Однако в послевоенное время, с началом «холодной войны», газета стала носить антисоветский характер. В.М. Зензинов также давал крайне негативные оценки политике «железного занавеса», которую проводило советское руководство.

В.М.Зензинов сотрудничал в «Новом журнале»[1], характер которого определялся тремя ключевыми словами: Россия — свобода — эмиграция, бывал и у меньшевиков в «Социалистическом вестнике»[2].

Вместе с А.Керенским, М.Вишняком, А.Черновым и другими В.М.Зензинов выступил за сплочение эмигрантов и создание единого демократического антибольшевистского движения, и 13 марта 1949 г. в Нью-Йорке была учреждена *Лига борьбы за народную свободу.* Эсеры, уже значительно постаревшие, заявили о приверженности идеалам Февральской революции и выступили против сотрудничества *«с открытыми или скрытыми реакционерами, фашистами и монархистами».* Однако прибывающие в Америку после войны эмигранты значительно отличались от поколения первой волны. Цепкие, расчетливые, здравомыслящие, часто аполитичные, в большинстве своем они не имели желания включаться в дело освобождения родины. Национальные группы стремились проводить собственную политику, лидеры постепенно уходили со сцены, а раскол внутри организаций привел к прекращению финансовой поддержки Лиги со стороны Американско-

---

[1] «Новый журнал», The New Review — ежеквартальный литературно-политический журнал выходит в Нью-Йорке с 1942 г.

[2] «Социалистический вестник» — журнал, издававшийся заграничной делегацией РСДРП (меньшевики) в 1921—1965 гг. Выходил последовательно в Берлине, Париже, Нью-Йорке. Всего вышло 784 номера. Характерной чертой этого эмигрантского журнала была хорошо налаженная связь редакции с корреспондентами в России, в основном меньшевиками.

го комитета освобождения. После многочисленных попыток примирить различные группы эмиграции Американский комитет выступил с сообщением о невозможности создания «единого фронта эмиграции», и в 1954—1955 гг. Лига прекращает свою деятельность. С этого времени антибольшевистская борьба становится прерогативой структур Американского комитета освобождения (радио «Освобождение», Институт изучения Советского Союза и т.д.)[1].

Литературный критик

> Будь все тихо и чинно, будь везде комплименты и вежливости, тогда какой простор для бессовестности, шарлатанства, невежества: некому обличить, некому изречь грозное слово!
>
> *В. Г. Белинский*

Как герой Набокова Пнин, В.М.Зензинов ощущал себя комфортно в «раю русской литературной стихии». Именно литература помогала сохранять принадлежность к русскому миру — и та, что развивалась стараниями писателей-эмигрантов (В.Набоков, Г.Иванов, Г.Газданов и др.), и та, что «взрослела» в Советском Союзе. В.М.Зензинов внимательно следил за литературным процессом и на родине, и на чужбине, откликаясь на новинки своими рецензиями. Он с радостью писал о талантах и ядовито критиковал конъюнктурную халтуру. В его статьях всегда чувствовалась совесть очень требовательного критика. Мысли и чувства, высказываемые по поводу литературных новинок, добавляют штрихи к портрету самого автора. Владимир Михайлович не просто анализировал произведения — он душой ощущал и драматизм современного ему мироустройства, и пошлость происходящих событий.

[1] Ручкин А. Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. Эл. ресурс :http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/

Отзываясь на трагическую книгу Ив. Шмелева «Солнце мертвых», повествующую об истории одичания людей в братоубийственной гражданской войне, В. М. Зензинов писал в «Современных записках»: «Читаешь ее и чувствуешь, будто бы все время тебя подвергают казни, и вместе — нет сил оторваться» (XXX, 1927, с. 552).

Дар сопереживания проявился и в рецензии на рассказ Н. Ф. Федоровой «Мадам Бовари со станции Хинган» («Новый журнал», 1942, № 3), в котором мать шестерых детей, русская беженка, подвергается унизительным злобным насмешкам на благотворительной распродаже вещей. *«Тема новой книги г-жи Нины Федоровой: русские беженцы и остальной мир,— писал Зензинов.— Это — повесть о бедности и о человеческой любви, и мире страданий и унижений... Самая характерная и самая сильная сторона дарования г-жи Нины Федоровой — ее мягкий юмор. Можно сказать, что это соединение юмора и нежности, смягченная юмором меланхолия, принимающая, впрочем, порою,— очень редко,— горький привкус... Вся книга пронизана гуманизмом, подлинным духом всечеловечности...»*

Мудро и радостно писал Владимир Михайлович о получении Нобелевской премии Буниным. *«Присуждение Нобелевской премии Бунину радостно было встречено всеми русскими, без различия взглядов. Для них это был прежде всего р у с с к и й праздник — едва ли не первый после долгих лет, когда приходилось выносить лишь удары судьбы... В день получения известия о присуждении Нобелевской премии русскому писателю русские лица сияли. Это для всех них было прежде всего признанием русской литературы, того вклада, который она сделала в общечеловеческую культуру,— независимо от преходящих влияний той или другой политической власти, того или другого политического течения. <...> Преодолены были все политические*

препятствия и миру было показано, что русская культура едина и неделима»[1].

Тема принадлежности к русскому миру особенно волновала Зензинова на чужбине. Тему русскости как воплощения в человеке русской культуры он развил в рецензии на «Очерки и речи» российского правозащитника О. О. Грузенберга, еврея по национальности, безумно любившего Россию. Не случайно Зензинов приводит немало цитат на эту тему из работ юриста. *«За что любим Россию, — как это объяснить? — За то, что там солнце светит и греет по-ИНОМУ; ИНАЧЕ плывут в небе облака, поет река, хрустит под ногами песок... Ну, и совесть в ней совестила ПО-ИНОМУ...»* Слова эти были так созвучны чувствам самого Владимира Михайловича. *«Русский читатель должен издателям книги О. О. Грузенберга «Очерки и речи» <...> принести глубокую и душевную благодарность»*[2],— заключает он.

В 1945 г. 10-й номер «Нового журнала» выходит с обширной обзорной статьей В.М.Зензинова «По советским журналам». Уже в ее начальных строках слышатся отголоски тоски по родине. *«Больше всего и прежде всего мы хотим узнать по ней, как и чем живет наша родина. Хотим почувствовать ее жизнь, дышать ее воздухом, видеть людей, которые живут на ней, знать их думы и их надежды, как переживаются ими военные испытания, какие перемены уже произошли, каких перемен ждут после войны... Потому что после т а к о й войны перемен ждут всюду, во всем мире.— «Мы не хотим и не будем жить так, как жили до войны!» — это ощущение сейчас обще всем»*,— подчеркивает Зензинов общность эмигрантов и соотечественников в России.

Отмечая отсутствие свободного литературного творчества в Советском Союзе, В.М.Зензинов справедливо писал об отсутствии произведений, отражающих реаль-

[1] Зензинов В. Иван Алексеевич Бунин //Новый журнал. Нью-Йорк, 1942. № 3. С. 297.

[2] Зензинов В. «О. О. Грузенберг. Очерки и речи. Нью-Йорк, 1944.//Новый журнал. Нью-Йорк. 1945. №10. С. 400.

ную, не залакированную жизнь народа. «*Что мы знаем сейчас о внутренней жизни колхозной деревни и о пережитом крестьянским миром за последние два десятилетия, об истинных настроениях городских рабочих, о миллионах, высланных в годы коллективизации на север и в Сибирь, об их жизни на лесных заготовках, знаем ли мы правду о московских процессах, о «чистках»? Когда-то Мельшин, Чехов и Дорошевич описали царскую каторгу и Сахалин — что знаем мы о современной каторге? Кем и когда была описана жизнь современных хозяев жизни, Кремля и кремлевского окружения с таким же беспристрастием, объективностью и полнотой, как в свое время были описаны жизнь и быт придворных кругов? И разве возможен был бы сейчас Щедрин, который так много материала нашел бы для своей сатиры в советской жизни?*» Зензинов не наводил тень на плетень — все эти темы тогда действительно были под запретом в Советском Союзе.

Советским писателям Зензинов дает жесткую характеристику, выделяя, но не без критики, лишь Алексея Толстого, который — «*как гора среди равнины. Можно быть разного мнения об искренности политических «элукубраций»* (т.е. разглагольствований — *Авт.*) *и метаморфоз А. Толстого (чего стоят хотя бы две разные,— а в некоторых отношениях и противоположные — редакции его «Хождения по мукам» — эмигрантская и советская!), но его художественный талант делает из него едва ли не первого русского (во всяком случае — советского) писателя*». Зензинов может позволить себе быть объективным в оценках — он свободен от советской цензуры, да и «большое видится на расстоянии». Например, отметив сложность построения романа В.Каверина «Два капитана», он писал, что «*в романе есть превосходные страницы*», приводя как пример описание весенней белой ночи в Ленинграде. «*Очень хороши короткие, написанные с душой и сердцем «записки 1944 года» Константина Федина — «Свидание с Ленинградом»: жизнь в Ленинграде и его улицы во время блокады, разрушенные царскосельские двор-*

цы в современном «Пушкине», гатчинские дворцы, Петергоф... Эти записки не забудутся». Умелым и очень своеобразным рассказчиком он считал Александра Бека, который *«обратил на себя внимание двумя замечательными повестями о защите Москвы — «Панфиловцы на первом рубеже» («Знамя», 5—6, 1943) и «Волоколамское шоссе» («Знамя», 5—6, 1944). Особенно хочется отметить рассказ Александра Бека «У взорванных печей». ...Автор рассказывает о тыле — о том, как металлургический завод из Макеевки (Донбасс) был перевезен на Урал и затем, через два года, снова был восстановлен в Макеевке. ...Любящие русскую речь не могут не порадоваться «Новым сказам» П. Бажова, своеобразного уральского писателя, чьи книжки (особенно вышедшая в 1939 г. «Малахитовая шкатулка») сразу создали ему большую известность... Под заглавием «Новые сказы» П. Бажов в «Новом мире», 8—9, 1944, поместил два рассказа — оба, правда, «тенденциозные»: первый («Чугунная бабушка») — пронизан «немцеедством», второй («Богатырева рукавица») — имеет задачей воспеть Ленина, а попутно — и Сталина. Но в обоих интересна русская речь, ее красочность, своеобразие, меткость и сила. Такого русского языка, кажется, не было со времен Лескова — душа на нем отдыхает, — особенно после... советских газет»*[1].

Разве можно не услышать в этих характеристиках и тоску по Петербургу, и восхищение героизмом российских воинов, и гордость принадлежностью к носителям восхитительной русской речи? По воспоминаниям М.Вишняка, Владимир Михайлович был приглашен преподавателем русского языка на специальные курсы при Нью-Йоркском университете[2]. *«Правда, Зензинов*

[1] Зензинов В. По советским журналам//Новый журнал. Нью-Йорк. 1945. №10. С.239—249.

[2] Сведения о том, что В. М. Зензинов был профессором Иллинойского университета, см.: Суркова Н.А. Михаил Андреевич Зензинов — краевед, естествоиспытатель Забайкалья: 20—70 годы XIX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2003 г., не со-

очень скоро покинул преподавание после того, как позволил себе правдиво охарактеризовать советский строй». Прожив много лет в Америке, Зензинов формально сохранил российское гражданство — *«не стал американцем и по паспорту»*[1]. *«Москву люблю больше всего на свете!»* — В. М. Зензинов не кривил душой.

Homosum[2]

Политик, писатель, журналист, общественный деятель... Эти стандартные характеристики говорят об общественной значимости В.М.Зензинова и, несомненно, отражают определенные личностные качества. Дополнить его образ помогают личные архивы людей из его окружения — друзей, соратников, коллег, знакомых. Савинков, Керенский, Набоков, Бунин, Гиппиус, Берберова, Тэффи и другие исторически значимые персонажи оставили дневники, воспоминания, письма, в которых сохранились важные или незначительные, правдивые или не очень, добрые или ядовитые воспоминания о встречах и ситуациях, связанных с «бывшим террористом».

В. М. Чернов дал пространную характеристику В. М. Зензинову в своих воспоминаниях. Зензинов, по его мнению, более, чем кто-либо, был *«привязан к партии неразрывной духовной связью»*. Это был *«типичный образец «делового министра», как его когда-то прозвали в кругу близких людей. Чрезвычайно усидчивый, настойчивый и уравновешенный, умеющий терпеливо «бить в одну точку», он органически отдалялся от всего, что отдавало «крайностью», и столь же органически тяготел к какой-то неопределенной «золотой середине». Педантизм смягчался в нем воспитанностью, выдерж-*

ответствуют действительности и, вероятно, возникли при переводе французского «professeur», что должно соответствовать русскому «преподаватель».

[1] Марк Вишняк. Годы эмиграции 1919—1969 (Воспоминания). Эл. ресурс: http://thelib.ru/books/vishnyak_mark/gody_emigracii.html

[2] Homo sum, humani nihil a me alienum puto — *лат.* Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо.

кой, хорошими манерами и подчеркнутой, изысканной корректностью. Он происходил из хорошей, культурной, крупно-торговой среды и в общении с людьми буржуазных партий производил впечатление почти своего и, во всяком случае, не вносящего диссонанса человека comme il faut, достойного всякого уважения. У него не было никаких возмущающих течение его общественной работы сильных индивидуальных страстей, и он пользовался поэтому репутацией безупречности, политической выдержанности и преданности партии. Это был блестящий образец — большого человека на малые дела. В деле непосредственного руководства партийным аппаратом он был незаменим и неподражаем»[1].

Юрист, политик и публицист И.В.Гессен вспоминал о 30-х годах: *«Рядом с оживленным, импульсивным Бунаковым (литературный псевдоним Ильи Исидоровича Фондаминского — Авт.) на вечерах этих неизменно маячила высокая складная фигура близкого друга его, В. М. Зензинова. Всегда спокойный, сосредоточенно серьезный, со скупой тихой речью, с пробивающейся будто через силу улыбкой, — под этой внешностью он скрывал проникновенную мягкость и искреннюю доброту. И как трудно было сочетать с этими двумя друзьями, ревнителями «малых дел», представление о политическом терроре, активными деятелями которого они долгие годы состояли. Какими душевными силами нужно было обладать, чтобы при такой природной нежности и мягкости заставлять руку, во имя так называемого общественного долга, стрелять и метать бомбы...»*[2].

Короткая, но емкая реплика из письма В.В.Набокова жене Вере Слоним *«...Не снимая нимбов, Ильюша и Зензинов тихонько сидели за другим столиком»*[3].

---

[1] Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. N.-Y. Изд-во имени Чехова. 1953. С.344, 345.

[2] Цит. по: Глушанок Г. Б. Переписка В. В. Набокова с В. М. Зензиновым.

[3] Из Парижа в Берлин. Почтовый штемпель от 10 — II — 36. Цит. по: Владимир Набоков. Письма к Вере. Подборка для

«...Страшно жалею, что так мало и редко доводится Вас видеть — но всегда о Вас помню, люблю, держу в красном углу души»[1], — писал Набоков Зензинову.

О масштабах личности Зензинова эмигрант Николай Осипов (Поляков) написал в статье «Святые демоны»: *«Он оказался стихийным гуманистом и обаятельным человеком. Крайне устарелое и давно разбитое жизнью мировоззрение, во власти которого находился В.М.Зензинов, не могло заслонить его личности».*

Были и другие отзывы. *«Зензинов производит впечатление очень упорного и узкого человека»,*— писала в дневнике Вера Николаевна Бунина (30 марта (12 апреля) 1920 г.)[2]. Вероятно, не всем была понятна и приятна постоянная политическая направленность его мыслей, разговоров, поступков, а возможно, и некоторая замкнутость, самоуглубленность. Известная ядовитыми характеристиками Зинаида Гиппиус в дневнике отмечала, как ей виделось, наивную веру Зензинова в успех политических дел: *«Мы знали его лет 10, еще в Париже, еще до его ссылки в Русское Устье. С<оциалист>-р<еволюционер> типа святого, слабого, аскетического.<...>Он весь на розовой воде (такой уж человек)»*[3]. В. С. Яновский, литератор «младшего» поколения первой волны эмигрантов, в своей «книге памяти» «Поля Елисейские», ерничая, называл Зензинова *«старой девой», «влюбленным террористом».* Это был *«молчаливый и часто хмурый, скептически настроенный»* человек, — писал он. Добавлял с иронией: *«Зензинов, честнейший, скромнейший, принци-*

журнала «Сноб» 11(26) ноябрь 2010. Эл. ресурс: https://snob.ru/magazine/entry/26611

[1] Цит. по: Глушанок Г. Б. Переписка В. В. Набокова с В. М. Зензиновым.

[2] Цит. по: Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы, под редакцией Милицы Грин. Источник: http://bunin.niv.ru/bunin/bio/ustami-buninyh/1920-2.htm

[3] Гиппиус З.Н. Синяя книга. Петербургский дневник. (1914—1917). //Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893—1919. М.: Русская книга, 2003. С. 221, 241.

пиальнейший Зензинов»,— и с сарказмом,— *«Зензинов у последних эсеров считался единственным человеком дела, решения, «акции», даже пистолета!»*[1]. Язвительно отзывалась о жизни «масона Зензинова» Н.Н.Берберова в обеих своих лживых книгах, «Курсив мой» и «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия», раскритикованных не только В.Набоковым, Р.Гулем, Г.Струве, Т.Осоргиной[2], но и нынешними исследователями. Множество *«фактических ошибок мемуаров Берберовой, <...> были вызваны «сведением счетов» с людьми, презиравшими Берберову из-за ее профашистских симпатий во время войны, — с В. М. Зензиновым, Г.В.Адамовичем, И. А. Буниным, редакторами «Современных записок»*,— с негодованием писал *«о вранье Нины Николаевны Берберовой»* Г.Струве[3]. А масонские ложи, влияние которых на судьбоносные события российской истории иногда усматривали даже серьезные исследователи, на наш взгляд, были не более чем клубами, где можно было поговорить без лишних глаз и ушей, иногда чем-то вроде обществ взаимопомощи. Во всяком случае, если речь идет о масонских ложах эмигрантского периода[4].

Примечательна характеристика, данная В.М. Зензинову в 1922 г. секретным сотрудником ИНО ГПУ (Иностранный отдел Государственного политического управления при НКВД РСФСР — *Авт.*): «[На IV съезде] *переизбирается в ЦК и вообще всегда будет изби-*

---

[1] Яновский В. С. Поля Елисейские. Книга памяти. Изд-во «Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 1993. Эл. ресурс: http://www.belousenko.com/books/yanovsky/yanovsky_elisey.htm

[2] Ossorguine Tatiana. Как это было [По поводу двух книг Нины Берберовой : Курсив мой* и Люди и ложи. Русские масоны XX века*]. In: Cahiers du monde russeetsovitique, vol. 31, n°1, Janvier-Mars 1990. pp. 95-102; http://www.persee.fr/doc/cmr_0008-0160_1990_num_31_1_2206

[3] Письма Глеба Струве Владимиру и Вере Набоковым 1942—1985 годов. Эл. ресурс: http://www.literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204026088&archive=1206184915

[4] Будницкий О. 1945 год и русская эмиграция //AbImperio, 3/2011. С.248.

раться без особых протестов левых, ибо кристально чистый, симпатичный человек и притом апологет и патриот Партии. <...> Типичный член Авксентьевской Директории — бесхарактерный, нерешительный и недалекий. <...> Неустойчив, в политике недальновиден, типичный нерешительный русский интеллигент. Всё сказанное не мешает ему считать себя искренним социалистом».

Для большевиков, считавших, что только они могут претендовать на звание истинного российского революционера и социалиста, цитированные выше слова «типичный нерешительный русский интеллигент», безусловно, были приговором для революционера, ставящим под сомнение право «считать себя искренним социалистом». Как представляется, большевики подобного «типичного нерешительного русского интеллигента» видели прежде всего и более всего (и ненавидели всеми фибрами своей души) в меньшевиках, с которыми они долгое время формально находились в рядах одной партии»[1].

Тем не менее все сходились в главном: Владимир Михайлович обладал многими достоинствами. Бесстрашие, честь, долг, принципиальность, верность были не отвлеченными понятиями — сутью личности этого революционера-романтика. Судьба послала ему любовь как тяжелое испытание: он любил мучительно и безнадежно недоступную женщину и недоступную Россию. Чувства его были чисты и непоколебимы. В одном из писем он писал: *«Когда мне приходится рассказывать о прошлом, я чувствую, что меня слушают с живым интересом и даже удивлением. Гершуни как-то в одном своем частном письме писал: «...если социалистическая партия победит, она победит не физической силой, а моральной чистотой». Эта фраза сейчас звучит наивно, но она верно выражает и отражает ту атмосферу, в которой мне и моему поколению при-*

[1] Морозов К. Н. Феномен субкультуры российского революционера... Эл.ресурс: http://socialist.memo.ru/books/lit/morozov_rev_phenomena2.pdf

ходилось жить и работать. В этом, конечно, была и наша сила, и слабость. И вряд ли такие взгляды можно рекомендовать новым поколениям — но с ними они обязательно должны ознакомиться. В некотором смысле это то, чего часто недостает этим новым поколениям»[1].

Искренность, деликатность и большая работоспособность отличали этого «стихийного гуманиста» от многих беспомощно-стенающих на чужбине русских. Он бросался на помощь по первому зову малознакомого человека, не говоря уже о самозабвенной отдаче сил друзьям. «В архиве самого Зензинова «множество писем с просьбой о помощи и огромное число писем с благодарностью от знакомых и незнакомых лиц. 200— 300 посылок, вещевых и продуктовых, ежегодно отправлял Литературный фонд во Францию, Германию, Австрию, Италию первые пять послевоенных лет. Всем этим занимался Зензинов, редактируя еще и «Известия Литературного фонда». Он «истинно жил только тогда, когда работал для других», — написал его друг Н. Калашников.

Трудно назвать новое начинание, в котором не участвовал бы Зензинов! Он состоял в правлениях общества «Надежда», клуба «Горизонт», «Литературного фонда». Он организует лекции, вечера, сам выступает как лектор, редактирует журнал и как действующий политик в марте 1949 г. участвует в создании Лиги борьбы за народную свободу. Он пытался соединить два поколения эмигрантов, проводя совместные встречи и обсуждения. Устройство литературных вечеров в Нью-Йорке русских писателей и поэтов в конце 40-х— начале 50-х годов — одна из многих его повседневных забот. Последнее письмо Зензинова Набокову, в котором обсуждалась дата предстоящего выступления писателя в обществе «Надежда», внезапно заканчивается возгласом: *«Долой Сталина!» (*Зензинов не мог не знать ста-

[1] В. Зензинов — М. Карповичу. 18 марта 1951 г. (BAR. Zenzinov Papers. Box 1). Цит. по: Переписка В. В. Набокова с В.М.Зензиновым («Дорогой и милый Одиссей...»).

тью Г. П. Федотова «Торопись!»: «Долой Сталина!» — сейчас единственный общенациональный лозунг для порабощенной России...» (Новая Россия. 1939. № 12). Он доживет до этого долгожданного часа: три с половиной месяца спустя «Гений всех Времен и Народов» умрет, дав свое имя ушедшей наконец эпохе.

Через семь месяцев в этом же году (20 октября 1953 г. — *Авт.*) умрет и сам Зензинов. Его библиотека, рукописи, письма будут упакованы и описаны — их примет только что основанный Бахметьевский архив[1]. На двух страницах желтой папиросной бумаги — *«Завещание»:*

«Моя последняя воля и последнее желание. Прошу, если это окажется возможным, тело мое сжечь. Никаких решительно надгробных речей и речей на кладбище. Вместо этого немного музыки — 10— 15 минут, не больше — не слишком печальной и грустной: м. б. Баха, м. б. Гайдна, а всего лучше Моцарта. Никаких цветов. Похороны гражданские, без каких-либо церковных обрядов и без участия духовенства.

В. Зензинов.15 августа 1949 г.

И, ради всего святого, никаких посмертных статей и некрологов.

В. З.».

Некрологи о нем, конечно же, были. Друзья единогласно отмечали: исключительную работоспособность; общественное подвижничество; незаурядное художественное дарование; гражданскую жертвенность; талант, доброту и отзывчивость. Его друг и душеприказчик М. Вишняк закончил некролог («Памяти друга» — *Авт.*) справедливыми словами: *«Сохраним же навсегда в нашей памяти образ одного из достойнейших воинов*

---

[1] Бахметьевский архив российской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке (США) был основан в 1951 г. послом Временного правительства России в США Б. А. Бахметьевым при участии профессора Ф.А.Мозли и Л.Ф.Магеровского (куратор архива). Архив входит в состав Отдела рукописной и редкой книги библиотеки Батлера при Колумбийском университете.

российской всенародной революции, неутомимого борца за свободную Россию, за права и достоинство человека — Владимира Михайловича Зензинова»[1].

О том, какой была ненависть политических оппонентов, преследовавшая социалистов-революционеров даже после их смерти, можно судить по выдержке из статьи, напечатанной в нью-йоркской газете монархистов «Россия» 31 октября 1953 года в связи с кончиной В. М. Зензинова. Эту статью цитирует в своей книге В.С. Варшавский[2]: *«Пусть будет проклят день и час,— пишет автор этой статьи, — когда появились на русской земле все эти взбесившиеся барчуки — декабристы, все недоучившиеся семинаристы Чернышевские и Добролюбовы, все бомбисты и цареубийцы, все кретины «февраля» и закоренелые преступники «октября» и т.д.* Замечательно ответил тогда на это епископ Иоанн Сан-Францисский: *«Левые» и «правые» имеют для пастыря не тот смысл, который усваивается этим понятиям в политике, а тот, который раскрывается в евангельском образе Божьего суда над человечеством. На левой стороне стоят все, не понимающие своей виновности и ответственности перед Богом, а на правой — все, кто не подозревает о своей перед Богом Праведности»*[3]. «В <...>статье, напечатанной в «Новом Русском слове» владыкой Иоанном в защиту Зензинова с религиозной точки зрения, говорится то же, что и при жизни Зензинова владыка ему не раз говорил. А именно, что В.М., может быть, не смел всю жизнь ни себе, ни другим признаться, что, *«веря в высшее Добро, он в сущности верит в Бога...»*[4]. М.В.Вишняк, зная, что

---

[1] Глушанок Г.Б.Переписка В. В. Набокова с В. М. Зензиновым.

[2] Варшавский В. С. Незамеченное поколение. — Репринтное воспроизведение издания: Нью-Йорк, 1956. М.: ИНЭКС, 1992.

[3] Осипова Н.В. Илья Исидорович Фондаминский. Доклад на конференции «Религиозная деятельность русского зарубежья» (9—10 ноября 2005 г.). Эл. ресурс: http://zarubezhje.narod.ru/texts/stfond.htm

[4] Вишняк М. В. Памяти друга.

Владимир Михайлович был атеистом, не смог умолчать этих справедливых слов епископа.

Урна с прахом В.М.Зензинова была захоронена в могиле №34 на кладбище Вудлон (ParkWestMemorialChapel) в Нью-Йорке.

Политические наследники Зензинова постепенно свели на нет партийную работу нью-йоркской группы. Сам Владимир Михайлович оставил политическую деятельность за полтора года до ухода из жизни. В марте 1952 г. появилось обращение 14 русских социалистов: трех партийцев-эсеров (Чернов, Зензинов, М.В.Вишняк), восьми меньшевиков и трех беспартийных социалистов. В нем говорилось о том, что история сняла с порядка дня все спорные вопросы, разделявшие социалистов, и выражалась надежда, что в будущей *«послебольшевистской России»* должна быть одна *«широкая, терпимая, гуманитарная и свободолюбивая социалистическая партия»*[1]. Сбылись ли их надежды? Это уже другая история.

Часть бумаг Зензинова хранится в центре русской культуры Амхэрст колледжа (Amherst Center for Russian Culture) в Массачусетсе, США, в Русском заграничном историческом архиве в Праге, в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, Российском государственном архиве литературы и искусства и др. Переписка Зензинова сохраняется в личных архивах его многочисленных корреспондентов, как, например, в Центре гуманитарных исследований Техасского университета — переписка с А.Ф. Керенским. Архив В.М.Зензинова в Колумбийском университете ждет своего часа для возвращения на родину. Заключенное когда-то соглашение душеприказчиков В.М.Зензинова, М.Вишняка и доктора И.Н.Коварского[2], с профессором

---

[1] Пушкарева И. Эсеры. Информационный ресурс: http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/3074309f-3653-dc1e-808d-e470beef872e/1010510A.htm

[2] Коварский (Свенцянский) Илья Николаевич (Иуда Натанович) (1880—1962). Из мещан, сын фабриканта. Учился в Киевском политехническом институте, окончил медицинский факуль-

Мозли[1] *«предусматривало передачу архива Зензинова одному из книгохранилищ в Москве после того, как в России установится демократический строй, — по признанию президентов трех университетов: Колумбийского, Гарвардского и Иейльского. За Колумбийским архивом сохраняется право снять копии с документов, которые могут его интересовать»*[2].

Доктор исторических наук А.В.Сазанов,
Т.Г.Бородинская

тет Дерптского университета. Врач. Эсер с 1899, с 1909 член ЦК ПСР. В 1919 эмигрировал во Францию. В 1940 уехал в США, много лет возглавлял О-во российских врачей в Нью-Йорке.

[1] Филипп Мозли, директор факультета политических исследований Колумбийского университета, директор созданного при университете в 1951 г. Архива русской и восточно-европейской истории и культуры (Бахметьевский архив).

[2] Вишняк М. Годы эмиграции 1919—1969.

1. ГОДЫ СТУДЕНЧЕСТВА

В старой России, под тяжким гнетом полицейского режима, молодое поколение развивалось быстро. Общественная деятельность была задавлена, печать задушена цензурой, политикой заниматься было запрещено — и именно поэтому политическое воспитание начиналось рано. Вот почему при самодержавии политической деятельностью в России начинали заниматься с гимназических и студенческих лет — обстоятельство, которому в свое время немало удивлялись в Западной Европе.

Не избежал общей участи и я. Еще на гимназической скамье я испытывал большой интерес к политической деятельности (запрещенный плод сладок), доставал через знакомых революционную литературу, которая либо печаталась в России в потайных типографиях, либо привозилась контрабандистами из-за границы, и мечтал о революционной деятельности в будущем, об освобождении России от политического рабства. Уже одно это было тогда небезопасно, так как за чтение революционных книг ссылали без суда в Сибирь, а за их печатание и распространение царское правительство отправляло на каторжные работы. Но мы, со свойственной молодости беспечностью, пренебрегали этим. Молодежь устраивала кружки

самообразования, читала в них запрещенные книги и знакомилась с той героической борьбой, которую, начиная с 1825 г., вели с деспотическим строем несколько поколений русских революционеров. И только случайно удалось мне окончить в 1899 г. гимназию: как раз накануне последнего выпускного экзамена ко мне ночью пришли жандармы для обыска — искать запрещенных книг. Они их не нашли (книги были хорошо спрятаны), и я со смешанным чувством тревоги и гордости за первое испытание революционера держал после бессонной ночи свой последний экзамен.

Я окончил гимназию в Москве и должен был поступить в Московский университет. Но я решил сделать другое. Я знал, что мне не удастся так благополучно окончить университет, как я кончил гимназию. В те годы (1895—1905 гг.) так называемые «студенческие волнения» во всех крупных городах повторялись в России с астрономической правильностью. Можно сказать, что «студенческие волнения» были скорее метеорологическим явлением, чем каким-либо иным; ибо они правильно повторялись каждую весну, как только начинал таять снег. Повод для этого всегда находился: арест кого-либо из товарищей полицией за политическую деятельность, протест против какого-нибудь нелюбимого профессора, который не брезговал соединять свою ученую деятельность с полицейской, и т. д. и т. д. Эти протесты приводили неизбежно к столкновениям с полицией, которая нередко в таких случаях занимала здание университета и аудитории,— занятия в университете прекращались, арестованных высылали из города, иногда даже в Восточную Сибирь; в 1899 г. правительство Николая II придумало даже сдавать замешанных в волнениях студентов в солдаты, где их держали в казармах в особенно тяжелых услови-

ях. При этих столкновениях полиции со студентами нередко случалось, что полицейские, со свойственной полиции всех стран наклонностью, применяли к студентам меры физического воздействия и вступали с ними врукопашную.

Все это приводило к тому, что окончить благополучно университет или даже просто учиться в нем было чрезвычайно трудно — особенно для тех, кто интересовался политической жизнью и не считал себя вправе стоять в стороне от нее. Я лично знал многих способных и талантливых людей, которые в течение 10—15 лет не могли окончить университета исключительно потому, что их высылали из университетских городов часто по одному только подозрению, что они участвовали в студенческих волнениях; а надо сказать, что в России в то время университетский курс был рассчитан на 4-5 лет.

Учиться в старой России было очень трудно, даже имея к тому страстное желание. А учиться я хотел. Для меня, 18-летнего юноши, уже тогда было ясно, что свою жизнь я посвящу политической деятельности. Но я хотел иметь знания, хотел быть образованным человеком — я знал, что нельзя быть неучем и полузнайкой, чтобы работать на пользу своей родине и своему народу. И, хотя молодость нетерпелива, хотя я горел желанием как можно скорее отдаться революционной борьбе с самодержавием за освобождение народа, я победил в себе это желание и решил поехать за границу, чтобы там, в свободных странах, в спокойной обстановке, получить нужные мне знания и выйти на борьбу, о которой я уже мечтал, лучше подготовленным и лучше вооруженным.

С этой целью, по окончании в Москве в 1899 г. гимназии, я поехал в Германию и поступил в университет, в котором пробыл 5 лет. За эти пять лет я учился в университетах Берлина, Гейдельберга и Галле, слушал лекции по философии, политиче-

ским, общественным, экономическим и юридическим наукам, успел побывать, кроме Германии, во Франции, Швейцарии и Италии, где также знакомился с политической и общественной жизнью этих стран. Русская полиция не могла помешать мне изучать за границей то, что я хотел, хотя и очень косо смотрела на меня, когда я на каникулы приезжал к своим родным в Москву. Каждый раз на границе русские жандармы старательно рылись в моих чемоданах в поисках запрещенной литературы и за моей жизнью в России старательно следили переодетые извозчиками и швейцарами сыщики и шпионы.

За границей я мог свободно познакомиться с богатой русской революционной литературой, мог подробно изучить героическое революционное движение в России 60-х и 70-х годов, и все это еще больше укрепило меня в моих революционных взглядах. Еще больше сделали знакомства с революционерами, которые приезжали из России, — Париж и Женева были тогда Меккой и Мединой русской революционной молодежи, так как туда приезжали из России революционные деятели, там жили русские эмигранты, там издавались русские революционные журналы, которые потом через контрабандистов отправляли для распространения в Россию. Именно там — в Париже и Женеве — я имел счастье познакомиться с такими испытанными русскими революционерами и патриотами, как Брешковская, Михаил Гоц, Гершуни, Шишко, Волховский и другие. Знакомство с живыми людьми, за каждым из которых стояли долгие годы борьбы, испытаний и страданий, сделало еще больше, чем книги. Юношеская пылкая восторженность заменилась горячей и твердой верой в светлое будущее и в счастье русского народа, чувство укрепилось знанием. Тогда же я примкнул к одной из русских революционных партий — к партии социалистов-революционеров, основателями которой были упомянутые мною выше русские революционе-

ры. Там же, за границей, на университетской скамье, я познакомился в 1900 г. с Авксентьевым, Абрамом Гоцем (брат Михаила Гоца) и Фондаминским (Бунаковым), которые были тогда такими же юношами, как и я, проникнуты теми же идеалами, что и я, и так же, как и я, примкнули к партии социалистов-революционеров. С тех пор, каким бы испытаниям каждый из нас ни подвергался, наша личная и политическая дружба никогда не прерывалась.

2. НАЧАЛО МОЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ КАРЬЕРЫ В РОССИИ

В начале 1904 г. я окончил в Германии университет и немедленно после его окончания поехал в Россию для революционной деятельности. Теперь я уже не был таким желторотым птенцом, каким я был пять лет тому назад. За эти годы усиленной работы и самостоятельной жизни я успел уже многое узнать, многое увидеть, многое испытать. Мне уже не побоялись дать в Россию ответственное революционное поручение, ради которого я ездил на тайное свидание (так как и за границей русская полиция следила за революционерами) к Михаилу Гоцу в Ниццу, который жил там, уже прикованный к креслу своей болезнью, полученной им в тюрьмах и ссылке в Сибири (через 2 года он умер от нее за границей). Мне было дано письмо, которое я должен был передать в Боевую организацию партии социалистов-революционеров, которая тогда, после убийства министра внутренних дел Сипягина, подготовляла новое покушение на министра внутренних дел Плеве. Письмо это было написано химическими чернилами на страницах одной из невинных русских книг, листы которой нарочно были оставлены неразрезанными.

За эту книгу тогда я уже готов был отдать свою жизнь,— и по приезде в Москву я благополучно передал ее по назначению.

Партия социалистов-революционеров была основана в 1900 г., и к 1904 г. она получила в России уже широкое распространение. Своей основной политической задачей она ставила политическое освобождение страны, низвержение самодержавия и созыв Всероссийского учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права, в котором народ должен будет сам решить свою судьбу, т. е. определить политический строй и провести необходимые социальные реформы. Как средство борьбы, партия социалистов-революционеров признавала не только агитацию и пропаганду среди широких слоев населения — среди рабочих и крестьянства,— но и террор, т. е. убийство отдельных, особенно ненавистных для народа и вредных представителей царского режима. С этой целью во всех городах, местечках и даже в крупных селах партия создавала организации, которые назывались комитетами, и все они соединялись между собою в одну общую организацию, во главе которой стоял Центральный комитет — настоящий руководитель и вождь всей партии. Через известные периоды происходили съезды представителей этих комитетов, на которых обсуждались и решались все программные и тактические вопросы. Конечно, все эти организации носили тайный характер и участие в них обставлялось большим секретом. Явная и тайная полиция старого режима была очень сильна, и потому членам этих революционных организаций приходилось принимать чрезвычайные меры предосторожности. Им часто приходилось, скрываясь от преследований полиции, переодеваться, изменять свою наружность, жить под чужими именами — с чужими или фальшивыми паспортами, так как сре-

ди революционеров было много так называемых «нелегальных», бежавших из сибирской ссылки или из тюрем; полиция обычно рассылала своим агентам и жандармам особые списки разыскиваемых, с приложением фотографий, и тем заставляла революционеров жить под чужим именем и видом.

Была такая тайная революционная организация и в Москве. В такие организации новых людей обычно принимали с большим выбором, и попасть в число членов комитета было очень трудно. Но у меня были хорошие рекомендации от известных заграничных революционеров, меня уже отправили из России с важным революционным поручением и потому по приезде в Москву меня с радостью приняли в состав Московского комитета партии социалистов-революционеров. Это было в феврале 1904 г. С этого момента началась моя активная политическая и революционная деятельность, которая до настоящего момента прерывалась только тюрьмой, ссылкой или изгнанием.

Нас было немного тогда в московской организации, но мы были энергичны и деятельны и вели широкую работу. Наша основная задача была — пропаганда наших взглядов и агитация в широких народных массах. С этой целью мы выпускали листки, отзывавшиеся на все политические события того времени, и эти листки мы тайно распространяли между крестьянами и рабочими, среди которых мы создавали тайные кружки политического самообразования. Мы не могли их печатать в типографии (потому что ни одна типография на это не соглашалась, боясь суровых наказаний) и потому изготовляли эти листки домашним способом — на гектографах и мимеографах. Часто по ночам, набив этими листками все карманы, спрятав целую кипу их за пазуху, мы расходились по городу и разносили листки в рабочих кварталах

по знакомым нам квартирам рабочих или просто потихоньку расклеивали их на стенах на видном месте. Полиция боялась этих листков как огня, гонялась за нами и если настигала распространявших, то обычно жестоко избивала, арестовывала, и правительство бросало нас в тюрьмы, где нередко держало несколько лет, а затем на 3, на 5, даже на 7 лет ссылало в Сибирь. Все это было в достаточной мере неприятно, но молодость не боится неприятностей.

Но мы не ограничивались и листками. Мы знали, что старый строй не уступит добровольно своих позиций и что впереди, быть может, на многие еще годы, предстоит с ним жестокая борьба. И мы проповедовали необходимость отвечать на насилие силой. В то время по русским законам всякие стачки рабочих были запрещены, а рабочие собрания разгонялись оружием. Под страхом жесточайшей ответственности запрещены были даже всякие профессиональные организации рабочих. И потому мы говорили, что необходимо рабочим и всему народу готовиться к вооруженной борьбе с правительством. Мы знали, что за это по русским законам нас ждет не только каторжная работа, но и смертная казнь, но шли на это, так как были убеждены, что без жертв нельзя завоевать свободы.

В то время во внутренней жизни России уже пахло порохом. Дело уже не ограничивалось одними невинными студенческими волнениями, во время которых полиция в рукопашной борьбе избивала студентов. В 1904 г. Россия вела непопулярную в народе и ненужную для самой страны войну с Японией, начатую по желанию одних только придворных кругов. Общее политическое недовольство носилось в воздухе. В промышленных районах, в Петербурге, Москве, на юге России и на Урале происходили рабочие волнения, во время которых рабочие

выставляли политические требования. Волновалось крестьянство. Правительство отвечало на это нагайками и расстрелами. 15 июля 1904 г. в Петербурге среди бела дня был убит бомбой министр внутренних дел Плеве. Убийство было совершено Боевой организацией партии социалистов-революционеров. Это было большой победой нашей партии и очень сильно увеличило ее значение и силу. В декабре 1904 г. нашей московской организацией были устроены на центральных улицах Москвы большие двухдневные демонстрации, в которых приняли участие рабочие и студенты. В Петербурге начались известные рабочие волнения, которые приняли очень большие размеры и кончились знаменитым «Кровавым воскресеньем» 9 января 1905 г., когда рабочие массы, подошедшие к Зимнему дворцу под предводительством священника Гапона, были безжалостно расстреляны правительством. Я вместе с другими товарищами был арестован в Москве как раз в ночь на 9 января, только что вернувшись с общего рабочего собрания, на котором все московские рабочие также решили забастовать для поддержки Петербурга.

3. МОЙ ПЕРВЫЙ АРЕСТ

Я был арестован среди работы, но наша работа не остановилась, потому что у нас нашлись заместители. И вскоре я получил подтверждение этому самым наглядным образом. Последние два месяца перед своим арестом я по поручению комитета был занят очень важным делом — устройством подпольной революционной типографии. Это было очень трудным делом: надо было найти товарищей, знакомых с типографским делом, достать им хорошие паспорта, иметь необходимую типографскую технику

с рамой, валом и шрифтом, наконец, снять в тихом квартале отдельную квартиру, чтобы соседи не могли слышать работы типографского станка, и все это сделать настолько осторожно, чтобы тайная и явная полиция не могла никого проследить. За участие в революционной типографии правительство налагало большее наказание — от 8 до 12 лет каторжных работ, и каждая крупная революционная организация считала для себя особой гордостью и честью иметь такую типографию. Теперь я был арестован как раз в разгаре такой работы по устройству типографии и очень беспокоился за ее судьбу. Через несколько недель пересланного мне с воли тайным образом письма товарищей я узнал, что типография уцелела, а через два месяца я получил даже первый номер той газеты «Рабочая газета», в составлении которой участвовал, когда был еще на свободе. Мало того — мне удалось переслать товарищам на волю воззвание, которое я составил в тюрьме, и через несколько дней я получил печатный экземпляр его, напечатанный в нашей революционной типографии. Только тот, кто сам испытал это, может понять, какое чувство радости и гордости испытываешь, когда, будучи пленником, торжествуешь победу и знаешь, что, несмотря на тюремные стены, можешь помогать тому делу, за которое каждое мгновение готов отдать свою жизнь.

Здесь, в московской тюрьме, мне пришлось испытать и другое сильное чувство.

После убийства министра внутренних дел Плеве Боевая организация партии социалистов-революционеров не остановила своей работы — она поставила себе новую цель: убийство в Москве великого князя Сергея Александровича, дяди царя, одного из вдохновителей реакционной придворной партии. Я знал о всех приготовлениях, которые были сделаны Боевой организацией и которые держались в большом се-

крете даже от остальных членов партии, так как накануне своего ареста имел тайное свидание с одним из руководителей Боевой организации — Борисом Савинковым. И теперь, сидя в московской тюрьме, я с замиранием сердца ждал, когда раздастся этот удар, — я ждал его каждый день. И, наконец, я его дождался. 4 февраля, около 2 часов дня, когда я стоял у открытого окна, пытаясь вести переговоры с сидевшими неподалеку от моей одиночной камеры товарищами, я ясно услышал гул отдаленного взрыва, похожего на пушечный выстрел. Сердце мое затрепетало — что означал этот неожиданный звук? Новую победу Боевой организации или, быть может, снаряд разорвался в руках метателя от несчастного случая, бесполезно унеся с собой жертву, как это не раз уже случалось в деятельности террористов? Или, наконец, этот взрыв указывал на какой-нибудь несчастный случай на фабрике (взрыв котла и т. п.) и никакого отношения не имел к борьбе революционеров за освобождение России? Сидевшие в тюрьме товарищи также слышали этот взрыв, но не обратили на него особенного внимания — и я не считал нужным высказывать им свои соображения. И только вечером все выяснилось — бежавший около тюрьмы мальчишка крикнул через забор с улицы, что «великого князя разорвало бомбой». И это была правда: Иван Каляев, член Боевой организации нашей партии, бросил в великого князя в Кремле бомбу, которая убила великого князя на месте и едва не разорвала самого Каляева. Через несколько минут после крика мальчика вся наша тюрьма уже знала об этом событии: великий князь был так ненавистен всей Москве, он пользовался такой всеобщей ненавистью, что даже наши тюремные надзиратели не могли скрыть своих улыбок и, потихоньку оглядываясь, и с большими осторожностями, сообщили

нам эту новость. Через несколько минут вся тюрьма огласилась криками: «Да здравствует партия социалистов-революционеров!» и заключенные дружным ходом запели «Марсельезу». Надо самому испытать в тюрьме эти переживания, чтобы понять, как много можно отдать за это...

4. ПЕРВАЯ ССЫЛКА И БЕГСТВО ЗА ГРАНИЦУ

Немного больше полугода пришлось пробыть мне в московской тюрьме в одиночном заключении. Наконец, жандармы объявили мне приговор: ссылка в Восточную Сибирь на 5 лет за принадлежность к партии социалистов-революционеров. Приговор этот жандармы мне объявили в административном порядке, помимо всякого суда, ни разу не подвергнув меня допросу, не предъявив мне никаких обвинений, не опросив никаких свидетелей — единственно на основании донесений своих тайных шпионов и сыщиков, которых они же сами содержали на жалованье. Такова вообще была жандармская юстиция старого порядка.

Я был приговорен к ссылке в Восточную Сибирь, за много тысяч верст от Москвы, но так как в то время еще продолжалась Русско-японская война и Сибирская железная дорога была занята перевозкой войск, то этапного движения в Сибирь не существовало и вместо Сибири меня сослали на Крайний Север России — в Архангельск. Из Архангельска я бежал в тот же день, как меня туда доставили, и, скрываясь тщательно от хорошо меня знавшей московской полиции, я вернулся в Москву. В Москве я получил от партийной организации паспорт на чужое имя и адреса контрабандистов на немецкой гра-

нице для проезда в Швейцарию. С этого момента и я сделался «нелегальным», т. е. человеком, не имеющим своего имени, — положение, в котором мне так часто позже приходилось быть и жить даже годами в позднейший период своей революционной карьеры.

Я благополучно добрался до границы, где по указанному мне адресу разыскал нужных контрабандистов, которые за 25 рублей и провели меня под видом местного польского жителя через немецкую границу. При этом я едва не потерпел неудачу, или, как в этих случаях говорят, едва не «провалился»: уже в Германии, но недалеко от русско-немецкой границы, меня встретил на какой-то маленькой немецкой станции немецкий жандарм, остановил и строго спросил, кто я и куда еду? Я назвал первую попавшуюся фамилию, сказал ему, что я русский студент и еду в Кёнигсберг для поступления в университет, причем сделал вид, что достаю из бокового кармана заграничный паспорт. Немецкий жандарм милостиво махнул рукой — и я счастливо миновал это случайное препятствие. Из Кёнигсберга я без всяких приключений через Берлин и Базель приехал в Женеву, где уже встретил друзей, которые и приняли меня с распростертыми объятиями.

Это было в августе 1905 г.

Надо вспомнить, какое это было время во внутренней жизни России. «Кровавое воскресенье» — 9 января 1905 г. разбудило страну. Все те живые силы, которые не могли примириться с гробовой тишиной деспотического строя, старались теперь вырваться наружу. Во всех слоях населения было одно сознание: так дальше жить нельзя. Лето 1905 г. было полно всяческих волнений — в городах волновались рабочие, в деревнях — крестьяне. Все чувствовали, что в воздухе скопилось слишком много электричества. Сюда, в Женеву, из России доходили вести одна

другой удивительнее. Русская колония волновалась. Я с трудом мог усидеть на месте и рвался обратно в Россию на работу, но товарищи, более меня благоразумные, советовали некоторое время выждать.

Для меня ясно было одно: революционная борьба в России обостряется и она скоро потребует участия всех революционных сил, всех средств революции. Я стал мечтать о терроре и с этой целью поступил в маленькую химическую школу Боевой организации в Женеве, где научился из основных химических элементов приготовлять динамитные и нитроглицериновые бомбы, делать к ним запальники, заряжать и метать: с целью научиться метанию я несколько раз ездил в окрестности Женевы, в горы, где испытывал бомбы своего приготовления, испытывал свою руку и хладнокровие. Одновременно я изучал типографское дело — домашние простые станки и технику набора: революционер должен был уметь все делать сам и научить этому других.

В сентябре я получил из Москвы телеграмму, что мои лучшие друзья арестованы, — мне казалось еще труднее оставаться за границей. События в России горячо обсуждались в русских эмигрантских кругах в Женеве. Все с нетерпением выжидали *Tribune de Génève*, которая в эти дни выходила четыре раза в день. Я всегда был в толпе, которая около редакции ждала нового выпуска газеты. Манифест 17 октября, в котором Николай II давал народу все гражданские свободы и гарантировал, что «ни один закон не будет иметь силы без утверждения его Государственной думой», оказался в моих руках у одного из первых. Я помчался с ним к Михаилу Гоцу, одному из самых видных руководителей партии социалистов-революционеров, прикованному тогда своей страшной болезнью к постели: около этой постели обычно собирались многие видные эмигранты и обсуждали но-

вости из России. Чтение Манифеста произвело сильное впечатление на присутствующих — но голоса разделились: некоторые верили в его искренность и думали, что для русского народа теперь начнется новая, свободная жизнь, другие, наоборот, видели в этом акте только полицейскую уловку, только желание новыми обещаниями продлить существование старого режима. Среди этого спора я неожиданно воскликнул: «Теперь, наконец, начнут в России строить баррикады!». Я помню, как Михаил Гоц из глубины своих подушек пристально посмотрел на меня и тихо сказал: «Володя, вспомните когда-нибудь то, что вы сейчас сказали»...

5. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ. 1905 год

На другой день после этого известия я выехал из Женевы в Россию. Но доехать мне пришлось только до Берлина — в Россию поезда не ходили, там была всеобщая стачка, в том числе и стачка всех железных дорог. Это было невыносимое положение: кое-какие телеграммы в Берлин из России приходили,— они, действительно, говорили о пробуждении русского народа от векового сна, и все это происходило там, вдали... я не могу видеть этого своими глазами, я не могу сейчас же принять участие в свободной жизни свободного народа... Пять дней продолжалась эта пытка, пока наконец, с Friedrichstrasse Bahnhof'а не отправили в Петербург через Эйдкунен первого поезда. С трудом достал я билет на этот первый поезд в Россию, но все-таки достал. 29 октября я уже был в Петербурге.

Как описать эти дни? Как рассказать о том чувстве, которое испытываешь, когда осуществляются

все лучшие и святые мечты? Тяжелый кошмар деспотизма отошел в прошлое: **Россия свободна!** Осуществилось то, о чем мечтали лучшие люди нескольких поколений, явилась возможность проповедовать то, упоминать о чем считалось раньше тягчайшим преступлением. Не надо больше скрываться, не надо ничего прятать, не надо никого обманывать. Свободные газеты, свободные народные митинги, свободная политическая деятельность... И все это для людей, которые привыкли к подполью, привыкли быть преследуемыми, как красный зверь, привыкли быть готовы на жертвы и своей свободой, и своей жизнью... Как не опьянеть от этого, как не закружиться голове? И душа открывалась для всего хорошего и светлого, все люди казались братьями, зло как будто исчезло на земле...

Но такое состояние продолжалось недолго. Реакция не умерла, она таилась в темных углах, она уже снова поднимала свою голову. Даже к первым светлым дням освобождения России она подмешала свою грязь, свою змеиную ненависть. Во многих городах объявление Манифеста 17 октября сопровождалось погромами евреев и интеллигенции, в которых главную роль сыграла полиция, натравливая темную массу и давая ей легкую поживу. Даже первая радость народного освобождения была отравлена. В «дни свободы», так называлось это короткое время, у всех руки оказались развязанными и все политические партии стояли перед свободной политической деятельностью. Самые крайние революционные партии были счастливы отказаться от своих страшных методов борьбы и перейти к мирной деятельности,— они все настаивали на созыве Всероссийского учредительного собрания, чтобы сам народ мирным путем разрешил свою судьбу. Но черные тучи уже собирались снова над страной — России не сужде-

но было родиться свободной без крови и насилия. Черные реакционные силы не дремали: высшая бюрократия, дворянство, военные круги, помещики и духовенство объединились вместе в одном желании подавить родившуюся свободу. В Манифесте 17 октября они не видели акта, продиктованного всеми событиями внутренней русской жизни с исторической необходимостью, — они видели в нем только проявление слабости правительства, видели только испуг власти. Нужны, говорили эти реакционные круги, снова суровые меры, чтобы вернуть народ к повиновению. И эти круги победили. Они заставили правительство вернуться к его старой политической практике, заставили обратно взять все обещания, они фактически превратили Манифест 17 октября в ничего не стоящую бумажку, ибо все только что возвещенные в нем гражданские свободы теперь нарушались правительством на каждом шагу. Царский Манифест 17 октября превратился в величайшую ложь: свобода печати исчезла, т. к. администрация конфисковывала и закрывала газеты, свободы собраний более не существовало, ибо народные митинги разгонялись полицией и казаками, политические партии снова преследовались по-прежнему, их деятели снова стали подвергаться арестам. В числе первых подверглись в Москве аресту члены Крестьянского союза, затем было объявлено военное положение в Польше и был начат поход против рабочих организаций. Октябрьские «свободы» оказались ловушкой, и правы были те, кто с самого начала не доверился обещаниям правительства. Что было делать революционным организациям, что было делать народу? Подчиниться правительству значило потерять сразу все завоевания, значило вернуться к ненавистному прошлому. Надо было поднять брошенную прави-

тельством перчатку: ибо другого выхода не было, — и революционные организации приняли вызов.

К декабрю тактика правительства вполне уже определилась, отношения между ним и народными массами достигли величайшего напряжения. И на 6 декабря всеми революционными партиями и организациями снова была назначена всеобщая забастовка, которая в октябре уже вырвала у правительства его лживый манифест. Но на этот раз столкновение было не так удачно: правительство нашло в себе решимость бороться с движением самыми крайними мерами. В Петербурге забастовка экстренными мерами правительства была сорвана, но в Москве она началась удачно.

6. В МОСКВЕ. ДНИ ВОССТАНИЯ

К тому времени я уже был членом Центрального комитета партии социалистов-революционеров, куда был выбран в октябре этого года после возвращения из Женевы. В декабре я находился в Москве, где руководил деятельностью московской организации и вошел немедленно в стачечный комитет. С самого начала было видно, что на этот раз забастовка не будет носить мирного характера. В недолгие дни свободы революционными организациями было запасено немало оружия и взрывчатых веществ — теперь и то, и другое должно было пригодиться. И когда казаки и жандармы начали стрелять в толпу, она отвечала на их выстрелы также выстрелами: это разговаривали с полицией члены наших революционных организаций. В одном из домов (гимназия Фидлера) была захвачена полицией наша боевая дружина, которая на обстрел отвечала выстрелами и бомбами — дом обстреляли артиллерией, с обеих сторон оказались

убитые и раненые. Наши товарищи были взяты в плен. Московский комитет нашей партии ответил на этот удар ударом — он решил взорвать в ту же ночь «охранное отделение» — центр полицейской деятельности в Москве. Это поручение было дано мне.

Вместе с двумя товарищами я разработал план нападения и снабдил их двумя разрывными снарядами огромной силы. С зажженными папиросами и со снарядами в руках они спокойно подошли к окнам здания, незаметно прикоснулись папиросами к зажигательным шнурам и удачно бросили бомбы внутрь. Охранявшие здание полицейские начали стрелять в них из револьверов, но раздавшиеся в это мгновение внутри самого здания два оглушительных взрыва уложили полицейских на месте. Здание охранного отделения было разрушено до основания и обоим товарищам удалось благополучно скрыться. Начавшийся пожар уничтожил бумаги охранного отделения. Взрывы последовали около 4 часов утра, и я был в это время неподалеку от места покушения. Я поспешил туда и с удовлетворением увидел все здание охранного отделения в огне. Но в ту же минуту я увидел себя окруженным 10—12 людьми в штатском — я сразу догадался, что это были переодетые полицейские и, выдав себя за случайного прохожего, стал спрашивать их о причине взрывов. На мое счастье, никто из этих сыщиков не знал меня в лицо, иначе я был бы застрелен на месте. Мне удалось, разговаривая, уйти от них.

Этот взрыв охранного отделения был хорошим ответом на арест нашей боевой дружины и произвел сильное впечатление в революционных кругах.

Впервые Москва начала покрываться за эти дни баррикадами. Таким образом мое предчувствие и предсказание в Женеве оправдались — и оправдались скорее, чем кто-либо из нас думал.

Москва оказалась разбитой на несколько частей: одна часть была в руках правительственных войск, которые обстреливали улицы из пулеметов и легких орудий, другие части были захвачены революционерами, которые нагромоздили из сваленных телеграфных столбов и сломанных заборов и дверей баррикады и затянули улицы проволокой трамваев и телеграфа. На улицах Москвы началась настоящая гражданская война со всеми ее кровавыми ужасами.

В Москве было много войск, но войска колебались и толпу расстреливали главным образом полицейские, жандармы и казаки. Около двух недель продолжалась эта борьба на московских баррикадах без видимого перевеса на той или другой стороне. Петербург молчал — забастовка была там сорвана, и мы всего больше боялись, что Петербург пошлет против нас свою гвардию. Николаевская железная дорога между Москвой и Петербургом продолжала действовать под охраной войск, и все наши попытки взорвать на этой линии железнодорожные мосты кончались неудачами. И, наконец, действительно, в Москву прибыл из Петербурга гвардейский Семеновский полк, который известен был своей верностью старому порядку. Прибыв в Москву, он начал действовать с беспощадной жестокостью, расстрелял артиллерийским огнем баррикады и выжег рабочий квартал Пресню, где ему было оказано наиболее сильное сопротивление. При подавлении Московского восстания особенной жестокостью отличились командир Семеновского полка генерал Мин и его полковник Риман — эти два имени остались Москве хорошо памятны, наряду с именем военного генерал-губернатора Москвы — адмирала Дубасова.

За эти дни я принимал живое участие во всех этих событиях и стоял в центре движения — был членом Исполнительного комитета, который руково-

дил всем движением. Но после того как Семеновский полк раздавил Москву, нам здесь делать было нечего,— надо было стараться выбраться из Москвы, тем более что на Рождество был назначен в Финляндии на Иматре первый общий съезд нашей партии. Родные мне сообщили, что за мной уже приходили к ним на квартиру жандармы с револьверами в руках,— и мне надо было торопиться.

Но как выехать из Москвы? Москва была окружена со всех сторон войсками, сыщики и шпионы шныряли всюду по улицам и искали руководителей движения. Меня они знали хорошо, знали и мою роль в событиях, наконец, у меня были прямые и неопровержимые факты, что меня искали. И я решил, что самый верный путь — прямой путь. Я, нисколько не скрываясь, отправился прямо на Николаевский вокзал, откуда поезда отходили в Петербург, сам купил у кассы билет и, пройдя через цепь солдат, на глазах у всех, сел в поезд. Мой расчет оказался правильным — никто не мог предположить, что революционеры посмеют, не считаясь с огромной для них опасностью, пойти прямо в пасть к врагу. Таким же простым путем благополучно выехали и товарищи. Помню, что в Выборге в Финляндии меня встретили знакомые на вокзале и тут же познакомили меня с каким-то бритым человеком, одетым в роскошную медвежью шубу. Я церемонно с ним раскланялся, а через мгновенье мы хохотали в лицо друг другу: в своем новом знакомом я узнал товарища по Исполнительному комитету, с которым мы вместе все эти дни работали в Москве и который оттуда выехал на один день раньше меня. Но я не узнал его сразу без усов и бороды и в незнакомой мне шубе.

Партийный съезд на Иматре продолжался около недели — на нем были поставлены основные политические вопросы. Страна очутилась в прежних

условиях политической жизни, что и до 17 октября 1905 г. Независимая политическая деятельность была по-прежнему запрещена, по-прежнему политические партии были загнаны в подполье. Но неудача Декабрьского восстания в Москве и Петербурге не обескуражила революционеров. Революционные партии по-прежнему должны были приняться за старые методы борьбы, а партия социалистов-революционеров на своем съезде единогласно решила взяться за испытанное оружие террора. Вновь избранный на съезде Центральный комитет решил возобновить террористические покушения в самых широких размерах.

7. В БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В декабре я уже понюхал пороха в Москве и не мог вернуться к мирной работе («мирной» работой революционера мы называли работу по созданию организаций среди крестьян и рабочих, печатание и распространение литературы) — меня всего тянуло в террор. Я предложил свои услуги Боевой организации и был принят в число ее членов, что было для меня очень большой честью. Членами Боевой организации могли быть только те, кто сам предлагал ей свои услуги, — туда никого не приглашали и никого не выбирали, там могли быть только одни добровольцы. При этом никто в партии не знал персонального состава Боевой организации, не знал этого даже высший руководитель всей партии — Центральный комитет в полном составе, а только один из его членов, заведовавший боевой работой партии. Работа Боевой организации была совершенно самостоятельной; Боевая организация получала только определенные задания от Центрального комитета, но разрабатывала

и приводила в исполнение свой план независимо от кого бы то ни было.

В первые месяцы 1906 г. Боевая организация поставила себе несколько таких задач: покушение на адмирала Черноморского флота Чухнина, недавно подавившего восстание матросов на Черном море, на министра внутренних дел Дурново, руководителя всей внутренней политикой правительства, на адмирала Дубасова, генерала Мина и полковника Римана, героев кровавого подавления Московского восстания.

В то время в Боевой организации числилось от 25 до 30 человек и все эти задачи были правильно распределены между ними.

Мне поручили прежде всего съездить на Черное море в Севастополь и выяснить условия жизни и возможность покушения на адмирала Чухнина. Прямо из Гельсингфорса, никуда не заезжая, я выехал в Севастополь. Там я поселился под чужим паспортом в одной из лучших гостиниц города, разыгрывая из себя богатого туриста. У меня не было знакомых в Севастополе, да и данные мне от Боевой организации инструкции запрещали мне с кем бы то ни было видеться, чтобы свиданиями со скомпрометированными в глазах полиции лицами не навлечь на себя подозрения сновавших всюду шпионов и сыщиков. Мне предстояло изучить образ жизни и привычки адмирала, чтобы на основании добытых сведений установить наиболее удобный момент и место покушения на него. С этой целью в разные часы дня я выходил из своей гостиницы и ходил вокруг дворца, в котором жил командующий Черноморским флотом, тщательно следил также за находившеюся около моей гостиницы пристанью. Теперь я сам из красного зверя, которого преследуют охотники, превратился в охотника, который выслеживает свою добычу. В одну из таких своих прогулок я встретил на улице

товарища, которого знал по московской революционной организации, — мы пристально посмотрели в глаза друг другу, но не поздоровались. Я не хотел выдать своего знакомства с ним, т. к., быть может, за ним следили и тогда я мог выдать себя полиции. Но меня удивило — и, признаюсь, несколько смутило, что и он не обнаружил желания поздороваться со мной. Что делает он в Севастополе? — задавал я себе вопрос и не мог на него ответить.

Прошло около недели моей жизни в Севастополе,— за это время я хорошо изучил местоположение, расположение дворца адмирала и уже составил себе некоторый план действий.

Однажды, когда я с намыленной щекой сидел у парикмахера, в парикмахерскую быстро вошел взволнованный морской офицер и сообщил во всеуслышание: «Сейчас было покушение на адмирала Чухнина — в него стреляла какая-то женщина и опасно его ранила, а может быть, и убила...».

Как описать состояние, которое я испытал при этом известии? Нужно было собрать все хладнокровие, чтобы спокойно досидеть у парикмахера и добрить намыленную щеку. Сейчас же от парикмахера я бросился ко дворцу адмирала, где около ворот уже собралась небольшая толпа народа. Из рассказов выяснилось, что на прием к адмиралу Чухнину явилась неизвестная молодая девушка, которая выпустила в адмирала четыре пули из браунинга. Адмирал упал под стол, на выстрелы сбежались жена и дочь адмирала, стража из передней и схватили стрелявшую. И по требованию жены адмирала неизвестная девушка сейчас же была расстреляна стражей во дворе адмиральского дворца. От ворот, действительно, видно было во дворе тело, покрытое чем-то, около которого стояла стража. Адмирал остался жив, хотя и тяжело ранен — все четыре пули попали в него.

Делать в Севастополе мне больше было нечего, и я в тот же день выехал с поездом в Москву. В вагоне уже при отходе поезда я встретился со своим московским знакомым, которого раньше заметил на улице Севастополя. Здесь он мне все разъяснил. Оказывается, одновременно с Боевой организацией на адмирала Чухнина подготовлялось покушение Московской боевой дружиной (боевой отряд Центральной области) нашей же партии, о котором мы не знали благодаря большой тайне, которой мы обставляли нашу работу. И он, мой московский знакомый (Владимир В.), вместе с той девушкой, которая стреляла в Чухнина, работали над этим делом. Стрелявшая была Измайлович, дочь генерала, известная в наших партийных кругах как смелая и самоотверженная революционерка, недавно только при помощи товарищей удачно бежавшая из тюрьмы.

В Москве мы расстались с Владимиром В., и я поехал дальше в Финляндию, где передал в Боевую организацию подробный отчет о происшедшем.

В Гельсингфорсе мне пришлось переночевать только одну ночь. На следующий же день я был отправлен в Петербург на новое дело — готовить покушение на командира Семеновского полка, генерала Мина, и полковника Римана. Это дело Боевая организация поручила мне и одному моему московскому товарищу, с которым мы вместе переживали все Московское восстание в декабре,— Александру Яковлеву.

С новым паспортом я отправился в Петербург и остановился в гостинице. Яковлев отправился тоже одновременно со мной и остановился в другой гостинице. Друг с другом мы условились встречаться только в кафе и ресторанах, чтобы не обнаруживать своего знакомства.

Очень скоро мы выяснили, что генерал Мин живет около казарм Семеновского полка и очень строго охраняется, а полковник Риман — в своей частной квартире. Нам удалось достать их фотографические карточки, но, несмотря на все старания, нам не удавалось их встретить лично. Один или два раза в неделю мы виделись в ресторане с руководителями Боевой организации, которые приезжали в Петербург в назначенные дни, когда мы ездили с докладами сами в Гельсингфорс. Нам приходилось часто менять места свиданий, чтобы не быть прослеженными полицией, и постоянно, ежеминутно следить за тем, нет ли за нами наблюдения сыщиков. Мы прекрасно понимали, что при неосторожности мы не только рискуем сами, но и подвергаем опасности других, которые находятся с нами в сношениях, и, что еще хуже, можем погубить то дело, которое возложено на них. Поэтому приходилось прибегать к большим хитростям. Так, помню одно свидание в Петербурге мы устроили в турецкой бане, куда мы пришли под видом посетителей, — кто бы мог заподозрить в двух лежащих на соседних скамьях и покрытых мыльной пеной джентльменах террористов, обсуждающих один из своих страшных планов...

Одновременно с нами в Петербурге Боевая организация работала и над другим делом — она подготовляла покушение на министра внутренних дел Дурново. Это дело было серьезнее нашего и было поэтому поставлено несколько иначе. Над ним работало десять или двенадцать человек, и все они были разделены на две группы, не только совершенно самостоятельные, но даже не знавшие одна про другую. Одна группа жила под видом извозчиков. У них были крестьянские паспорта, одеты они были как приезжие из деревни люди, которые приехали на заработки в Петербург. Лошадь и экипаж они купили в

Петербурге, поселились на разных извозчичьих дворах и в своем образе жизни старались решительно ничем не отличаться от простых извозчиков. В таком виде они ездили по городу, старались держаться у подъезда того дома, в котором жил министр. Их задача состояла в том, чтобы изучить дни и час выездов министра с докладами к царю или на заседания, также как можно внимательнее изучить внешний вид экипажа, в котором министр ездил. Все это было необходимо знать, чтобы можно было заранее подготовиться к покушению и чтобы при самом покушении не произошло какой-либо роковой ошибки (как это иногда случалось, когда по ошибке вместо одного стреляли в другого). Другой отряд состоял из продавцов газет и папирос, что позволяло им также все время проводить на улицах и следить за нужными пунктами. Существование этих двух отрядов облегчало наблюдение, так как позволяло сравнивать и проверять добываемые сведения. Руководители Боевой организации переодевались в соответствующие платья и виделись с извозчиками и разносчиками в третьеразрядных трактирах и харчевнях, где извозчики имели обыкновение закусывать и пить чай.

В одном из этих двух отрядов, подготовлявших покушение на министра внутренних дел Дурново, находился и мой большой друг Абрам Гоц, с которым мы вместе учились в заграничном университете. Еще до того, как мы оба встали на работу в Боевой организации, мы условились время от времени встречаться друг с другом. Но как это сделать? Я жил богатым барином в хорошей гостинице, он был простым извозчиком. Однажды в условный день и час я вышел, как бы прогуляться на улицу, и на углу назначенного нами перекрестка двух улиц увидал извозчика. Извозчик был самый обыкновенный — каких много в Петербурге. Я прошел мимо — номер

был тот самый, но в душе было сомнение, настолько этот извозчик не походил на моего друга. Я вернулся и окликнул его: «Извозчик, свободен?». Только по улыбающимся глазам я узнал его. Куда девался его вид студента? Я увидел плохо выбритое лицо, грязный кафтан, большие рукавицы. — «На Невский».— «Пожалуйте, барин». — Вместо Невского мы поехали с ним за город и только там могли свободно наговориться. Он рассказал мне много интересного. Ему, интеллигентному человеку, только что окончившему вместе со мной университет в Германии, было, конечно, тяжело и трудно среди мира извозчиков с их темной жизнью, среди тяжкого труда и грязи. Самый труд извозчика, эта езда с утра до вечера на морозе, скверная еда — для человека, привыкшего к другим условиям жизни, все это было чрезвычайно трудно. Но он не унывал, он бодро работал, ни в чем не желая отстать от своих товарищей по профессии, и в необычной для себя обстановке находил много интересного материала для наблюдений. С юмором он рассказывал, как им увлеклась кухарка того извозчичьего двора, в котором он жил, и как он не смел отклонять ее ухаживания, боясь тем внушить к себе подозрение.

За время нашей работы в Петербурге у нас состоялось с ним несколько таких свиданий, и каждый раз они были для нас праздником и отдыхом, потому что давали возможность поговорить друг с другом, так как в остальное время мы, занятые каждый своей работой, жили в большом одиночестве — как на необитаемых островах, вынужденные от всех скрываться и следить за каждым своим шагом.

Одновременно с этим Боевая организация поставила работу и в Москве — она подготовляла покушение на адмирала Дубасова. В этом отряде работали также мои товарищи, которых я знал по Москве и

Петербургу, — среди них и Борис Вноровский, которому суждено было погибнуть на этом деле. Иногда москвичи также выезжали с докладами о том, как идет их работа в Боевой организации, в Финляндию, и тогда мы с ними встречались.

Работа по подготовке всех этих покушений началась сейчас же после съезда партии на Иматре — в январе, но подвигалась она вперед плохо. На каждом шагу нас почему-то преследовали неудачи. Генерала Мина и полковника Римана нам не удавалось выследить на улице, министра Дурново ни наши извозчики, ни разносчики и газетчики ни разу не встретили, наконец, в Москве адмирал Дубасов накануне назначенного нами дня покушения каждый раз куда-то исчезал. Прошло три месяца бесполезного преследования — дело не подвигалось. Центральный комитет партии торопил нас, и, наконец, сделаны были последние попытки.

Мой товарищ Александр Яковлев, одетый в форму гвардейского офицера, явился с визитом к полковнику Риману, но не застал его дома и был на его квартире арестован (позднее он получил по суду 8 лет каторги, был сослан в Сибирь, оттуда бежал и эмигрировал во Францию; в 1914 г., когда началась война, поступил добровольцем во французскую армию и был убит немцами, защищая оказавшую ему и многим другим русским революционерам гостеприимство Францию).

Борис Вноровский в конце концов подкараулил-таки в Москве адмирала Дубасова. Сначала он следил за ним, переодетый извозчиком, затем надел на себя мундир морского офицера. В таком именно виде он шел около дворца адмирала с букетом цветов в одной руке и большой коробкой конфет — в другой, когда адмирал Дубасов возвращался в коляске домой из Кремля с праздничного парада. Когда ко-

ляска поравнялась с морским офицером, он бросил под коляску свою коробку конфет, которая была оболочкой динамитной бомбы большой силы. Бомба оглушительно разорвалась, сидевший в коляске рядом с адмиралом Дубасовым его адъютант был убит на месте, сам Дубасов был выкинут из коляски на мостовую, но остался жив и ему только слегка повредило ноги, что же касается Бориса Вноровского, то взрыв снаряда снес ему верхнюю половину черепа и убил его наповал.

Покушение на Дурново не могло состояться, т. к. оба отряда, следившие за министром, заметили, что они сами попали под наблюдение полицейских сыщиков и все должны были скрыться, не доведя дела до конца.

Позднее многие из этих неудач объяснились. Оказывается, среди нас жила черная измена и один из членов Боевой организации состоял на жалованье у правительства, предупреждая его почти о всех подготовлявшихся покушениях. Этим изменником был знаменитый Азеф, история измены которого в свое время облетела весь мир. Но он был изобличен нами только в 1909 г., а в 1906 г. мы его еще считали одним из наших верных товарищей.

Была уже вторая половина апреля, а 28 апреля должна была впервые открыться Государственная дума. С открытием ее партия социалистов-революционеров считала целесообразным приостановить террор и потому деятельность Боевой организации временно была прекращена.

8. ЛЕТО 1906 г.

Делать нам было нечего и, кроме того, чувствовалась огромная потребность отдохнуть от работы, которая требовала так много физических сил и нервов. Поэтому я и мой друг Абрам Гоц решили на короткое время съездить в Женеву к его больному брату Михаилу Гоцу. И мы поехали через Финляндию и Стокгольм. Здесь, в Стокгольме, с нами произошло приключение, которое могло иметь и неприятные последствия. Мы ехали, конечно, с чужими паспортами, и когда на пароходе между Або и Стокгольмом нас попросили расписаться, то мы ради шутки дали фамилию того колониального магазина в Гейдельберге, в котором мы всегда покупали закуски, когда были студентами. Шутка оказалась неудачной, так как под этой фамилией нас включили на пароходе в лист пассажиров, а на берегу в Стокгольме у всех начали проверять документы. Так как у нас паспорта были, естественно, на другое имя, то мы были взяты под подозрение, арестованы и отведены в полицию. Дело могло кончиться плохо — нас могли под стражей, как подозрительных лиц, доставить обратно в Россию и передать в руки русской полиции. Но мы объяснили наши двойные имена шуткой, и нас освободили, посоветовав в будущем больше таких шуток не делать.

Из Стокгольма мы благополучно через Берлин приехали в Женеву. Здесь мы пробыли недолго, в мае мы оба уже опять были в Петербурге. Я решил поехать на юг и отдаться работе среди крестьян — с этой целью в качестве представителя Центрального комитета нашей партии я отправился на Украину, где в то время были очень сильны наши крестьянские организации. Я работал здесь в течение лета, объехав всю Украину, побывав в пяти губерниях —

Харьковской, Киевской, Полтавской, Черниговской и Подольской.

В июле первая Государственная дума была правительством распущена — мы ожидали больших волнений в народе, партия созывала свои главные силы в Петербург. Я немедленно выехал туда и принял участие в ряде разных политических заседаний. Время тогда было такое, что даже умеренные буржуазные партии становились на путь революционной борьбы — распущенная Государственная дума в своем полном составе выпустила воззвание, в котором призывала народ не платить правительству налогов и не давать ему солдат. Это было так называемое «Выборгское воззвание», за которое потом правительство привлекло всех участников к суду, приговорило их к тюремному заключению и к лишению избирательных прав.

Время было горячее — в Петербурге велась усиленная работа среди рабочих и солдат по подготовке восстания против правительства. Я был занят организацией петербургских рабочих и снимал в центре города маленькую комнату под чужим именем. Но, оказывается, тучи уже собирались в это время вокруг моей головы.

9. СНОВА АРЕСТ

Однажды днем (это было 4 сентября 1906 г.), когда я шел по улице, сзади неожиданно несколько человек схватили меня под руки и увлекли на стоявшего рядом извозчика. Крепко держа за руки и не давая мне возможности шевелиться, меня провезли через несколько улиц и доставили в полицейский участок. Немедленно явился жандармский офицер, который сделал мне личный обыск, не только старательно вы-

вернув мои карманы, но и тщательно ощупав каждую складку, каждый шов моего платья и простукав мои подошвы и каблуки на моих башмаках. Что они там искали, бог их знает. Из полиции под строгой охраной меня отправили в одиночную тюрьму «Кресты».

Вторично я оказался в заключении.

Что они знают о моей революционной работе, в чем меня будут обвинять и что со мной сделают? — вот вопросы, которые стояли передо мною.

Приблизительно через месяц меня вызвал к себе на допрос знаменитый тогда жандармский генерал Иванов.

— Вы обвиняетесь,— грозно сказал генерал,— в принадлежности к Боевой организации партии социалистов-революционеров и в подготовлении нескольких террористических покушений. Признаете ли вы себя в этом виновным?

— Я не только отказываюсь отвечать вам на этот вопрос,— но и вообще отказываюсь разговаривать с вами. Такова будет моя тактика с вами за все время моего заключения — я не признаю вашего права задавать мне вопросы. Делайте со мной что хотите, но отвечать на ваши вопросы я не буду.

Такова вообще была тогда тактика революционеров на жандармских допросах, и генерал Иванов нисколько не удивился моему ответу. Меня беспокоили затем всего только один раз, а именно показали швейцару той гостиницы, в которой я жил в Петербурге за время своей работы в Боевой организации. Я узнал его сразу.

— Узнаете ли вы,— спросил генерал Иванов швейцара,— этого человека,— он жил у вас в гостинице в феврале и марте этого года?

И, к своему удивлению, я услышал отрицательный ответ. Быть может, действительно, он не узнал

меня — в гостинице я жил бритым, а теперь оброс в тюрьме бородой и усами, быть может, он не хотел губить меня.

Генерал Иванов остался очень недоволен этой очной ставкой; как позднее оказалось, следствие не могло добыть против меня никакого судебного материала. По существовавшим тогда в России законам, каторжные работы можно было дать только по суду, а в административном порядке можно было лишь сослать в Сибирь на срок не свыше 5 лет.

По тому же делу Боевой организации привлекли тогда несколько человек — среди них Абрама Гоца и Александра Яковлева. Как я уже говорил, Яковлева, арестованного с оружием в руках на квартире полковника Римана, приговорили к каторжным работам на 8 лет, также и Абрама Гоца. С ним на суде вышел такой анекдот. Он упорно отрицал, будто с целями подготовки террористического акта ездил по Петербургу извозчиком, но на суд в качестве свидетельницы была вызвана кухарка постоялого двора, в котором он жил, — та самая, у которой он разбудил в душе нежные чувства. Увидав его на суде, она всплеснула руками и назвала его по тому имени, под которым он жил, разыгрывая из себя извозчика,— виновность Гоца была таким образом доказана.

10. ПЕРВАЯ СИБИРСКАЯ ССЫЛКА

В петербургской тюрьме мне пришлось пробыть с сентября 1906 г. по апрель 1907 г. В апреле мне объявили, что я высылаюсь этапным порядком в Восточную Сибирь сроком на 5 лет. Меня включили в большую партию арестантов — уголовных и политических, которых отправляли в Сибирь, и посадили в особый арестантский вагон с железными решетками

и вооруженным конвоем; в нашей партии было много каторжан.

Через две недели утомительного пути по железной дороге нас доставили в Александровскую тюрьму около главного сибирского города Иркутска.

В Александровской тюрьме нам пришлось ждать дальнейшей отправки около месяца — здесь нас собралась партия политических со всех концов России и Сибири человек в 80. Все мы были назначены в Якутскую область — самое страшное, самое безлюдное, самое далекое и самое холодное место Сибири. Мы не захотели сидеть в тюрьме сложа руки и решили бежать. Нам удалось достать столовый нож, который мы превратили в пилу, при помощи его мы вырезали несколько досок в полу и в потолке. Тюрьма стояла в лесу и была окружена забором. Наш план заключался в том, чтобы прокопать в земле ход, провести его под забор и вывести там, где уже нет стражи; вырытую землю в наволочках от подушек, которые мы превратили в мешки, мы ссыпали на чердак.

Наша работа подвигалась успешно, через три недели наш подкоп дошел уже до забора, но благодаря несчастной случайности он был обнаружен тюремной администрацией. Все семь человек, из комнат которых шел этот подкоп, были переписаны, и им было заявлено, что судить их за попытку к побегу будут в Якутске. В числе этих семи оказался и я.

Наконец, пришло время нашей отправки на север. Отчасти на лошадях, отчасти пешком нас доставили до огромной северной реки Лены, впадающей в Ледовитый океан и берущей здесь свои истоки,— приблизительно в 300 милях от Иркутска. Здесь нас посадили на деревянные баржи и отправили под строгим конвоем вниз по течению. Это было самой интересной и самой приятной частью нашего

путешествия. После той ужасной грязи и тесноты, которые по дороге были всюду в вагонах и в тюрьмах, через которые мы проходили, плыть по реке было приятно и спокойно, потому что почти все время можно было оставаться на палубе под открытым небом. Был конец мая — весна была в полном разгаре, и наша баржа была всегда украшена цветущими ветками черемухи, которую мы ломали на берегу. Река чем дальше, тем становилась шире и привольно несла свои холодные воды среди скал и огромных лесов из пихты, лиственниц и кедров. Берега были пустынны, и все говорило о диком приволье. Мы долгими часами молча любовались окрестностями — после холодных стен тюремной одиночки, после душных грязных арестантских вагонов и после пыльных дорог это плаванье по Лене казалось нам восхитительным.

Оно продолжалось около месяца, в течение которого мы сделали по реке около 3000 миль. В июле мы, наконец, прибыли на место назначения — в город Якутск.

По существовавшему тогда обыкновению, все мы с баржи немедленно были отпущены в город — на «вольные квартиры», как это называлось, — с тем, чтобы на другой день явиться в полицию и узнать об окончательной судьбе каждого. Каждый для своего жительства должен был получить особое назначение: кого должны были оставить в самом городе, кого отправить в ближние деревни. Далеко от города тогда никого не поселяли, так как якутское начальство было убеждено, что никто из таких далеких мест бежать не будет.

Нам, семерым, заподозренным в устройстве подкопа в Александровской тюрьме, заявили, что мы на следующий день должны явиться к следователю

для дачи показаний, после чего над нами будет наряжен суд.

Эта перспектива нам вовсе не улыбалась, и я предложил товарищам попробовать немедленно же бежать из ссылки.

Если читатель взглянет на карту, то он увидит, что Якутск находится далеко к северу от железной дороги (около 6000 верст) и что единственным средством сообщения с югом является река Лена. На север можно попасть только к Ледовитому океану, на восток и север бежать некуда, т. к. там нет жилых мест и сам Якутск окружен непроходимым лесом и болотами. Но идти опять к следователю, на суд и, быть может, опять в тюрьму — мы не хотели ни при каких обстоятельствах. Поэтому мое предложение было принято.

11. БЕГСТВО ИЗ СИБИРИ

В самом городе Якутске жило уже немало политических ссыльных, и среди них много членов нашей партии. Они с радостью взялись помочь нам.

Наш план заключался в следующем: мы должны немедленно скрыться из города и некоторое время выждать в окрестностях его, пока прекратятся поиски. И уже затем, когда администрация Якутска убедится, что мы скрылись из города, мы вернемся в него и на пароходах выедем по Лене к железной дороге и вернемся в Россию. План этот облегчался тем, что на пароходах служило много ссыльных и само пароходное начальство сочувствовало ссыльным и охотно помогало им бежать из ссылки.

Так мы и сделали. Товарищи достали нам летнюю палатку, снабдили нас хлебом и провизией, и мы на другой же день утром вышли из города и верстах в

десяти от него в густом лесу раскинули свой лагерь, в котором все семеро и поселились. Здесь преблагополучно мы прожили десять дней, и за это время нас несколько раз посетили товарищи из города. Они сообщили нам о той тревоге, которая поднялась у якутской администрации, а также о тех поисках, которые она предприняла. Особенно негодовал якутский губернатор Крафт, при котором впервые совершался такой побег; он был убежден, что кого-нибудь из семи человек он обязательно отыщет, и с этой целью разослал в разные концы целые отряды полицейских. Особенно он негодовал на меня, так как не без основания считал меня руководителем всего побега.

Через десять дней нам дали знать, что мы можем вернуться в город и что на отходящем вверх по реке пароходе все готово, чтобы нас принять. Ночью мы вышли из лагеря и поместились на одной из квартир в городе.

Пароход отходил днем. Благодаря нашему побегу у отъезжающих особенно строго проверяли паспорта и внимательно наблюдали за посадкой на пароход. Как быть? Как на глазах у полиции пройти через пристань и сесть на пароход? Надо было перехитрить наших ищеек, и мы перехитрили. Найдены были три большие корзины, в них мы поместили трех из беглецов, навесив на корзины замки и перевязав их как следует веревками. Троих мы переодели в рабочее платье, намазали им руки и лицо грязью и углем, чтобы они еще больше походили на чернорабочих, и заставили их вместе с матросами грузить на пароход бочки с соленой рыбой. Корзины с живым грузом были благополучно погружены в трюм парохода, наши «грузчики», не возбуждая внимания присутствовавшей при погрузке полиции, спокойно перешли на пароход. Я оставался последним, потому

что таково было условие, которое я поставил товарищам, — я хотел убедиться, что посадка всех на пароход прошла удачно. Только теперь я должен был в четвертой корзине попасть на пароход, но здесь возникло неожиданное препятствие: больше не могли найти корзины, которая подошла бы под мой рост, и я напрасно свертывался в клубок, чтобы забраться в те корзины, которые находились еще в нашем распоряжении. А между тем через полчаса пароход уже отходил и больше не мог дожидаться. Переодеться же рабочим мне было также трудно, так как я своим внешним видом не подходил и, кроме того, благодаря сильной близорукости не мог расстаться с очками.

Все шестеро уехали без меня и, как я затем узнал, выехали из Сибири благополучно.

Что делать? Решение созрело быстро — я еду на Охотск к Охотскому морю, а оттуда в Америку или Японию. Мой неожиданный план увлек одного ссыльного, который прожил в Якутске уже один год и теперь рад был вместе со мной вернуться в Россию.

12. ЧЕРЕЗ ТАЙГУ В ОХОТСК

Надо было подготовиться к этому путешествию, что было далеко не простым делом. На Охотск приходилось пробираться пустынными местами через леса, реки и болота. Дороги здесь не было, не было даже и жилья, только иногда можно было встретить кочующих с оленями тунгусов, которые жили охотой на дикого зверя. Расстояние от Якутска до Охотска было около 1500 верст. Другими словами — это была целая экспедиция. Но и здесь нам помогли товарищи.

При помощи их я закупил все необходимое для экспедиции — вьюки для лошадей, так как добрать-

ся до Охотска можно было только верхами на лошадях, сухари, консервы, ружья, порох, чайники и проч. Но, кроме того, необходимо было придумать какую-нибудь официальную цель и иметь необходимые бумаги, которые, в случае надобности, можно было бы предъявить. И все это было сделано. Я ехал под видом золотопромышленника, который отправлялся в Приморскую область для изысканий и поисков месторождений золота. Мне не только был сделан паспорт, но заготовлено даже верительное письмо от несуществующей золотопромышленной компании в Москве, которая якобы поручала мне произвести эти поиски. Мало того — меня снабдили кое-какими сведениями по золотопромышленному делу, и мне очень кстати пришлись те познания, которые я почерпнул из большой книги Неймайра о геологии, прочитанной мною в петербургской тюрьме накануне моей отправки в сибирскую ссылку: как будто я знал, что эти познания по геологии мне пригодятся.

Мы отправлялись в эту рискованную экспедицию вдвоем — я и мой товарищ, который согласился меня сопровождать. При этом я ехал как начальник экспедиции, снабдив себя сам званием горного инженера, мой товарищ был моим помощником в чине горного штейгера. Проводников мы должны были найти в дороге.

Экспедиция наша облегчалась тем, что капитан одного парохода, сочувствовавший революционерам, согласился взять нас на пароход, который шел вниз по Лене и затем заходил в реку Алдан до селения Алданского, чем наш путь сокращался верст на 500.

Все сборы, с которыми надо было торопиться, так как лето было уже на исходе, наконец, закончились, и в первой половине августа мы выехали из Якутска. Через 10 дней благополучного путешествия мы добрались до селения Алданского, где и распростились

с гостеприимным капитаном. Отсюда начиналась наша экспедиция. Здесь мы нашли проводника — старика-якута, который хорошо знал свою тайгу и взялся за известную плату провести нас в Охотск.

Перед нами лежало неизвестное. Мы отдавали себе отчет в рискованности нашего предприятия, но это-то нам и нравилось — и мы отправились в путь бодро и с легким сердцем.

Наш караван двигался таким порядком: впереди ехал верхом на лошади проводник и вел на поводу двух лошадей с вьюками, за ним ехал мой товарищ с одной лошадью на поводу тоже с грузом, и я сзади замыкал шествие.

Экспедиция оказалась более трудной и более опасной, чем мы предполагали. Наше путешествие продолжалось около месяца — с половины августа до половины сентября. Большую часть времени шел дождь, по ночам же становилось уже так холодно, что вода в наших котелках замерзала Днем нас нещадно кусали комары и мошки. За весь путь мы только один раз встретили кочевье тунгусов и всегда ночевали под открытым небом у костра, прижавшись для тепла крепко друг к другу и укрывшись оленьими шкурами и резиновыми плащами. Дороги не было совершенно, очень редко встречалась какая-нибудь тропинка, и мы пересекли много рек, из которых некоторые сильно раздулись от дождей. Нам приходилось перебираться через них вплавь на лошадях, что было очень опасно, так как течение в этих реках очень стремительное. Один раз мы, действительно, чуть не погибли, так как волнами нас забило под камни. Дорога была отвратительна — часто она проходила через лес, который был сломан бурями, еще чаще через бесконечные болота, в которых нога лошади вязла до самого брюха; несколько раз мы

вместе с лошадьми падали. Посредине пути мы перевалили через высокий горный хребет Джугджур.

Но зато у нас был великолепный стол. Лес кишел глухарями и рябчиками, на полянах встречались куропатки, на болотах — масса уток. Особенно хороши были молодые глухари и рябчики. Поставка дичи на стол была моей обязанностью, и стол наш был всегда изобильным. Дичи было так много, что мне для охоты почти не приходилось уходить в сторону от дороги — я стрелял что попадалось на дороге — можно сказать, мимоходом, иногда даже не слезая с седла. Один раз в пути мы встретили дикого оленя с теленком, и нашу дорогу очень часто пересекали свежие следы медведя. Но медведей — этих «хозяев леса», как их называют здесь якуты, — мы ни разу не встретили: наш проводник, как и все якуты, суеверно боялся их и подвязывал нашим лошадям большие колокольца под шею, чтобы пугать зверя.

Наша экспедиция была тяжелой, очень тяжелой, но позднее я всегда вспоминал о ней с удовольствием, как одно из самых больших и интересных переживаний, которое я испытал в жизни. Целый месяц прожить на лоне природы, в ежедневной борьбе с нею, каждый день встречать неожиданные приключения и препятствия, побеждать их, смотреть на каждый прожитый день с удовлетворением и с надеждой на будущий, — во всем этом было много неизъяснимой прелести, понятной только тому, кто глубоко любит природу.

Когда мы перевалили Джугджур, характер местности изменился — почва стала более каменистой и появилась сосна. Реки теперь текли уже в другом направлении — к морю. Наконец, с одной вершины мы увидали вдали морскую гладь.

Не могу сказать, как взволновал меня вид моря. Свободное море — ведь это возможность выбрать-

ся из этих диких и пустынных мест, возможность вернуться к культурной обстановке, к товарищам, друзьям и любимому делу. И как будто даже лошади подбодрились при виде свободной стихии — с удвоенной энергией помчались мы дальше.

Но море было еще далеко — не меньше пяти дней пришлось нам затратить, чтоб добраться до него.

Только в середине сентября, когда здесь уже наступает холодное время года, добрались мы до Охотска.

13. В ОХОТСКЕ

Наш приезд произвел в Охотске большое волнение. В это маленькое приморское селение обычно никто не приезжает летом — дорога в Якутск здесь устанавливается только зимой и тогда между Якутском и Охотском купцы ездят на собаках. Самый Охотск тогда — в 1907 г. — представлял из себя жалкий поселок людей, живших рыбным промыслом. Жителей в нем было, вероятно, не более двух сотен,— уже наверное меньше, чем собак, на которых там ездят зимой и которые каждый вечер начинают свои ужасные концерты. Не думаю, чтобы и теперь жизнь изменилась там к лучшему.

Тоска и одиночество в этом селении были ужасающие. Охотск летом совершенно отрезан с запада, и только раза 2—3 в лето туда заходили пароходы, курсировавшие между Камчаткой и Владивостоком. Телеграфа с Якутском тогда (в 1907 г.) еще не существовало, и мы в своих планах очень считались с этим обстоятельством, которое нам было очень благоприятно. Вполне понятно поэтому, сколько шуму и разговоров вызвали мы своим неожиданным появлением. Нас несколько раз останавливали на улице

местные жители и с любопытством расспрашивали, кто мы такие, зачем и откуда приехали...

В таких обстоятельствах нам приходилось быть очень осторожными и хорошо играть свою роль золотопромышленников, чтобы ничем не вызвать среди любопытствующих подозрений.

Начальством в городе Охотске был местный исправник, который одновременно играл роль высшей административной власти, судьи, почтмейстера и, кажется, даже доктора. Это был некто Попов, о котором я успел узнать, что когда-то давно он был студентом Московского университета, за какую-то некрасивую историю был товарищеским судом изгнан из университета и предпочел ученой карьере карьеру полицейского, для чего и забрался из Москвы на край света. Узнал я также, что он очень кичился тем, что был когда-то в университете, и любил этим пустить пыль в глаза охотским жителям. В Охотске он был всемогущим, и жизнь всех местных граждан вполне зависела от него.

Я решил, что надо идти к цели прямо и потому начал с него.

Проспав после нашей месячной утомительной экспедиции часов 15 и сходив в баню, на другой день я отправился прямо к исправнику и отрекомендовался ему как горный инженер, приехавший в эти края для производства изысканий месторождений золота. Я считал своим долгом явиться прежде всего к представителю власти и познакомиться с ним — тем более что я знал, что встречу в нем вполне интеллигентного человека.

Мои слова, видимо, произвели на исправника наилучшее впечатление.

Далее я разъяснил ему, что был будто бы введен в заблуждение в Якутске неверными сведениями, которые мне там дали, слишком долго задержался в

дороге и теперь уже, конечно, не могу рассчитывать в сентябре, когда приближается зима, начать свои изыскания. По-видимому, мне придется проехать теперь во Владивосток с первой представившейся возможностью — может быть, даже через Японию, чтобы на следующий год вернуться в Охотск в начале весны и тогда уже начать настоящие работы. Этими словами я хотел подготовить исправника к своему скорому отъезду из Охотска.

Исправник принял меня как нельзя более хорошо. Он, видимо, вполне поверил мне и обрадовался свежему и интеллигентному человеку, с которым можно было не только играть в карты и пить водку,— обычное занятие жителей города Охотска, но и разговаривать на разные темы.

Он пригласил меня заходить к нему в гости, и я, действительно, должен был несколько раз посетить его, причем он угощал меня чаем с вареньем.

Во время этих посещений, когда мы разговаривали с исправником на разные темы, я иногда оказывался в комическом положении, а иногда в трагическом.

— Я очень рад,— сказал он мне однажды,— что встретился со специалистом. За время своего пребывания здесь я собрал довольно большую минералогическую коллекцию и был бы вам очень благодарен, если бы вы мне эти минералы определили. Кстати, у меня есть и золотые самородки — не потрудитесь ли вы определить, какую ценность они из себя представляют?..

— Вперед, не надо робеть!— и я с важным видом стал рыться в его ящиках с минералами... Вот когда мне пригодился недавно прочитанный мною учебник Неймайра о геологии... И я смело наделял все эти камешки такими минералогическими названиями, какие только приходили мне на память. Все сошло

очень хорошо. Но наступила очередь золотых самородков. Я подошел к свету, брал каждый камешек на руку и с важным видом взвешивал их в руке, несколько раз пробовал их на зуб. Не знаю, так ли определяют ценность самородков настоящие горные инженеры, но если бы мои приемы показались кому-нибудь странными, у меня было готово объяснение: я сказал бы, что кончил горную академию в Германии, в Фрейбурге — а бог их знает, немцев, какие там у них могут существовать странные приемы...

Но в другой раз я попал в более трудное положение. Когда я вторично пришел к исправнику, он вскользь спросил меня, имеются ли у меня документы на право поисков — при этом он извинился за вопрос и заявил, что это пустая формальность. С небрежным видом я достал из кармана свою фальшивую доверенность и протянул ему. Он погрузился в ее изучение.

— У какого нотариуса в Москве вы ее свидетельствовали?

— У нотариуса Лебедева на Ильинке,— ответил я ему.

— У Лебедева? На Ильинке?.. Вы ошибаетесь, такого нотариуса на Ильинке нет, я хорошо знаю Ильинку.

Сердце у меня упало, все наши планы могли сейчас рухнуть... сейчас будет установлено, что документы наши фальшивые, нас арестуют, препроводят обратно в Якутск, прощай свобода... Но я сохранил присутствие духа.

— Позвольте, г. исправник, а вы когда были в последний раз в Москве?— спросил я его насмешливым тоном.

Теперь пришла очередь смутиться исправнику.

— Да, конечно, это было восемь лет тому назад.

— Что же вы, шутите? За восемь лет сколько могло произойти в Москве изменений...

Теперь торжествовал я.

Другой раз был такой случай. Меня пригласили к местному купцу на торжественный обед. Было приглашено человек 10 гостей, и среди них один старый казак, бывалый и опытный золотопромышленник. Я уже слышал о нем, и именно потому, что он был опытным золотопромышленником, старался избегать его по причинам вполне понятным. И вдруг во время обеда он спросил меня, почем в этом году было золото? К этому простому вопросу я совсем не был подготовлен и совершенно не знал что ответить. Я не только не знал цен золота, но не знал даже, как она определяется. Бог его знает, это золото, определяется его цена по пудам, по золотникам или фунтам... Мне это было совершенно все равно, и я был глубоко равнодушен к цене этого проклятого золота, но сейчас чувствовал лишь одно, что из-за этого глупого вопроса могу тут же при всех провалиться — и холодный пот покрыл меня... Но я сделал вид, что припоминаю...

— Цена золота... цена золота... в этом году она несколько упала... Вы ведь помните,— обратился я к казаку,— в прошлом году она стояла в... — и я вопросительно посмотрел на него.

— Да, как же, как же,— сейчас же подхватил он, тогда она стояла в 78 рублей.

— Вот, вот,— подтвердил я,— а в этом году она не превышала 76 р. 55 коп. и падала даже до 74 рублей...

Слава богу,— вздохнул я про себя с облегчением,— проехало благополучно... Но я до сих пор не знаю, какое количество этого проклятого золота в 1907 г. ценили в 74 рубля...

Наше пребывание в Охотске затягивалось. Прошло уже десять дней — желанного парохода все не было, правильного расписания пароходных рейсов там не существовало. Но нам надо было торопиться. Кто знает, вдруг якутский губернатор догадается и пошлет в Охотск казака с запросом к исправнику, не приезжали ли в Охотск какие-либо подозрительные люди? Весь наш расчет на том и был построен, чтобы никому даже в голову не могло прийти, что мы беглые политические ссыльные... И мы придумали другой план.

В Охотск в течение ряда лет из Японии приезжали шхуны, которые закупали на побережье рыбу кету (Salmon), засаливали ее и отвозили осенью в Японию. Стояло и на этот раз несколько таких японских рыбачьих шхун около Охотска и готовились теперь к отплытию. Не попробовать ли нам счастья с ними?

Сказано — сделано. И я отправился к исправнику, якобы за советом. Он горячо стал отговаривать меня от этого.

— Что вы, что вы? Разве можно довериться этим шхунам? Они так ненадежны. Каждую осень с ними случаются несчастья, одна или две шхуны обязательно гибнут при возвращении с побережья — ведь теперь здесь как раз период тайфунов...

Но я проявил большое легкомыслие.

— Кому суждено быть повешенным, г. исправник, тот не потонет, как говорит пословица. А я люблю сильные впечатления и предпочту подвергнуться на японских шхунах риску, чем сидеть неподвижно в вашем Охотске, киснуть и ждать у моря погоды.

И я настоял на своем. При этом я не только поехал с японцами, но даже настоял, чтобы исправник мне и моему товарищу выдал официальные удостоверения, что «со стороны охотских властей препят-

ствий к отъезду нашему в Японию не имеется». Он уверял, что такого документа нам вовсе и не потребуется в Японии, но я настоял на этом. Признаться, у меня было просто мальчишеское желание подсмеяться над русской полицией.

С одним из капитанов японской шхуны мы легко сговорились, и он охотно взял меня и моего товарища пассажирами на свое судно. Его шхуна шла из Охотска на северный остров Японии Хоккайдо, в город Отару.

14. В МОРЕ

Это было в 20-х числах сентября. При яркой солнечной погоде и при попутном ветре наша шхуна снялась с якоря и тихо сошла с рейда. Нас провожали знакомые, которыми мы успели обзавестись за это время в Охотске, провожал даже сам г. исправник, который стоял на берегу и снимал момент нашего отплытия фотографическим аппаратом (мы с товарищем старались оказаться в эту минуту за мачтой, чтобы не попасть на полицейскую пластинку). Скоро жалкий Охотск оказался вдали, берег все дальше и дальше отходил от нас, море развертывалось впереди все шире.

Чувство горячей радости заполнило грудь. Как будто по какому-то молчаливому уговору мы взялись с товарищем за руки и прокричали «ура» морю и свободе — для нас сейчас это были синонимы. И вместе с тем мы не могли удержаться от того, чтобы не раскланяться насмешливо с одураченным нами исправником. Впереди, быть может, нас ожидают новые испытания, но лучше иметь дело с какой угодно стихией, чем с русской полицией, — так думали мы тогда.

Наша шхуна была небольшим парусным судном в 60 тонн, от носа до кормы было всего лишь 50 шагов, как я это сейчас же установил. Весь экипаж состоял из 20 японцев, так что все население шхуны вместе с нами состояло из 22 душ. Шхуна была гружена соленой рыбой.

Прекрасная, вероятно, вещь парусная шхуна, когда некуда торопиться. С того момента, как мы выехали из Якутска, прошло немногим более полутора месяцев, но мы за это время испытали так много приключений, что нам казалось, будто прошла вечность. Отсутствие каких бы то ни было вестей на нас также действовало удручающе. Что делается сейчас в России?— мы были уверены, что за это время без нас в России уже наверное произошла новая революция.

Первые несколько дней мы шли хорошо — дул попутный ветер, и мы, лежа целые дни на пригретой солнцем палубе, наслаждались и мечтали о том, что скоро попадем в цивилизованные края, где ходят пароходы, а на этих пароходах можно попасть в любой конец света... Но потом наступило затишье. Затишье на море для парусного судна — ужасная вещь. Все паруса распущены, но висят, как тряпки, шхуна беспомощно и как-то бессмысленно качается на одном месте, поворачиваясь поочередно носом во все стороны. Матросы лениво играют в карты, и только капитан стоит на корме, по старой суеверной привычке моряков, высвистывает ветер и озабоченно вглядывается в горизонт. Наше терпение особенно долго испытывалось на широте Сахалина, когда на западном горизонте едва-едва виднелись его скалистые очертания — дня три прокачались мы тогда на одном месте. Потом задули сильные ветры, но они, на наше несчастье, были встречными и значитель-

но отклонили нас к востоку. Потом началась полоса тайфунов.

Много страшного видел я в жизни, но страшнее тайфунов ничего не испытал. Как будто какая-то страшная невидимая сила взяла наше несчастное суденышко в руки и делала с ним что хотела. На шхуне у нас было поставлено только два кливера, и тем не менее шхуна наша летела стрелой. По сторонам вздымались огромные черные волны, которые временами перекатывались через палубу, а сбоку видны были только две белоснежные полосы пены разрезаемой шхуной воды. Напрягая все свои силы и призвав на помощь все мужество, я выбрался все-таки из трюма и добрался до кормы, где вцепился в протянутые веревки. Моментально волны окатили меня с ног до головы. Но зрелище, которое я увидал с кормы, я не забуду никогда в жизни — это было самое величественное, самое страшное и самое прекрасное из всего, что я видел когда-либо.

Три раза трепал нас тайфун. Несколько раз я видел, как наш капитан на коленях молился в своей каюте японским богам, низко кланялся, звонил в бубенцы и хлопал в ладоши. Позднее он нам признавался, что было очень опасно.

Последний тайфун застал нас уже в Лаперузовом проливе — между островом Сахалином и северным островом Японии. Мы мчались в черном проливе, как сумасшедшие, и мне было страшно, что можем разбиться о берега. Только смех и громкое вскрикиванье матросов, когда их окатывало волной, успокаивало меня. Я заснул в эту последнюю бурю и проснулся утром в другом мире.

Меня разбудили тишина и солнце. В борта тихо и ласково плескалась волна, и яркий луч солнца перерезывал каюту. Я отодвинул дощечку, закрывавшую снаружи мое окно, и вскрикнул от восхищения: пря-

мо передо мной из-за бледно-голубого берега поднималось солнце. Это были уже японские берега, и Япония для меня оказалась, действительно, страной восходящего солнца.

В одной рубахе, как спал, я выскочил на палубу и обомлел перед развернувшейся передо мной картиной.

Мы плыли среди ласкового голубого Японского моря, слева поднималось солнце из-за призрачных очертаний северного японского острова, а справа, как чудо, прямо из воды поднимался остроконечный остров Рисири, или, как его зовут японцы, Фудзи-Яма Хоккайдо. Солнце ярко освещало выпавший на горе за время тайфуна снег, и все предметы на ясном голубом небе виднелись в каком-то радужном ореоле — явление, которого я никогда и нигде больше не видал. Вдоль берегов виднелись многочисленные японские джонки, на море качались парусные шхуны. Эта волшебная картина была для нас как бы наградой за все пережитые перед этим суровые испытания.

15. ИЗГНАННИКОМ ВО ФРАНЦИИ

Через день мы приехали в г. Отару, конечный пункт путешествия нашей шхуны. Оттуда через сутки железнодорожного пути мы добрались до Токио.

Куда ехать теперь? У моего товарища решение было простое: он взял билет до Владивостока, сел на пароход и благополучно туда приехал; оттуда по Сибирской железной дороге он спокойно проехал в Россию. У меня положение было труднее. Когда меня высылали из Петербурга, то при отъезде отец взял с меня обещание, что в случае удачного побега из ссылки я проеду за границу и некоторое время

спокойно там проживу, чтобы дать отдохнуть моей матери, которая постоянно за меня беспокоилась и волновалась, и теперь к тому же была больна. Связанный этим обещанием, я должен был ехать в Европу.

Целый месяц прожил я в Японии, желая посмотреть эту страну, затем из Нагасаки через Шанхай, Гонконг, Сингапур, Коломбо и Суэц проехал в Марсель. Мне пришлось увидать кусочек Китая, тропические страны, испытать экваториальную жару, посмотреть чудеса Цейлона — края, которые нам в далекой России всегда казались таинственными и чудесными. И сказать ли теперь правду? Я был искренне благодарен русскому правительству, что оно доставило мне случай увидать все это. Судьба распоряжается русским революционером иногда самым прихотливым образом.

Как сейчас помню, в Марсель я приехал 17 декабря, а 19 декабря 1907 г. я уже был в Париже. Здесь я встретил многих своих друзей и товарищей, которые также вынуждены были эмигрировать из России благодаря той реакции, которая в то время уже воцарилась у нас на родине.

Целый год прожил я в Париже, и этот год всех своих революционных испытаний я считаю самым тяжелым. Нет ничего тяжелее изгнания. С ним я не могу даже сравнить сибирской ссылки, которую мне позднее пришлось испытать и которая по своим условиям была исключительно тяжелой. Страстно стремиться на родину, мечтать отдать ей все свои силы и изнывать в бездействии, не будучи в состоянии ничем помочь ей и работать ей на пользу... И все вести из России были так тяжки — реакция черной тучей нависла тогда над нашей страной. Это были тяжелые переживания, тяжелые испытания.

И к этому прибавился еще тяжелый удар, который разразился над нашей партией, — измена Азефа, который был разоблачен как раз в это время. Оказалось, что измена свила себе гнездо в самом сердце партии, так как Азеф в глазах партии имел большие заслуги по своей террористической деятельности, пользовался большим влиянием и стоял выше всяких подозрений. И теперь этот человек оказался предателем, за деньги продававшим правительству головы своих наиболее близких друзей.

Измена Азефа на многих произвела ошеломляющее впечатление, многие разуверились в жизни, в людях, в партии — было даже несколько случаев самоубийства в связи с этим именно событием.

Но не на всех измена Азефа подействовала так, у других, наоборот, она вызвала прилив энергии. Мы видели в этом событии удар по партии, удар по революции — необходимо было усилить революционное движение. Для себя я решил снова ехать в Россию для революционной работы во что бы то ни стало. Мои родные жили тогда в Москве, письмами убедить их в правильности своего решения было трудно — я упросил их приехать ко мне на свидание в Париж.

— Отец, я хочу ехать в Россию на работу, я не могу больше сидеть за границей сложа руки.

— Подумай о матери, ты давал обещание...

— Я знаю и помню. Но скажи мне правду: ты видишь сам, что делается у нас сейчас в России, сам знаешь, что без борьбы и жертв нельзя сейчас работать на пользу родины... Скажи мне, если бы я теперь послушал тебя и остался спокойно жить за границей, когда моих товарищей арестовывают, ссылают и вешают,— ведь ты, наверное, сам стал бы меньше уважать меня?

Отец пристально посмотрел мне в глаза.

— Да, меньше...

Вопрос был решен, через две недели я уже выехал в Россию.

16. СНОВА В РОССИИ

Революционное движение за эти годы переживало глубокий кризис, а положение нашей партии было особенно тяжким. На смену революционному 1905 г. пришли годы реакции. Народные массы устали и отошли в сторону от политической жизни, правительство всеми своими силами обрушилось на революционеров. За эти три года — 1906—1907—1908 — многие тысячи революционеров были казнены по приговору военных судов, отправлены на каторгу, сосланы в Сибирь. Многие сами пали духом и разочаровались в политической деятельности. Революционные организации и партии были разбиты или рассыпались сами. Измена Азефа, как яд, проникла в самый организм партии — многие честные люди были невинно взяты под подозрение, а иные просто перестали доверять друг другу. Работать при таких условиях снова в России, воссоздавать опять революционные организации — было делом чрезвычайно трудным. Но мы не падали духом. Мы были убеждены, что революционное движение 1905 г. не могло оказаться случайностью, что оно в недалеком будущем должно повториться, потому что русская революция имеет под собой глубокие политические и социальные основания. Надо просто мужественно пережить это безвременье — огонь, который раньше горел так ярко, разгорится снова, и наша обязанность заключается лишь в том, чтобы в это переходное время не дать ему потухнуть совершенно. Но теперь работать стало бесконечно труднее. Во-

первых, слишком многое выдал Азеф правительству и потому особенно трудно было работать тем, кто в революции участвовал уже давно и кого Азеф хорошо знал. Во-вторых, прятались по своим углам все сочувствовавшие, которые раньше так много помощи оказывали революционерам,— ведь помогают обычно только тем, кто имеет успех.

За этот период мне пришлось работать в России с января 1909 г. по май 1910 г. Мы заботились только о том, чтобы поддержать то, что сохранилось в партии от прежних лет. А сохранилось немного — кое-что в Петербурге, Москве, Одессе, Баку, на юге и на Урале. Партия была разгромлена, и мы, кучка преданных революции лиц, делали нечеловеческие усилия, чтобы сохранить немногое в ожидании новой революционной волны.

За эти полтора года мне пришлось очень много разъезжать по России и светлых впечатлений я имел мало, но с упорством средневекового фанатика я говорил себе: credo, quia absurdum. Я твердо верил, что революционная Россия воскреснет.

Работать мне в России приходилось особенно трудно, потому что русская полиция через своих парижских шпионов знала о моем отъезде в Россию; мне известно было, что в России за мною была организована специальная погоня, так как Департамент полиции знал, что я состою членом Центрального комитета партии и придавал мне большое значение. Сейчас мне трудно вспомнить, сколько за эти 18 месяцев жизни в России я переменил имен и паспортов, сколько испытал приключений. Помню, что однажды в Вильно на железнодорожном вокзале от усталости я упал в обморок и первым, кто оказал мне помощь, был жандарм; в Баку я серьезно захворал и лежал неделю в городской больнице; в Москве я пришел на квартиру, хозяина которой накануне арестовали

и допрашивали обо мне, — я же пришел через полчаса после того, как от него ушла полиция. У моих родных в Москве несколько раз делали обыск и искали мой адрес...

Но судьба хранила меня долго. Я даже сумел несколько раз видеться в Москве с отцом и матерью, вызвав их по телефону на свидание в ресторан... Но всему бывает конец — судьба, наконец, подкараулила и меня.

Однажды по делам я выехал из Петербурга в Гельсингфорс. Это было в мае 1910 г. Так как туда я приехал по железной дороге, то по окончании своих дел в Гельсингфорсе я решил обратно в Петербург вернуться на пароходе. Еще по дороге я заметил на пароходе одного человека, который показался мне подозрительным, — когда долго живешь в положении дичи, за которой по пятам гоняются охотники, то наблюдательность и впечатлительность обостряются до крайности. Я заметил своего подозрительного субъекта после Выборга и наверное сошел бы с парохода, если бы между Выборгом и Петербургом были остановки. К сожалению, их не было. Приехав в Петербург, я долго проверял, не преследуют ли меня сыщики. Я их не заметил и решил, что мой пароходный сыщик — просто плод излишней подозрительности. И так как у меня была в одной плохонькой гостинице снята комната, взятая мною еще до отъезда из Петербурга в Финляндию, то я решил заехать в нее, чтобы переодеться и уже затем отправиться по делам. В гостинице я тоже ничего подозрительного не заметил. Мне предстояло в этот день свидание, назначенное еще две недели тому назад с товарищем, который приехал для этого с другого конца России. Когда я подъезжал на трамвае к знакомому дому, мне показался подозрительным один извозчик, который ехал сзади. Желая проверить возникшее у меня подозрение, я, вместо того, чтобы

войти в дом, прыгнул на всем ходу в шедший мне навстречу трамвай. Извозчик тоже повернул обратно и помчался за трамваем. Два штатских господина вдруг отделились от тротуара и на ходу вскочили в экипаж извозчика. Все для меня стало ясно: извозчик и два седока его — переодетые полицейские шпионы, которые сейчас стараются догнать трамвай и арестовать меня. Я дождался, когда трамвай завернет за угол, выскочил из трамвая и, не обращая ни на кого внимания, бросился изо всех сил бежать через бульвар — сначала в один переулок, потом в другой, вбежал в ворота, по черной лестнице поднялся на верхний этаж и остановился на площадке. Погони не было. Прошло минут десять. Из дверей вышла маленькая девочка с куклой и остановилась против меня. Я дождался, когда трамвай завернет за угол. Оставаться дальше было опасно. Я медленно вышел из двора и размеренным шагом пошел дальше — сердце колотилось, как сумасшедшее. Кругом было спокойно. Я прошел около часа и на окраине города вышел к Неве. Здесь я сел на один из маленьких пароходиков, которых так много летом бегает по Неве и ее каналам. Несколько раз я переменил пароходики, каждый раз садясь и вылезая последним, чтобы проверить, не следит ли кто-нибудь за мной. Уже смеркалось. На трамвае я отправился в самую оживленную часть Невского и забрался в многолюдный синематограф, в котором просидел до глубокой ночи.

Что делать дальше? Этот вопрос стоял передо мной в виде логической задачи: очевидно, сыщики потеряли мой след — иначе меня немедленно бы арестовали. Могу ли я вернуться в свою гостиницу? Если бы мои опасения относительно подозрительного человека на пароходе между Выборгом и Петербургом были правильны, то меня проследили бы и до моей гостиницы и арестовали бы в ней, т. к. я про-

был в ней не меньше часа. Но этого не случилось и, следовательно, начали за мной следить уже в самом Петербурге после того, как я вышел из своей гостиницы. Значит, гостиницы моей сыщики не знают и я могу спокойно в нее вернуться, а не ночевать на улице. Таково было разрешение моей логической задачи — логика меня и погубила.

Я вернулся в гостиницу и спокойно лег спать.

А в четыре часа утра швейцар уже стучал в мою дверь, говорил, что для меня получена «телеграмма», и просил отворить ему дверь. Я хорошо знал, что значит, когда ночью будят «телеграммой», но сопротивляться не имело смысла — и я отворил дверь; немедленно в мою комнату ворвалось около десяти переодетых в штатское полицейских с направленными на меня револьверами. На руки мне немедленно надели стальные браслеты и под стражей отвезли в охранное отделение. Там меня встретил жандармский полковник, который уже вел в 1905 г. в Москве мое дело, и прямо назвал меня по фамилии. Как и раньше, я отказался разговаривать с жандармами и был немедленно в закрытой карете отвезен в Петропавловскую крепость.

Случаю угодно было сделать так, что через несколько лет я получил полную разгадку моего ареста. Один из полицейских сыщиков, служивших как раз в это время в Петербурге, начал передавать революционерам некоторые секретные сведения. Он был в этом изобличен, и правительство отправило его в сибирскую ссылку. Там он между прочим рассказал политическим ссыльным, с которыми его столкнула судьба, подробности о моем аресте, который произошел у него на глазах.

Оказывается, совершенно случайно один полицейский сыщик, который наблюдал за мной в Финляндии еще в 1906 г., когда я работал в Боевой организа-

ции, встретил меня на улице Гельсингфорса и узнал меня. Вместе со мной он сел на пароход — его-то я там и заметил — и дал обо мне телеграмму в Петербург. Аресту моему придавали большое значение, и на ноги было поставлено все охранное отделение (человек 50—70 сыщиков). Меня встретили на пристани, проследили в гостиницу — но затем все-таки мне, действительно, удалось от них скрыться. И если бы тогда я иначе разрешил свою «логическую задачу», то моя судьба, а быть может, и вся последующая жизнь сложилась бы иначе.

Интересно отметить, что главным участникам моего ареста правительство выдало тогда в виде особой награды 12000 рублей, а двое из них даже получили следующие чины...

17. В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

В истории русской революции Петропавловская крепость в Петербурге занимает совершенно особое место. Для нескольких поколений русских революционеров она была постоянной угрозой, постоянным напоминанием, что карьера русского революционера коротка и нередко обрывается трагически. Еще в 1825 г. в ней были повешены первые русские революционеры — пятеро руководителей знаменитого военного восстания в Петербурге 14 декабря 1825 г. Это была не тюрьма, а могила — и немало революционеров вошло в нее, чтобы никогда из нее больше не выходить. Некоторые погибли там неизвестно когда и неизвестно при каких обстоятельствах. Это была настоящая русская Бастилия. И еще теперь в нее отправляли наиболее серьезных и опасных революционеров.

Она находится посредине города на острове, который омывает Нева. Главная особенность Петропавловской крепости — полнейшее одиночество заключенного и могильная тишина. И то, и другое я испытал с первого момента, как попал сюда.

Прежде всего меня раздели донага и, осмотрев со всех сторон, одели во все казенное. Своего не полагается иметь ничего — даже носового платка. На плечи мне набросили синий арестантский халат и отвели в камеру, в которой мне суждено сидеть неизвестно сколько времени. Комната полутемная, с толстыми каменными стенами, на окне три железные решетки. Подают пищу всегда двое, причем один следит за другим, т. к. никаких разговоров с заключенным не полагается. На вопросы никогда не отвечают, а в случае надобности вызывают заведовавшего арестантскими помещениями крепости полковника Иванишина, которого одного я и видел в крепости за все шесть месяцев, что в ней просидел. Тишина совершенная — такая, что кричать хочется. Извне не доносится никаких звуков и только слышен бой крепостных часов. Обстановка мрачная, на нервных людей могущая произвести ужасающее впечатление. Но мне Петропавловская крепость далась легко. Я просидел в ней ровно полгода, усиленно занимался гимнастикой по системе Мюллера и очень много читал; в крепости несколько поколений революционеров накопили хорошую библиотеку. Так как я по прежней своей системе отказался от всяких объяснений с жандармами, то за все шесть месяцев меня ни разу не допрашивали, и я совершенно не представлял, что со мной могут сделать.

Одиночное заключение при той совершенной изоляции, которой отличалась Петропавловская крепость, вещь очень своеобразная. Вы живете изо дня

в день с убивающим однообразием и как будто внешнего мира для вас не существует.

Молчи, скрывайся и таи и думы, и мечты твои,
Пускай в душевной глубине и всходят, и зайдут они,
Как звезды ясные в ночи,
Внимай их пенью — и молчи...

Это стихотворение Тютчева всего лучше выражает то настроение, которое охватывает заключенного в могильной тишине Петропавловской крепости. Но для того, кто не привык и не умеет жить своей душевной жизнью, — для них эта могильная тишина должна быть убийственной. И недаром стены этой крепости знают так много случаев сумасшествий и самоубийств...

Дни проходили, похожие один на другой, как две капли воды, как вечно один и тот же, неизменно повторяющийся звон крепостных часов...

Я был арестован 20 мая и ровно ничего не знал о своей судьбе до 14 ноября того же 1910 г., когда мне сообщили, что на следующий день, 15 ноября, я в административном порядке высылаюсь в Якутскую область (Восточную Сибирь), сроком на 5 лет...

Первое мое чувство было такое: Господи, опять то же самое, опять то, что я испытал почти уже два раза.

Этот приговор указывал, что жандармы опять не могли найти против меня никакого судебного материала, опять, несмотря на все свое желание и старание, не смогли подвергнуть меня наказанию более суровому, чем административная ссылка.

— Ну и далеко же они меня там упрячут,— думал я, когда полковник Иванишин запирал меня в тюремной карете, отправляя на вокзал железной дороги.

18. ОПЯТЬ В ССЫЛКУ

Третий раз отправляли меня в ссылку, но теперь обстановка была уже другая — это я почувствовал сразу. Прежде меня не выделяли из других и обращались со мной так же, как и со всеми. Теперь было не то. Меня окружили особым вниманием — потому что в бумагах, которые меня сопровождали, была пометка: «склонен к побегу». В железнодорожном вагоне меня сажали рядом с конвоем, не позволяли сходить с места и внимательно следили за всеми моими разговорами. Когда мы останавливались в тюрьме, меня не оставляли в общей камере с товарищами, а сажали в одиночку. Все мои вещи особенно тщательно перерывали и часто у меня одного делали неожиданные обыски.

В Иркутск мы приехали на Рождество, там провели праздники и встретили Новый год. 2 января (1911 г.), т. е. в самое холодное время года, нас пешком отправили в знакомую уже мне по прежнему опыту Александровскую тюрьму в 60 верстах от Иркутска.

Было около 40 градусов мороза по Цельсию. По маршруту мы должны были пройти это расстояние в 2 дня, т. е. в день делать по 30 верст. Вещи наши везли на санях, но сами мы садиться в них не имели права. Идти по такому страшному морозу было очень трудно, но отставать было нельзя, потому что солдаты подталкивали нас сзади прикладами и не позволяли останавливаться. За все 30 верст нам позволили сделать только одну остановку в 5 минут. Мы брели, голодные и измученные, время от времени доставая из карманов мерзлый хлеб, которым запаслись на дорогу. Среди нас было много каторжан (политические и уголовные) с тяжелыми цепями (6—8 фунтов) на ногах...

На ночлег мы остановились в этапном помещении, в котором хотя и знали, что придет партия арестантов, не сделали никаких приготовлений. В комнате было смертельно холодно, не только не было приготовлено горячей пиши, но нельзя было даже достать хлеба. Зато водки можно было купить сколько угодно...

На другой день — такой же утомительный и мучительный путь... опять тридцать верст...

Можно ли удивляться тому, что, придя в Александровскую тюрьму, место нашего назначения, мы все попадали от усталости на пол и несколько часов лежали так, не двигаясь с места, — не только не будучи в состоянии шевелиться, но даже разговаривать... Ни о чем не хотелось говорить, ни о чем не хотелось думать...

Всю зиму пришлось нам в очень тяжелых условиях просидеть в Александровской тюрьме — в Якутскую область отправляли только летом. Только в конце мая собрали партию и снова по знакомой уже мне дороге отправили на лошадях до реки Лены и затем вниз по Лене на баржах и пароходе до Якутска. В июле мы были в Якутске, в том самом Якутске, из которого я так удачно бежал через Охотск в Японию ровно четыре года тому назад... Я навел справки — в Якутске губернатором был все тот же Крафт, который на меня еще тогда точил зубы. Я ждал теперь для себя всяких неприятностей, и они пришли раньше, чем я предполагал.

Тюремный режим в Якутске был теперь суровее прежнего — теперь нечего было и думать, что когонибудь выпустят в город на «вольные квартиры» до назначения в ту или другую деревню.

Мои злоключения в Якутске начались с первого же посещения губернатором тюрьмы. Мы, политические ссыльные, группой стояли в тюремном дво-

ре, когда губернатор подошел к нам и в знак приветствия прикоснулся к козырьку своей фуражки. Мы все вежливо ответили на его привет, приподняв шляпы и снова одев их на головы. Вдруг раздается грубый крик начальника тюрьмы: «Шапки долой!» Некоторые инстинктивно сняли шапки, другие, видя в этом желание унизить и оскорбить нас, остались в шапках. Я вежливо раскланялся с губернатором в ответ на его приветствие, но остался в шляпе, так как и он стоял в картузе.

— Ваша фамилия?— обратился ко мне губернатор.

Я назвал ее. Оказывается, он хорошо помнил меня, потому что едва я назвал себя, лицо его исказилось, как будто через него пропустили электрический ток, и он побагровел.

— Почему вы не снимаете вашей шляпы?

— Потому что вы стоите в фуражке,— спокойно ответил я.

По лицу его пробежала судорога.

— Взять его и посадить в строгий карцер на пять суток,— прокричал он и, стуча палкой, пошел дальше в сопровождении группы чиновников.

Меня взяли за руки и повели в грязный и вонючий карцер без окон, четыре шага в квадрате. За все пять суток меня ни разу не выпустили подышать чистым воздухом и вместо всякой еды мне давали ломоть черного хлеба и кружку холодной воды. Когда меня через пять суток вывели на тюремный двор, я едва держался на ногах: никогда раньше я не думал, что видеть солнечный свет и дышать свежим воздухом — такое большое счастье.

Постигшее меня наказание, оказывается, далеко не было случайным. Дело тут было не только в личном раздражении на меня губернатора Крафта — относительно меня у него были из Петербурга осо-

бые предписания: применять ко мне особо суровые меры, а для этого годился любой повод.

После карцера меня посадили в особую одиночку и подвергли особо строгому наблюдению. Раза три в неделю в моей камере производили обыск, каждый раз разбрасывая мои вещи по полу. Переписка моя просматривалась — каждое письмо по три раза. Все одновременно пришедшие со мной в Якутск товарищи уже получили назначения и свои места жительства, один я оставался в тюрьме и не знал, что со мной будет. Наконец, мне было объявлено, что меня отправят в Русское Устье.

Сначала мне никто не мог объяснить, где это находится. Наконец, когда разыскали это место на картах, то все заинтересованные в моей судьбе развели руками. Русское Устье находится в 3000 верст к северу от Якутска, при впадении реки Индигирки в Северный Ледовитый океан. Отыскать это место можно только при помощи географического определения — 71°1' сев. шир. 149°26' вост. долг. Местечко это севернее всех других населенных местностей не только Якутской области, но и всего мира. Чтобы определить отдаленность этого места от всего мира, читатель должен сам взглянуть на географическую карту — она расскажет ему красноречивее самого подробного описания.

До меня никогда никаких ссыльных в это место не ссылали.

Когда мои родные узнали место моей ссылки, они прислали на имя губернатора из Москвы телеграмму, где умоляли его назначить мне не столь отдаленную местность. Губернатор в тот же день ответил, что согласен это сделать при одном условии, — если я сам обращусь к нему с такой просьбой. Но просить о чем-нибудь своих врагов я не привык, и Русское Устье осталось местом моего назначения.

Но теперь у меня было новое осложнение — мне, оказывается, надо было ждать зимнего пути, потому что на Крайнем Севере нет дороги летом, когда вскрываются реки и оттаивают бесконечные и бесчисленные болота. География была определенно против меня: в Александровской тюрьме я должен был ждать летнего пути с января по май, потому что по Лене не было зимнего движения; наоборот, в Якутской тюрьме я ждал с июля по ноябрь зимнего пути, потому что на Крайний Север нельзя проехать летом.

19. ДОРОГА НА ДАЛЕКИЙ СЕВЕР

Я выехал из Якутска на север 2 декабря 1911 г. Начиналось самое холодное время года. Как известно, Якутская область, особенно одна часть ее — Верхоянский округ — считается самым холодным местом на земном шаре; в метеорологическом отношении Верхоянск и его окрестности называются «полюсом стужи». Самый большой мороз, который мне пришлось испытать в Верхоянске, был — 71° Цельсия. Мороз этот, действительно, ужасающ. Наши обычные шубы от него не спасут — необходимо иметь меховые штаны, меховую куртку и длинную двойную в виде халата рубаху, которая надевается сверху через голову — все это должно быть из оленя. Достаточно высунуть на одну минуту нос из капюшона или вынуть из перчатки руку — и вы безнадежно их отморозите. Замерзает все — дерево, которое становится похожим на камень, хлеб, мясо, даже ром. Ртуть остается здесь замерзшей в течение 109 дней в году.

Со мной в виде стражи ехал вооруженный казак, которому даны были строжайшие инструкции — он не спускал с меня глаз и не отходил от меня ни на шаг за все время путешествия. Первые двести

верст мы проехали на лошадях, затем в наши сани запрягли оленей, и почти весь остальной путь мы сделали на них. Только у самого моря, в 120 верстах от Русского Устья, оленей заменили собаками, так как эти места оказались слишком северными даже для оленей.

Эти три тысячи верст я сделал в полтора месяца и, выехав из Якутска 2 декабря, приехал в Русское Устье только 16 января. Было бы слишком долго описывать этот длинный и утомительный путь. Мы мерзли, сбивались с пути, попадали в снежную бурю. Ночевать большею частью приходилось в специально построенных для путников сараях («поварня»), нежилых помещениях, где надо было самим раскладывать огонь, отогреваться сначала на нем самим, а потом разогревать какую-нибудь простую еду. Места были пустынные и вообще весь этот страшный край представляет из себя просто колоссальную пустыню. Достаточно сказать, что Якутская область по своим размерам равняется всей Европе ($3^1/_2$ миллиона кв. верст), а населения имеет всего-навсего 275 тыс. человек обоего пола. Верхоянский округ, на севере которого расположено Русское Устье, является одним из пяти округов Якутской области: размерами своими он превышает Францию, а населения имеет всего-навсего 15 000 душ обоего пола.

Чтобы дать читателю представление о моем путешествии, расскажу, как оригинально пришлось мне встретить новый 1912 г.

На Рождество мы, т. е. я, сопровождавший и охранявший меня казак и два якута-проводника, выехали из Верхоянска. В большое северное селение Усть-Янск (200 жителей), которое находится от Верхоянска в 900 верстах, мы надеялись попасть на Новый год. Но расчеты наши не оправдались. Верстах в 60 от Усть-Янска нас застала снежная буря. Ветер вместе со снегом с бешеной силой неистовствовал по тундре, на которой не видно было ни одного дерева.

Дороги давно уже не было. Буря была так сильна и снег был такой густой, что не видно было из саней даже рогов оленей. Я предоставил якутам вести нас, куда им заблагорассудится. Прошло несколько часов, сделалось темно, наконец, наши сани остановились. Передо мною выросла закутанная фигура казака.

— Приехали.

— Куда приехали?— спросил я с удивлением.

— Вот здесь поварня.

И он показал на небольшой, фута в два, холм снега, который поднимался в стороне. Якуты уже копали снег и, прокопав вниз яму в сажень глубиной, они нашли трубу поварни. Постепенно отрыли дверь — с усилием отворили ее: внутренность поварни была туго набита снегом, который плотно был утрамбован ветром. Но беда — дров нет. Пришлось часть деревянных нар пустить вместо дров. Наконец, печка растопилась (предварительно и ее надо было очистить от снега) и поварня начала принимать жилой вид, по стенам потекли ручьи таявшего снега, наконец, стены обсохли.

Представляет ли себе читатель, каким вкусным при этих обстоятельствах показался мне ужин и горячий чай! Это было 30 декабря, ночь на Новый год мне также пришлось провести в этой поварне, так как буря не затихала. Как сейчас помню эту ночь: все мои спутники — и якуты, и казак — уже легли спать, снаружи неистовая буря стучит в стены. У меня в поварне тепло — вдобавок я укрылся еще меховым одеялом и на всякий случай надел на голову меховую шапку, на руки перчатки. На убогом столике горит свеча, а в руках у меня «La vie errante» Мопассана и я в мечтах путешествую по теплому и смеющемуся под южным солнцем Средиземному морю. Мои родные, мои друзья,— вспоминают ли они меня сейчас в эту новогоднюю ночь, поднял ли сейчас кто-нибудь из них за мое здоровье бокал шампанского? — «С Новым годом, с новым счастьем!».

20. ЧЕТЫРЕ ГОДА НА ДАЛЕКОМ СЕВЕРЕ

Русское Устье — небольшое селение в 7 домов или, как на севере говорят, в 7 «дымов». И оно считалось еще большим. Другие селения, разбросанные по рекам, были в 2—3 «дыма». Оно было в стороне от каких-либо дорог, только два раза в году туда приезжали якутские купцы — на весну и на Рождество. Они привозили с собой кое-какой необходимый товар, в обмен получали белых песцов. Сами жители кормятся исключительно рыбой.

Об отдаленности этого селения можно судить по тому, что от Русского Устья до Северного полюса нужно считать не больше 2000 верст, тогда как до Якутска, который нам обычно представляется на Крайнем Севере, было уже 3000 верст. Почты туда не было никакой, и я получал из дома письма лишь два раза в год, и то только благодаря любезности купцов, которые мне их привозили. Письма из дома доходили до меня на 9-й или 10-й месяц. Почты с Русским Устьем не может быть уже по одному тому, что во всей этой окраине нет ни одного грамотного. Вообще трудно себе представить край, более отдаленный и оторванный от человеческой жизни. Сами жители Русского Устья никто дальше 500 верст от него не ездил, никто не был даже в Якутске, а о России слышали только как о какой-то загадочной стране. От Петербурга Русское Устье отстоит на 11 000 верст, а от железной дороги — на 6000 верст.

Благодаря такой оторванности население этих мест сохранило совершенно первобытный характер. Я был здесь не только первым политическим ссыльным, но и первым интеллигентным человеком вообще. Поэтому немудрено, что иногда на меня смотрели как на жителя какой-нибудь далекой планеты.

Ведь у меня было так много непонятных вещей: были книги, была фотография, была, наконец, лампа, которая их поразила, кажется, больше всего. Это была простая керосиновая лампа (с собой я захватил также около 20 ф. керосина), но она им казалась каким-то чудом. Любоваться на нее приезжали за 50 верст. В восхищение приводили их также мои ружья, из которых я издали мог стрелять диких оленей и птиц. У них сохранились еще лук и копья.

Мне вообще казалось, что я живу среди людей, которые, застыв в своем своеобразном анабиозе, отстали от нашей жизни на несколько сот лет.

Средством передвижения были у них только собаки. Леса нет совершенно, и ни один житель Русского Устья никогда в своей жизни не видел растущего дерева. Хлеба и молока нет и в помине, коровьего мяса никогда не пробовали. Топят свои землянки лесом, который с юга в изобилии приносит река и выкидывает на берег.

Много чудес пришлось мне увидеть за те четыре года, которые я прожил на далеком севере, много также пришлось перенести испытаний.

Я видел день, который продолжается три месяца, так как целых три месяца в этих широтах солнце не сходит с горизонта, я испытал двухмесячную ночь, когда солнце бессильно подняться из-за горизонта и слабые сумерки длятся не больше $1\text{-}1^1/_2$ часов. В остальное время сверкают яркие бриллиантовые звезды, которые нигде не казались мне такими близкими, и каждую почти ночь сияет фантастическое северное сияние, охватывающее половину неба. Я испытал страшные снежные бури, которые засыпали мой домик выше крыши снегом, и я должен был выбираться из снега, как крот из-под земли. Я научился управлять запряжкой собак и оленями, езда на которых мне теперь казалось такой же привычной,

как езда на лошадях. Зимой я жил среди белого безмолвия, оторванный на многие тысячи миль от всего дорогого и близкого моему сердцу. Весной, наоборот, целый месяц я прислушивался к многоголосому хору бесчисленных птиц, которые прилетали с юга. Бесконечные вереницы лебедей, гусей, уток и куликов летели неудержимым потоком в одном направлении вдоль рек, и их веселый шум после зимнего безмолвия казался настоящей вакханалией жизни. Я видел промысел, который видели немногие европейцы и который может дать некоторое представление о богатствах этого дикого края, — я имею в виду охоту на линяющих гусей на берегах Ледовитого океана. Кто сам не видал этих необозримых стад диких гусей, которые собираются вместе в период линьки, когда они на 10 дней утрачивают способность летать, тот не может себе представить, какое количество пернатого населения живет и плодится здесь. Летом 1912 г. я был на этом промысле на море, куда мы отправились на наших крошечных лодочках. Нас было четыре партии, в общей сложности 35—40 человек — и наша общая добыча равнялась 15 000 штук гусей. При этом беспомощных гусей окружают, загоняют в сети и здесь истребляют; я присутствовал сам при загоне, во время которого мы сразу добыли 2500 гусей. Гуси эти зарываются в землю и в мерзлом виде служат потом для прокорма ездовых собак.

Я научился здесь неводить и ставить сети — не зная этого промысла, можно погибнуть от голода, т.к. единственной пищей населения является рыба. От хлеба мне пришлось отвыкнуть совершенно, так как я не видел его целых полтора года. Приучиться надо было ко многому, и сейчас, например, я уже сам не понимаю, как я мог жить в доме, который за зимнюю ночь вымерзал так, что утром, пока я не

растапливал еще печки, в комнате у меня было 10° по Цельсию, а во время снежной бури до 20° мороза.

Самым трудным в моей жизни была оторванность от России. Полная неизвестность и полная невозможность узнать что-либо о родных и друзьях. Телеграмма из дома — в лучшем случае — могла дойти до меня только через полтора месяца, т. е. время, необходимое для дороги от Якутска до Русского Устья.

Казалось бы, при таких условиях я должен был очень скучать, но в действительности этого не было,— для этого у меня не было свободного времени. Да, я был на севере чрезвычайно занят, и мне просто не хватало времени. Всем своим хозяйством я должен был заниматься сам — я был поваром, водовозом, рыболовом, охотником. Уже одно это отнимало массу времени. Но, кроме того, я занимался еще фотографией, метеорологией, орнитологией и медициной. Я увлечен был в весенние и летние месяцы птицами и позднее доставил в Зоологический музей Московского университета несколько ящиков с птичьими шкурками. Население само обращалось ко мне за медицинской помощью, так как в глазах его я должен был знать и уметь все, — и мне пришлось сделаться доктором, не имея специальных медицинских познаний. И должен уверить читателя, что по тамошним местам я был неплохим доктором — у меня были справочные книжки по медицине и обиходные лекарства.

Трудно себе представить, что может в этом диком крае сделать интеллигентный человек, интересующийся окружающим!

За прожитые мною на севере 4 года мне удалось много путешествовать — на оленях и собаках, в разных направлениях я сделал в общей сложности около 10 000 верст. Мне удалось сделать много сотен фотографических снимков, собрать много метеоро-

логических, этнографических и естественно-исторических наблюдений. По приезде в Россию я издал две книги об этом крае — одну общего характера, описание этой далекой окраины, в другой дал очерк хищнической торговли на севере. Обе книги дали много новых сведений русскому читателю, дотоле у нас неизвестных.

Меня спросят, быть может, почему я на этот раз не бежал из ссылки? На это я отвечу, что попытка мною была сделана в первый же год моей жизни на севере, но она кончилась неудачей. Я поставил себе задачей бежать на восток через кочующих чукчей, добраться до Чукотского Носа и оттуда перебраться на Аляску и в Америку. Но это оказалось делом невозможным физически. Помимо тех колоссальных пустынных расстояний, которые отделяли меня от Америки, было и другое препятствие. На севере так мало людей, что все они как бы наперечет. Я жил на виду у всех, слава обо мне бежала через кочующие народы за тысячу верст и, когда я зимой 1912—1913 гг. доехал инкогнито к первому чукче, через которого должен был двинуться дальше на восток, он назвал меня по имени: «Это ты тот ученый русский, что лечишь на севере людей и помог уже многим?».

Моя попытка к бегству кончилась здесь же.

Скрываться легче в толпе, чем в пустыне.

21. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

Срок моей ссылки кончался в 1914 г., я был восстановлен во всех своих правах и мог вернуться в Россию. Но, прежде чем ехать домой, летом 1914 г. я в компании с одним знакомым инженером принял участие в небольшой экспедиции, которая поставила своей задачей найти выход реки Лены в Ледови-

тый океан. Как это ни странно, но до сих пор еще не установлено и не исследовано, где Лена выходит в море. Объясняется это, прежде всего, размерами реки. Лена — самая большая, самая сильная и многоводная река Сибири, одна из самых больших рек всего мира. Длина ее до сих пор не определена (от 8 до 11 тыс. верст), а ширина равняется от 10 до 60 (с островами) верст. Ее колоссальная дельта имеет ширину около 500 верст. Именно благодаря обилию воды и силе течения, при выходе в море она нагромождает груды песка и ила и разбивается на бесконечное количество протоков, выходящих в море. И до сих пор не могут найти протоки, достаточно глубокой, чтобы с моря мог войти в реку большой морской пароход.

На небольшом пароходе мы бодро двинулись в путь, вошли уже в дельту, прошли могилы американского арктического исследователя Де-Лонга и его товарищей, которые погибли здесь в 1878 г., вошли уже в полосу морских туманов и бурь, вода в реке имела уже соленый вкус, но нам не суждено было обессмертить наши имена географическим открытием: протока, по которой мы шли, становилась все более и более мелкой и, наконец, мы сели на мель. Все наши попытки найти более глубокую протоку кончились неудачей, и нам пришлось вернуться обратно.

В Якутск я приехал осенью 1914 г. Только здесь узнал я о начале европейской войны и об участии в ней России...

В это время губернатором в Якутске вместо Крафта, отправившего меня в Русское Устье, было другое лицо — некто фон Витте, который благодаря войне с Германией на это время уже отбросил от своей фамилии частичку «фон», чтобы скрыть свое немецкое происхождение.

Я поместил в местной газете несколько статей, характеризующих в резких выражениях хищническую северную торговлю, которая была в значительной степени основана на обмане и спаивании спиртом доверчивого и наивного туземного населения. Статьи вызвали шум. Мне предложили прочитать на эту тему доклады, причем присутствовать на этом докладе выразил желание и губернатор Витте. Я пригласил его, пригласил также всех купцов, имевших торговые дела на севере, которых я обвинял в эксплуатации туземцев, и прочитал в их присутствии свой доклад, основываясь главным образом на добытых мною лично на севере путем личного опроса фактах и цифрах. Затем я попросил присутствовавших купцов меня опровергнуть. Но они вынуждены были, скрепя сердце, признать все мои факты правильными.

Надвигалась зима, когда я возвращался в Россию вместе со своим верным другом — собакой, которую я щенком нашел у тунгусов, живших на побережье Ледовитого океана, и с которой неразлучно я жил в изгнании все эти годы.

Целых десять лет я не жил в России под своим именем — всегда мне приходилось скрываться или жить по чужому паспорту, и потому моя теперешняя жизнь в родной Москве вместе с родными казалась мне странной и непривычной. Мне казалось странным, что я имею свой постоянный адрес, который я могу дать каждому, имею свой телефон, получаю на свое имя письма. Казалось странным, что скрывать мне больше нечего. Я так привык к тому, что за каждым моим шагом наблюдают, что я должен от всех что-то скрывать. Правда, я знал, что и теперь полиция постоянно следит за мной, часто и сам замечал шпионов, которые ходили за мной, но теперь им нечего было делать со мной.

Революционные партии были сильно ослаблены всеми предыдущими гонениями, а за время войны политическая жизнь в России — как, впрочем, и во всех странах — замерла.

Среди русских социалистов за время войны образовалось два течения. Одно течение настаивало на необходимости активно участвовать в защите России от германского империализма, другое указывало на необходимость интернациональные интересы поставить выше национальных и прежде всего покончить с войной, чего бы это ни стоило для России. Я принадлежал к первому течению — мы были убеждены, что, участвуя в войне с Германией, в самом процессе войны, мы добьемся одновременно и политического освобождения самой России от царизма.

За эти годы — 1915—1916 — я близко познакомился, а затем и подружился с Керенским, который тогда был лидером крайней оппозиции в Государственной думе и своими выступлениями по самым разнообразным вопросам завоевал в Думе и в стране внимание и уважение. Он совершал из Петрограда частые поездки по России и проездом через Москву всегда заходил ко мне, и мы горячо обсуждали политическое положение в России — наши взгляды были одинаковы.

Зимой 1915—1916 г. мне удалось начать в Москве издание ежедневной «Народной газеты», в которой я старался развить свою точку зрения — я настаивал на необходимости для русской демократии принять участие в обороне страны против Германии и именно этим путем достигнуть политического освобождения во внутренней политической жизни. Как и следовало ожидать, газета через месяц была закрыта правительством.

Вскоре я был призван на военную службу (в 1916 г. мне было 36 лет), но солдатом пробыть мне

пришлось только два месяца, так как благодаря плохому зрению я был от военной службы освобожден.

В январе 1917 г. я переселился в Петербург, где предполагал заняться журнальной деятельностью. Здесь меня застала Февральская революция 1917 г., в которой я принял участие с первого же дня и которая позднее захватила меня целиком.

22. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Можно сказать, что революция 1917 г. явилась для всех полнейшей неожиданностью. Но с таким же правом можно утверждать, что она была принята всеми и явилась вполне логическим последствием всего предыдущего внутреннего развития России. В этом отношении революционные партии были правы, утверждая, что мы живем накануне революции и что не надо обманываться видимым спокойствием народа, внутри которого в действительности клокочет пожар. Случайные и местные волнения рабочих в Петрограде явились той искрой, которая взорвала всю бочку пороха, всю страну. Я был живым свидетелем всех этих событий и их возникновения.

В 20-х числах февраля 1917 г. среди рабочих Петрограда начались волнения. Они были связаны с недостатком хлеба в городе, с одной стороны, сокращением работ на заводах — с другой. Я помню, как однажды вечером — это было 23 или 24 февраля,— к нам в редакцию пришли двое рабочих, выборные представители забастовавших рабочих одного из крупнейших заводов Петрограда — Путиловского завода. Они просили устроить им свидание с Керенским. Я немедленно поехал за Керенским, привез его в редакцию и затем присутствовал при этом свидании Керенского с рабочими. Рабочие считали

своим долгом заявить о причинах, вынудивших их на забастовку. Оказывается, после недоразумений в одной из мастерских завода между рабочими этой мастерской и администрацией, закрыт был весь завод, у которого ощущался недостаток угля и которому поэтому закрытие было только выгодно, так как работы благодаря недостатку угля шли очень плохо. На улицу выбрасывалось несколько тысяч рабочих, а их семьи — при дороговизне продуктов и недостатке в городе хлеба — обрекались на голод. Обо всем этом рабочие считали необходимым рассказать популярному депутату, слагая с себя ответственность за могущие произойти последствия. Конечно, ни у меня с Керенским, слушавших эти сообщения, ни у самих рабочих не было тогда никакого представления о том, к чему все это могло привести.

События неожиданно развернулись очень широко. К забастовке путиловских рабочих примкнули другие рабочие, и скоро забастовал весь рабочий Петроград. Рабочие вышли на улицы, требуя работы и хлеба, — против них царское правительство выслало солдат, но солдаты — сами еще недавно бывшие рабочими и крестьянами, которые мобилизованы были только во время войны, — отказались стрелять в народ. Стреляла только полиция, даже казаки перешли на сторону народа. Полицейские были разорваны толпой. Так произошла величайшая революция в мире — произошла просто и со страшной силой. Это была одна из самых бескровных революций в мире, потому что через несколько дней после начала забастовки власть перешла в руки нового правительства — Временного всероссийского правительства, которое после отречения Николая II заменило собой старое правительство.

Я хорошо помню эти дни. С первого же дня забастовки я почти все время проводил на улице. В

начавшееся движение очень скоро вмешались революционные партии. Я участвовал в первых демонстрациях на Невском, которые происходили уже под красными знаменами. У меня на глазах произошло первое убийство. Это было около вокзала Николаевской железной дороги — на Знаменской площади. Посредине ее, около памятника Александру III, среди огромной толпы, оратор говорит речь, открыто призывая к борьбе с правительством. Рядом стоит отряд конных казаков, который не вмешивается в происходящее. Но вот появляется небольшой отряд полицейских во главе с офицером — офицер отдает приказание стрелять в толпу. Раздаются тревожные рожки, означающие, что сейчас начнется стрельба. Толпа волнуется, оратор продолжает говорить. После третьего рожка я ясно вижу, как один из казаков прикладывается из ружья и стреляет — полицейский офицер падает мертвым. Это служит сигналом — полицейские обезоружены толпой и разбегаются.

Я помню на всех улицах огромные толпы народа, помню цепь полицейских, лежащих поперек Невского и обстреливающих проспект во всю его длину, помню треск винтовочных залпов и стрекотанье пулеметов, звон разбитых стекол, и, наконец, я помню девушку, сестру милосердия с повязкой Красного Креста на груди, которой полицейская пуля перешибла ногу... Но я помню также и казаков, которые с поднятыми вверх ружьями разъезжают в толпе и кричат, что они не будут стрелять в народ, что они сами стоят за народ... И уличная толпа бурно их приветствует криками — «Ура! Да здравствуют казаки!» — во многих местах раздается пение «Марсельезы»...

Я побежал к Таврическому дворцу, где помещалась Государственная дума и где сейчас собрались все руководители революционного движения.

Первый, кого я увидал в здании Государственной думы, был Керенский. С ликующим видом он сообщил мне, что только что по его распоряжению арестован председатель Государственного совета Щегловитов и заперт в одной из комнат Таврического дворца, что некоторые члены Государственной думы (из партии к.-д.) протестовали против этого ареста, но он настоял на нем. Это был первый арест представителя старого режима, первое проявление власти революции.

Трудно описать, что представляло из себя в эти дни здание Государственной думы, — в нем поистине билось тогда сердце русской революции. Здесь создались первые революционные организации, здесь сформировалось и первое революционное правительство. Отряды солдат и матросов, перешедших на сторону народа, то и дело подходили к зданию, черными массами окружая его со всех сторон. В самом помещении кипела бурная жизнь, которой наверное никогда за все свое существование не видали старые стены дворца, выстроенного еще при Екатерине Великой. Здесь сновала толпа, гремели ружьями солдаты, в отдельных комнатах шли беспрерывные заседания революционных организаций и Временного правительства. На полу свалены груды ружей и ящики с патронами, масса пулеметов с лентами и даже груда динамитных шашек и ручных гранат, на которые никто не обращает внимания. Иногда через толпу проводят под стражей арестованных. Ими занят во дворце уже отдельный павильон.

Душою движения в эти дни был Керенский — это необходимо признать, не боясь впасть в преувеличение. Все обращались к нему за распоряжениями, все искали его — и он появлялся всюду, забыв о еде и сне.

Через несколько дней сомнений ни у кого не было — революция победила. Царь подписал отречение, все министры царского правительства были арестованы, порядок в городе был установлен, Временное правительство приступило к своим работам. Керенский был в это время министром юстиции нового правительства и предложил мне и члену Государственной думы Волкову перевезти всех арестованных министров из здания Государственной думы в Петропавловскую крепость. Я с удовольствием взялся выполнить это дело — мне интересно было в новой уже роли побывать в той самой крепости, где я полгода просидел заключенным.

Автомобили были приготовлены только поздно вечером, и перевод арестованных состоялся глубокой ночью. В пяти автомобилях мы везли 12 министров. На мою долю пришлись бывший министр внутренних дел Макаров и бывший министр юстиции Хвостов. Макаров был именно тем министром, при котором несколько лет тому назад я сидел в Петропавловской крепости и по распоряжению которого я был сослан в Сибирь, — теперь мы поменялись ролями, и я не мог не вспомнить об этом в ту минуту. В автомобиле нас было четверо — двое арестованных министров, солдат с наведенным на них револьвером и я. Министры сидели неподвижно, как бы раздавленные всем происшедшим. На улицах шумела толпа, несмотря на поздний час, и рожок нашего автомобиля гудел непрерывно. Занавески на наших окнах были спущены, и толпа охотно расступалась, когда шофер кричал ей, что автомобили следуют «по распоряжению Временного революционного правительства». Мы переехали через Неву, проехали одни ворота, вторые, третьи... Здесь уже не слышно шума толпы, всюду лежит мягкий и глубокий снег, раздается так хорошо мне знакомый бой крепостных часов... Целый рой

воспоминаний поднялся передо мной — неужели все это правда? Неужели все это не сон?

Автомобили остановились перед солдатской гауптвахтой — все, как и прежде... Принять от нас арестованных вышел... я не верю своим глазам... полковник Иванишин, тот самый полковник, который семь лет тому назад караулил и меня... Он проявил к нам большую предупредительность, сделал ряд распоряжений для приема от нас арестованных. Мы очутились в кабинете коменданта, в котором я уже был однажды, когда жандармы пытались меня допрашивать. Поднимаемся по мрачной, так хорошо мне знакомой лестнице, по которой в течение полугода я ходил каждый день на прогулку. Вот и коридор с одиночными камерами, здесь решительно ничего не изменилось — в ушах раздается привычный звук ключей и отворяемых дверей... Что, если мне все это снится? Если сейчас эта дверь захлопнется за мной?.. Нет, двери запираются, и одиночки проглатывают ненавистных представителей старого режима, по милости которых здесь, в этих каменных стенах, томилось и погибло так много лучших людей России... А полковник Иванишин вежливо уступает мне, чрезвычайному комиссару Революционного правительства, дорогу в коридоре...

Я пристально вглядываюсь в него — узнал ли он меня, своего бывшего пленника? Он мне ничего не говорит, молчу и я. Но он не мог не узнать меня — в акте передачи арестованных я подписал при нем свое полное имя. Этот акт с моей подписью и сейчас лежит где-нибудь среди бумаг Петропавловской крепости.

Мы возвращаемся обратно и докладываем Керенскому об исполненном поручении. При этом я передаю Керенскому, что был крайне удивлен, увидав комендантом крепости того же полковника Ивани-

шина, который был таким верным слугою старого правительства и столько лет караулил в стенах крепости революционеров, я настаиваю на том, чтобы Иванишин был немедленно смещен и заменен верным человеком... Керенский соглашается и немедленно отдает распоряжение по телефону в крепость. Иванишин отстранен от должности и заменен другим — тем самым офицером, который первый занял в дни революции крепость...

Что может быть радостнее чувства победы? Враг, с которым мы так долго вели ожесточенную кровавую борьбу, лежал теперь у наших ног — обезоруженный и раздавленный. Страна, наиболее отсталая и с деспотическим политическим строем, одним ударом становилась впереди других и теперь вдруг сделалась самым демократическим государством в мире. Осуществлены все гражданские свободы — для всех партий открылась свободная арена политической деятельности, родилась свободная и независимая печать, начались свободные митинги. Все тюрьмы раскрылись, сибирские тундры выпустили из своих объятий ссыльных. Европа открыла свои границы для возвращавшихся на родину изгнанников. Сколько радостных встреч, сколько неожиданных свиданий! Из Сибири вернулся с каторги мой друг Абрам Гоц, из Франции приехали мои друзья Авксентьев и Фондаминский, которые в последнее время вынуждены были там жить изгнанниками. Мы снова через многие годы разлуки все вместе, как 15 лет тому назад, когда вместе учились в одном университете. Но теперь мы собрались вместе не ради науки, а для работы в пользу освобожденной родины. Осуществились наши лучшие мечты...

У кого не закружится голова от этого?

23. РАЗЛОЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Я не буду рассказывать о дальнейшем развитии русской революции: это слишком большая тема, да и к тому же революционные события 1917 г. у всех еще свежи в памяти. Отмечу только несколько моментов, которые послужили поворотными пунктами в развитии событий и сыграли в судьбах русской революции роковую роль.

В первые же дни революции по распоряжению правительства я был назначен членом Чрезвычайной следственной комиссии, расследовавшей преступные деяния высших представителей старого режима. Я добросовестно посещал все ее заседания, участвовал в допросе нескольких министров и высших государственных сановников — в том числе бывших министров внутренних дел — Протопопова и Хвостова (часть этих допросов происходила в Петропавловской крепости), но затем я по собственному побуждению вышел из ее состава. Работа комиссии мне представлялась слишком кабинетной — меня тянуло к более живому делу, и я с головой отдался редактированию одной из самых больших и влиятельных газет того времени — «Дело народа», которая была центральным органом партии социалистов-революционеров.

В то время партия социалистов-революционеров быстро росла и все больше выдвигалась на авансцену политической жизни.

Во второй половине марта в Россию приехал из-за границы через Германию Ленин, лидер партии большевиков, и на другой день он уже возвестил свою программу, которой потом и суждено было погубить русскую революцию, — он провозгласил необходимость передать всю правительственную власть Со-

ветам рабочих депутатов, объявить диктатуру пролетариата и любою ценою покончить с войной.

Его программа тогда встречена была не столько с негодованием, сколько с насмешками, настолько нелепой и выдуманной казалась она всем. Даже его товарищи по партии, большевики, в смущении отвернулись тогда от него. И тем не менее его программа в конце концов восторжествовала — объясняется это единственно тем, что темные солдатские массы, уставшие уже от трехлетней войны, обрадовались прежде всего возможности кончить войну. Программа Ленина о прекращении войны как нельзя более отвечала желаниям этих масс — ведь их убеждали в том, что, бросая ружье и отказываясь от защиты родины, они спасают от войны все человечество...

С первого же появления Ленина в России партия социалистов-революционеров начала открытую борьбу с ним, и мы в «Деле народа» подняли ожесточенную кампанию против Ленина и большевиков.

Но яд разложения, принесенный большевиками в русскую революцию, постоянно просачивался и отравлял здоровый организм народа. Большевизм в массах — особенно в солдатских — рос неудержимо.

Об этом свидетельствовала уже демонстрация 5-6 июля, устроенная большевиками под лозунгами: «Долой Временное правительство!» — «Вся власть Советам!».

Правда, правительство Керенского тогда победило, демонстранты-большевики были рассеяны и главари большевиков арестованы, но это была Пиррова победа.

Сильный толчок развитию большевизма дало затем выступление генерала Корнилова 26 августа против Временного правительства. Им очень умело воспользовались большевики, уверив массы, что Временное правительство слишком слабо против по-

добных выступлений справа и что при Временном правительстве революция в опасности, т. к. власть находится в слишком слабых руках. «Революция укрепится тогда,— утверждали большевики,— когда вся власть перейдет в руки пролетариата, когда вся правительственная власть будет принадлежать Советам рабочих депутатов».

Под этим именно лозунгом и был произведен в Петрограде и ряде других городов партией большевиков переворот 25 октября 1917 г. Власть Временного правительства была свергнута и оказалась в руках партии большевиков, так как все другие политические партии, представленные в Советах рабочих депутатов, уклонились от того, чтоб разделить захваченную большевиками власть. Таким образом, вместо коалиционной власти Временного правительства, в котором участвовали представители всех политических партий и течений, во главе государства встала партийная власть, власть партии большевиков. Тем самым большевики вдребезги разбили основные принципы демократии, которыми всегда руководилась русская революция.

Антидемократический характер большевистского переворота выступил еще ярче благодаря всей политической обстановке, в которой он произошел.

Переворот произошел 25 октября, а между 1-м и 14 ноября должны были во всей стране произойти выборы во всероссийское Учредительное собрание,— должна была, наконец, осуществиться мечта всех революционных поколений России. Самое открытие Учредительного собрания должно было произойти 27 ноября, причем закон о выборах в Учредительное собрание был самым демократическим, какой до сих пор знал мир. И, действительно, состоявшиеся в свое время выборы дали небывалые результаты — в выборах приняли участие свыше 36 миллионов

избирателей, из 703 депутатов 639 принадлежали к социалистическим партиям и, следовательно, Учредительное собрание было бы самым демократическим парламентом, какой когда-либо знала мировая история. И большевики совершают свой преступный переворот, окончательно погубивший русскую революцию, за неделю до всенародных выборов, за месяц до открытия самого Учредительного собрания...

С момента Октябрьского переворота начинается в русской революции ожесточенная гражданская война между партиями, окончательно разложившая революцию и не окончившаяся до сих пор.

Партия социалистов-революционеров была в этой борьбе с большевиками в первых рядах.

24. БОРЬБА С БОЛЬШЕВИКАМИ

В России всегда было несколько социалистических и революционных партий — из них самыми сильными были партия социалистов-революционеров и партия социал-демократическая. Социал-демократическая партия, начиная с 1906 г., разбилась на два течения — большинство (отсюда и название «большевики») и меньшинство («меньшевики»), которые имели между собою различия главным образом в вопросах тактики. Большевики были сторонниками более революционных действий и верили, что социализма можно достигнуть непосредственным разрушением существующего социального строя. В противоположность им меньшевики были сторонниками эволюционной теории и основу своего социалистического учения видели в массовой работе среди промышленного пролетариата. Сторонники обоих этих течений принадлежали к школе Карла Маркса. За время революции 1917 г. эти два течения внутри

социал-демократии разошлись окончательно и образовали две самостоятельные партии, причем большевики оставили даже свое прежнее название социал-демократов и стали называться «коммунистами». Таким образом, за время революции 1917 г. в России существовали три крупные социалистические партии: 1) большевики, или коммунисты, 2) меньшевики, или социал-демократы и 3) социалисты-революционеры.

Партия социалистов-революционеров отличалась от двух других социалистических партий прежде всего тем, что, не будучи последовательницей учения Карла Маркса, она не ограничивала своей работы одним промышленным пролетариатом, а объединяла всех рабочих и крестьян в один класс трудящихся; социалистические идеи она распространяла не только среди рабочих, но и среди крестьянства, которое в России составляет 80% всего населения. Кроме того, партия социалистов-революционеров имела свою аграрную программу, которая основана на идее национализации земли. Отличалась она от других революционных партий также и своей тактикой в борьбе с царским режимом — в число своих методов борьбы она включила также и систематический террор против представителей самодержавной власти; большевики и меньшевики были против системы террора.

Таковы в общих чертах были различия между социалистическими партиями, но это не мешало им в борьбе с русским самодержавием чувствовать себя союзниками. Все три партии были социалистическими. Все три партии были революционными, и так как главной задачей русской революции за все время ее истории было освобождение России и так как самодержавие в своей кровавой борьбе не щадило никого, то естественно было членам всех трех партий считать друг друга товарищами, союзниками и

борцами за одно общее дело. На баррикадах русской революции они всегда стояли по одну их сторону, и взаимные их разногласия никогда не шли дальше теоретической дискуссии.

Так обстояло дело до большевистского переворота, т. е. до 25 октября 1917 г. Большевистский переворот изменил все, он бросил между социалистическими партиями факел вражды и гражданской войны, он сверг Временное правительство, в составе которого были члены партий социал-демократов и социалистов-революционеров,— большевики отделили себя баррикадами от других социалистических партий, впервые в истории русской революции началась братоубийственная война, впервые между социалистами пролилась кровь.

Я хорошо помню роковое заседание Всероссийского съезда Советов рабочих депутатов в ночь на 25 октября, на котором присутствовали представители всех революционных партий. Во время этого заседания пришла страшная весть о том, что большевики начали бомбардировку Зимнего дворца, в котором происходило очередное заседание Временного правительства. Это известие взволновало всех присутствовавших. Большевики официально это известие тут же опровергли. Но пришли новые вести, подтвердившие эту новость, получены были новые трагические подробности этой бомбардировки. Одна революционная партия за другой заявили на съезде резкий протест против действий большевиков, против их двуличной тактики. Это было не только протестом против большевиков, это был протест против большевистского переворота вообще. Представители революционных и социалистических партий одни за другими поднимались на кафедру, заявляли в резких выражениях свой протест и уходили со съезда, не желая иметь ничего общего с большевиками. Боль-

шевики остались одни, и с этого момента они начали опираться только на грубую физическую силу.

Мы все, участники съезда, протестовавшие против действий большевиков, собрались в здании Петроградской думы и в полном составе, со всеми гласными Думы, составили процессию и глубокой ночью пошли по Невскому к Зимнему дворцу, где находилось Временное правительство, осажденное большевиками.

Была темная ночь, и фонари на Невском не горели. Мы шли стройной процессией и слышно было только наше пение «Марсельезы». Вдали раздавались пушечные выстрелы — это большевики продолжали обстрел Зимнего дворца.

Своими действиями мы хотели доказать свою солидарность с правительством и протест против большевиков.

Нам не удалось дойти до Зимнего дворца — на Невском нам перегородил дорогу отряд матросов-большевиков с направленными на нас ружьями и пулеметами. А пушечные выстрелы продолжали раздаваться... С каждым выстрелом пропасть, вырытая большевиками между собой и русской революцией, становилась глубже и шире... Она не зарыта и до сих пор...

Что должна была делать демократия перед лицом совершавшегося переворота? Что должны были делать все революционные партии? Конечно, одно: сопротивляться насилию с оружием в руках.

И мы это сделали.

В ответ на большевистский переворот мы объединились все вместе в Комитет спасения родины и революции. Председателем был избран Авксентьев, который в летние месяцы уже был в кабинете Керенского министром внутренних дел, мы все, руководители партий социалистов-революционеров, со-

циал-демократов и других социалистических и революционных партий, вошли в этот комитет. Насилию мы старались противопоставить силу, вооруженным войскам большевиков — свои вооруженные войска.

Теперь мы все оказались с большевиками по разные стороны баррикады — и это произошло не по нашей вине. Надо было вспомнить, каковы до этого момента были наши отношения с большевиками, чтобы понять, что это значило. Каждый из нас за свою длинную революционную деятельность в годы борьбы с самодержавием встречался по царским тюрьмам и в ссылке с большевиками — многие были связаны с ними узами тесной личной дружбы. Я, например, был дружен в течение ряда лет с одним видным большевиком, с которым я близко познакомился и подружился за время своей последней сибирской ссылки. Кто бы из нас тогда, на севере Сибири, поверил, что мы можем сделаться в будущем врагами, которые будут стараться арестовать друг друга, поднимут один против другого руку, быть может, прицелятся один в другого, стоя каждый за своей баррикадой?.. А между тем именно так и обстояло теперь дело — между русскими революционерами началась кровавая братоубийственная борьба.

Мы, социалисты-революционеры, должны были опять поднять оружие, но на этот раз уже не против представителей царского самодержавия, а против большевистского самодержавия. Но, как тогда, так и теперь, мы боролись за то же самое: за идеалы демократии, за освобождение нашей родины.

Снова мы оказались в хорошо нам знакомой стихии непосредственной революционной борьбы, а в связи с этим всякого рода неожиданные приключения снова вторглись в нашу жизнь.

Мой друг Абрам Гоц и я снова пережили одно из тех приключений, которые не забываются на всю жизнь.

Это произошло в Петрограде в памятные октябрьские дни, через несколько дней после самого переворота, когда мы уже подняли оружие против большевиков. В это время Керенский был уже за пределами Петрограда, с оставшимися верными Временному правительству войсками он еще сопротивлялся большевикам в Гатчине, около Петрограда. Гоц и я решили присоединиться к нему, но на Балтийском вокзале, который оказался уже в руках большевиков, мы были задержаны. Нас окружили вооруженные люди и подвергли строгому допросу. По-видимому, нас не узнали и отпустили. Мы ушли и отошли уже около полуверсты от вокзала по длинному Измайловскому проспекту, когда вдруг сзади среди ночного безмолвия раздался шум автомобиля и около десяти вооруженных матросов выскочили из него с наведенными на нас ружьями. — «Ни с места, руки вверх!» — У нас были моментально отобраны наши револьверы, и мы оказались арестованными. Оказывается, один из матросов, видевших нас на вокзале, только позднее уже вспомнил, кто мы такие, и тогда за нами была спешно отправлена погоня. Теперь нас вели обратно на вокзал.

У Гоца в кармане были бумаги, которые он не хотел показывать большевикам, и он постарался от них в дороге отделаться. Нас вели посредине улицы, окруженных отрядом матросов. Гоц попытался бросить свои бумаги в грязь на мостовую, но, к несчастью, его движение было замечено одним матросом,— он подскочил к Гоцу и, приставив к нему дуло ружья, спустил курок... Два раза матрос стрелял в него и два раза происходила осечка... очевидно, Гоц родился под счастливой звездой. Матросы немедлен-

но окружили нас плотной стеной и прицелились в нас... Никогда еще, вероятно, мы не были так близки к смерти... Но кто-то из матросов в эту минуту крикнул: «Не стреляй, ребята, так своих перебьешь...» — и, действительно, если бы они вздумали расстреливать нас, когда мы были внутри их круга, они переранили бы друг друга. Это восклицание тогда спасло нас.

С вокзала нас отправили в главный штаб большевиков, и допросу нас подверг в штабе «сам» Крыленко, который позднее взял на свою совесть убийство Верховного главнокомандующего Духонина, чтобы затем самому занять его место. Крыленко, который хорошо знал революционную карьеру Гоца и мою, не решился тогда расправиться с нами и, не найдя в нашем поведении ничего подозрительного, отпустил нас.

Как известно, большевики в своей борьбе оказались тогда победителями — уставшие от войны солдаты пошли за ними — физическая сила оказалась на их стороне. Комитет спасения родины и революции был разбит, председатель его Авксентьев большевиками был арестован и посажен в Петропавловскую крепость.

Между тем выборы в Учредительное собрание теперь закончились — предвыборная агитация началась еще задолго до большевистского переворота. Эти выборы дали неожиданные и сокрушительные для большевиков результаты. Дело в том, что они происходили тогда, когда в стране массы были определенно на стороне партии социалистов-революционеров. И потому на 703 депутата Учредительного собрания было избрано в стране 338 социалистов-революционеров и только 168 большевиков. Таким образом, в Учредительном собрании абсолютное большинство оказалось на стороне социалистов-революционеров и

других враждебных большевикам социалистических партий. Получилось абсурдное положение: исполнительная власть была фактически захвачена партией большевиков, тогда как высший выразитель народной воли, Учредительное собрание, которое до сих пор и большевики признавали высшим авторитетом в решении государственных вопросов, было в руках других партий, большевикам враждебных. Поэтому большевики под самыми разнообразными предлогами откладывали открытие Учредительного собрания, которое должно было, по предварительному решению Временного правительства, открыться еще 27 ноября. Им удалось затянуть открытие Учредительного собрания до 6 января 1918 г.

Все, кто участвовал на этом единственном заседании Учредительного собрания, продолжавшемся $12^1/_2$ часов, конечно, будут помнить это заседание всю свою жизнь. Мне приходилось слышать такой отзыв от ряда иностранцев — французов и американцев, которые присутствовали на этом единственном в истории заседании.

Начать с того, что город представлял из себя в этот день вооруженный лагерь — большевистские войска окружали сплошной стеной здание Таврического дворца, которое было приготовлено для заседаний Учредительного собрания. Но перед нами, избранниками народа, эти стены раздвинулись. Мрачными взглядами провожали нас эти матросы и солдаты, стоявшие здесь в полном вооружении, с ручными гранатами за поясом и за пазухой. И оружие это было далеко не пустой угрозой, потому что, не успели мы войти в здание Таврического дворца, как нам уже сообщили, что демонстрации населения и рабочих в честь открытия Учредительного собрания большевиками рассеяны вооруженной силой и среди демонстрантов есть убитые.

Мы входили в здание с высоко поднятой головой, готовые на жертвы, — все мы были убеждены, что большевики произведут насилие над Учредительным собранием, многие из нас были уверены, что не вернутся живыми домой.

Я не буду подробно описывать этого ночного заседания. Оно происходило в невозможной обстановке, какой, конечно, не видел ни один парламент в мире. Мы, депутаты, были окружены разъяренной толпой, готовой каждую минуту броситься на нас и нас растерзать... Несколько раз в ораторов с хоров и из проходов нацеливались ружья. Все с замиранием сердца ждали первого выстрела, после которого, конечно, последовал бы наш массовый расстрел. Большевики требовали от Учредительного собрания признания всех изданных ими законов, требовали признания советской власти, другими словами — признания правительственной власти партии большевиков. Вся тяжесть борьбы пала на нашу партию, потому что партия социалистов-революционеров обладала в Учредительном собрании большинством. Уступить большевикам — значило фактически признать власть большевиков, значило уничтожить самый смысл Учредительного собрания. И я до сих пор с гордостью думаю о том, что партия социалистов-революционеров тогда большевикам не уступила, не изменила своему знамени, не предала демократии. Она торжественно провозгласила право выше силы и потребовала от партии большевиков подчиниться Учредительному собранию. Среди исступленного рева наполнявшей помещение толпы мы сохранили хладнокровие и спокойствие, ни разу не уронив своего достоинства народных избранников. Позднее иностранные корреспонденты, присутствовавшие на заседании, отметили в своих отчетах это беспримерное поведение фракции социалистов-революционеров.

Как известно, это не спасло Учредительного собрания. С того момента, когда определилось, что Учредительное собрание хочет быть вполне самостоятельным и независимым от партии большевиков, судьба его была решена. Большевики насильственно закрыли заседание Учредительного собрания и затем признали самое Учредительное собрание устаревшим институтом — они дерзко разбили надежду и упование революционной России.

25. СНОВА НА ПОЛОЖЕНИИ ПРЕСЛЕДУЕМЫХ

После того, как большевики при помощи вооруженной силы разогнали Учредительное собрание, перед ними остался только один путь насилия. И они пошли дальше по этому пути. Они начали преследовать всех своих политических противников. Сначала они обрушились на буржуазные партии, начав среди них аресты и закрыв их газеты. Затем они начали преследовать и социалистические партии — при этом всего больше ударов посыпалось на партию социалистов-революционеров, потому что она была сильнее других и для власти большевиков представляла наибольшую опасность. В Петрограде одна за другой закрывались наши газеты, нашим ораторам на митингах не давали говорить.

В это время в связи с приближением германского фронта политический центр был перенесен из Петрограда в Москву. Здесь царство террора большевиков усилилось.

Девятого февраля большевистское правительство подписало позорный мир с Германией в Брест-Литовске, по которому фактически Россия отдана была Германии на разграбление. Большевики офици-

ально сделались союзниками Германии. Наша партия и партия социал-демократическая, где только могли, протестовали против Брестского мира и заявляли, что в деле борьбы с Германией первоначальное соглашение России с союзниками остается в полной силе. Мы говорили, что Учредительное собрание не признало власти большевиков и потому большевики не имеют права заключать с кем бы то ни было договоров от имени России. Русская демократия, утверждали мы, не признает Брестского мира.

После этого репрессии усилились. Все наши газеты были закрыты. Я был последовательно редактором четырех газет в Москве, все они были закрыты насильственно большевиками, а я — привлечен к суду. Нам не позволяли собирать митингов, наших ораторов арестовывали, наши организации большевистская полиция разогнала. Всех своих политических противников большевики причислили к лагерю контрреволюционеров. Я и мои друзья таким образом превратились, сами того не подозревая, в «контрреволюционеров». Начались массовые аресты и, что хуже всего, начались массовые расстрелы по тюрьмам.

Таково было положение вещей в Москве весной и летом 1918 г.

Террор царил вовсю. Наша партия была объявлена — «вне закона». Это означало, что все члены партии социалистов-революционеров подлежат аресту, а некоторые и расстрелу. Нам снова пришлось вспомнить о старине и обзавестись фальшивыми паспортами. Особенно опасно было жить нам, членам Центрального комитета партии, т. к. нас разыскивали особенно старательно. Приходилось с большой осторожностью ходить по улицам и каждый раз ночевать в новом месте. Все решительно газеты были закрыты, и теперь выходили только официальные

большевистские газеты, полные всяческой лжи и клеветы. Многие из наших товарищей уже сидели по тюрьмам, некоторые были уже расстреляны. Коммунистическая полиция оказалась гораздо более свирепой, чем царские жандармы. Мы, революционеры, оказались теперь в положении преследуемых, как это с нами было во времена царизма, но на этот раз, как это не было странно, нас преследовали не монархисты, а «коммунисты».

Но мы не складывали своих рук — мы начали подпольную работу, не будучи в состоянии сопротивляться большевикам открыто. Большевики располагали достаточными силами, наняв к себе на службу за хорошее жалованье латышей и китайских кули.

Большевистское царство террора начало вызывать протесты и среди рабочих масс, так как и с рабочими большевики расправлялись с такой же бесцеремонностью, как с другими. С разных концов России приходили известия о восстаниях рабочих и крестьян против большевиков. Мы собирали эти недовольные элементы вместе, мы создавали из них организации, при помощи которых можно было бы свергнуть правительство большевиков. Сейчас не пришло еще время говорить о том, что в этом направлении нами было сделано, — Москва до сих пор еще не освобождена от большевиков.

Работа по собиранию сил для борьбы с большевиками была очень трудна — она была связана с огромным риском для каждого участника и нередко аресты сразу разрушали то, что удавалось сделать в течение нескольких месяцев.

Летом 1918 г. началось сильное движение против большевиков на Волге и в Сибири. К этому движению присоединились чехи, которые отправляли свои войска через Сибирь во Францию. Согласно приказу из Германии большевики хотели разоружить в Си-

бири чешские войска, и это дало толчок к их восстанию. На Волге и в Сибири от большевиков была очищена большая территория, там собирались против большевиков крупные силы. В то же время нам оставаться в Москве было слишком опасно — давно уже большевиками были отданы приказы о нашем аресте. Вместе с тем работа по организации в Москве противобольшевистских сил давала мало результатов. Центральный комитет нашей партии постановил переселиться в Самару на Волге, которая была уже освобождена от большевиков.

26. НА ПРОТИВОБОЛЬШЕВИСТСКОМ ФРОНТЕ

В то время выехать из Москвы было не так просто — большевики внимательно следили за всеми отъезжающими и проверяли их документы. Всех сколько-нибудь подозрительных они немедленно арестовывали и отправляли в свою знаменитую «Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией», в которой не только допрашивали, сопровождая допросы мучительными пытками, но часто и расстреливали. Сыск и шпионство у большевиков были поставлены хорошо. Как это ни странно, но нами было доказано, что те самые, кто называли всех своих противников контрреволюционерами, имели на своей службе шпионов и сыщиков старого царского режима. Большевики никогда не были разборчивы в своих средствах.

Из Москвы я решил выехать в Казань по Волге, недалеко от которой Волгу пересекал противобольшевистский фронт. В Москве наша партийная организация, которая в то время вынуждена была уже скрываться и вести подпольную работу, приго-

товила мне паспорт и все необходимые документы, на основании которых я выехал в качестве представителя одной из... большевистских организаций со специальным поручением. Эти документы, как я скоро убедился, прокладывали мне дорогу всюду, а позднее в самой Казани спасли мне даже жизнь.

Из Москвы я выехал 31 июля и 2 августа вечером благополучно приехал в Казань. В Казани на вокзале большевистская полиция тщательно просмотрела мои документы и пропустила в город. С этого момента и начались мои злоключения.

Начать с того, что оба адреса, данных мне в Москве, оказались негодными — один из адресатов был арестован, другой — скрылся. Был уже поздний вечер, и я не знал, куда деваться. Попробовал было зайти в гостиницу, но, оказывается, большевики «национализировали» все гостиницы, и они не имели права кому бы то ни было сдавать комнаты без разрешения особой жилищной большевистской комиссии. Надо идти туда, тем более что Казань была уже объявлена прифронтовой полосой и ходить по улицам разрешалось только до 11 часов вечера. Правда, визит рискованный, потому что в Казани теперь много большевиков из Москвы и я мог встретить среди них знакомых — но что делать?

И я пошел. В жилищной комиссии после долгих споров, где я доказывал свои права на основании своих подложных документов, в которых я значился большевиком, меня согласились поместить в комнате вместе с... членом Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, который также только что приехал из Москвы... Но потом обстоятельства переменились — пока мы спорили, пробило уже 11 часов и на улицу показаться было нельзя, приходилось остаться в том здании, в котором я очутился. Швейцар предложил мне переночевать на полу в общей

зале, где днем происходили заседания... Главного военного штаба Восточного фронта. Да, жилищная комиссия оказалась в одном помещении со штабом, и первую ночь в Казани мне пришлось провести в самом гнезде большевистских сил. И это первое мое странное приключение в Казани оказалось добрым предзнаменованием всего моего пребывания в этом городе.

На следующее утро я уже нашел товарищей по партии, которые рассказали мне, что в Казани царит настоящий террор и каждую ночь большевики расстреливают по несколько десятков человек. Если меня случайно арестуют и узнают, то немедленно расстреляют как члена Центрального комитета партии социалистов-революционеров. Необходимо, как можно скорее, перебраться через фронт в Самару. Товарищи обещали приготовить через 1—2 дня лошадей и отправить меня дальше. Один из них вечером отвел меня на квартиру к своему знакомому, чтобы я мог там переночевать. Приведя меня в квартиру и познакомив меня с хозяином, он сейчас же ушел.

Позднее оказалось, что большевики нас выследили. Они знали хорошо моего спутника и давно его искали,— теперь они проследили его вместе со мной и решили ночью арестовать обоих на квартире, не заметив, что мой спутник только привел меня на квартиру, а сам ушел. Ничего не подозревая, я провел весь вечер в разговоре с хозяином квартиры и в 12 часов ночи мы лежали уже в постелях. Не успели мы еще заснуть, как во дворе нашего дома послышался шум, как будто кто-то перепрыгнул через забор с улицы, затем слышно было, как кто-то прислонился к ставням окна, пытаясь заглянуть в комнату. — «Вы слышите?»— тревожным шепотом спросил меня хозяин. — «Слышу. Молчите. Если по-

звонят, придется открыть...». — Не успел я кончить своей фразы, как раздался бешеный звонок колокольчика. Хозяин в одной рубахе пошел открывать дверь. Четыре человека с электрическими фонариками и с наведенными на нас револьверами — у двоих из них были еще ружья — ворвались в комнату. Я продолжал лежать в кровати. — «Где те двое, которые пришли к вам вечером? Они должны быть арестованы...».— «У меня ночует только один знакомый... больше никого нет...» — Фонари направились на меня, я увидел перед своим лицом черное дуло револьвера. — «Это не тот,— воскликнул человек с револьвером. — Тот совсем бритый и черный... Ваши документы!» — обратился он ко мне. Я вынул из кармана своего пиджака документы. Они их внимательно просмотрели, и, видимо, мои большевистские бумаги их успокоили.

— «К вам,— обратился к моему хозяину человек с револьвером,— сегодня вечером пришли двое,— один бритый и черный — другой»... и он дал подробное и точное описание моего пальто и моей шляпы... Хозяин начал уверять, что это недоразумение, что, кроме меня, у него никого нет. По-видимому, все внимание пришедших было обращено на того моего спутника, который привел меня вечером сюда, и, как это ни странно, на меня они не обратили внимания, тем более что мои документы оказались в порядке.

Пришедшие дважды обошли всю квартиру, обыскали все под кроватями и шкафами и несколько раз грозили хозяину, что немедленно его расстреляют, если окажется, что он их обманул. Они подняли на ноги весь дом, который оказался окруженным вооруженными людьми, и подвергли допросу всех жильцов, но все в один голос показали, что никого не видели. Некоторые, действительно, никого не видали, а две женщины, которые как раз стояли на крыльце,

когда я и мой спутник входили в квартиру, заявили, что двое каких-то незнакомых, но похожих по описанию на тех, кого теперь ищут, действительно, заходили во двор, но потом, никуда не зайдя, опять вышли на улицу. Я никогда не забуду этих двух незнакомых женщин, которые спасли тогда нашу жизнь. Они делали это из простого человеколюбия, рискуя своей собственной жизнью; если бы ложь их обнаружилась, их расстреляли бы на месте. Их подвиг был тем прекраснее, что они сами не знали, кого спасали...

Наконец, большевики с громкими ругательствами и угрозами покинули дом. Когда они ушли, мы инстинктивно протянули друг другу руки и обнялись. Смерть прошла мимо нас и едва не задела нас своей рукой.

Позднее уже, по описанию, мы узнали в человеке с револьвером самого председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, Лациса, известного в Москве своей жестокостью и кровожадностью. Это по его распоряжению между прочим были закрыты в Москве наши газеты, редактором которых я был, и потому он хорошо должен был знать мое имя. Конечно, он не оставил бы меня в живых, если бы знал, в кого он прицеливался этой ночью из револьвера,— но, на мое счастье, мы никогда с ним лично в Москве не встречались и мое лицо ему было незнакомо.

Через день лошади для меня были приготовлены и я уже сделал все необходимые для путешествия покупки — на лошадях предстояло проехать несколько сот верст. Но моей поездке помешало одно неожиданное обстоятельство. 5 августа, т. е. как раз накануне отъезда, днем вдруг послышались по направлению от Волги орудийные выстрелы. Сначала на них никто не обратил внимания, предполагая, что

это слышна учебная стрельба за городом большевистских войск, которые были стянуты к Казани в большом количестве. Но вдруг, неизвестно откуда, разнесся по городу слух, что на пароходах неожиданно пришли из Самары противобольшевистские войска и чехи и встали против Казани. Слух этот вызвал в городе чрезвычайное волнение — измученное большевиками население страстно ждало избавления от большевистского террора. Сами большевики были смущены неожиданностью нападения.

К вечеру сомнений уже ни у кого не было, потому что над городом стали разрываться первые шрапнели, вдали уже слышны были ружейные залпы и стрекотанье пулеметов. Я оказался в осажденном городе.

Весь день 5 и 6 августа продолжалась артиллерийская, пулеметная и ружейная стрельба, жители попрятались по домам и подвалам. Ночью на 6-е к гулу орудийных выстрелов прибавились раскаты грома, но утро 7-го было тихое и солнечное. Улицы были спокойны и сияли, обмытые дождем. Я вышел и на углу встретил нескольких чехов, еще дальше прошел отряд, своим дисциплинированным видом не похожий на «красную армию» большевиков.

Казань была освобождена.

В ночь на другой день я выехал на пароходе в Самару вместе с частью государственного золотого запаса, который удалось вырвать из рук большевиков.

10 августа я уже был в Самаре.

27. ОБЪЕДИНЕНИЕ ВСЕХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ И СОЗДАНИЕ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕЩАНИИ В УФЕ ВРЕМЕННОГО ВСЕРОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

К августу 1918 г. от большевиков была освобождена огромная территория России — все среднее течение Волги с городами Самарой и Казанью, Урал, казачьи области и почти вся Сибирь. Всюду на местах возникала новая власть, которая восстанавливала разрушенное большевиками самоуправление и производила в городах новые выборы в городские думы на основе всеобщего избирательного права. На освобожденной от большевиков территории возникали местные правительства, действовавшие в пределах определенной области. Так возникли Сибирское правительство, Самарское (Комитет членов Учредительного собрания), Уральское, различные казачьи правительства, национальные правительства киргизов, башкир и др. Из всех этих правительств самым демократическим было Самарское — Комитет членов Учредительного собрания, который состоял главным образом из депутатов разогнанного насильственно большевиками Учредительного собрания, членов партии социалистов-революционеров. Я вошел в состав этого правительства сейчас же после своего приезда в Самару. Самым правым, наоборот, и в политическом отношении самым умеренным было Сибирское правительство, в котором большое влияние имели военные офицерские круги — среди последних были и тайные монархисты. Но все эти правительства в общем объединяла одна программа: освобождение всей России от большевизма, ее объ-

единение, продолжение войны с Германией вместе с союзниками, расторжение позорного Брестского мира, заключенного с Германией большевиками, восстановление в России гражданского порядка и создание сильной дисциплинированной армии.

В августе — сентябре между всеми этими правительствами велись переговоры по вопросу об объединении этих правительств вместе ради создания единого всероссийского правительства. Все были убеждены, что благодаря этому добровольному объединению всех местных правительств будет скорее достигнута и общая цель — возрождение единой, великой и свободной России.

С этой именно целью в сентябре 1918 г. в одном из городов Урала, Уфе, состоялось Государственное совещание, на котором собрались представители всех русских политических партий (кроме большевиков и явных монархистов) и всех местных и областных правительств — сибирского, самарского, уральского, восьми казачьих правительств, башкирского, киргизского и др. Таким образом, в Уфе на Государственном совещании присутствовала вся противобольшевистская Россия, все политические течения и группы, все слои и классы населения. Работы Государственного совещания продолжались непрерывно две недели, во время которых все течения и все партии сделали друг другу уступки ради достижения общей цели.

Работы эти закончились 23 сентября единогласным избранием Временного правительства в составе следующих лиц: Авксентьев, генерал Болдырев, Зензинов, Виноградов и Вологодский.

Из них Авксентьев и я были членами партии социалистов-революционеров, Виноградов принадлежал к партии конституционалистов-демократов, генерал Болдырев и Вологодский (член Сибирского правительства) были беспартийными, с очень уме-

ренными политическими взглядами. Избраны все были лица различных политических взглядов, чтобы коалиция выражала желание и готовность всех поддерживать это новое правительство. (Арестованный в декабре 1917 г. в Петрограде большевиками Авксентьев просидел в Петропавловской крепости два месяца, затем был выпущен, скрывался несколько месяцев в Москве и затем переехал в Сибирь, где мы с ним и встретились.)

Все партии, все местные правительства обязались подчиниться созданному ими Временному всероссийскому правительству и его поддерживать, а все участники Государственного совещания в Уфе торжественно приняли присягу на верность достигнутому соглашению и под этим актом присяги все до единого подписались.

Над измученной и истерзанной Россией как будто поднималась светлая заря — явилась надежда, что рожденному общими усилиями правительству удастся освободить Россию от тирании большевизма и дать русской демократии возможность свободного развития. Но судьба решила иначе — среди участников Государственного совещания в Уфе, давших свои клятвенные подписи на верность всероссийскому правительству, нашлись люди, которые подло ему изменили, составили против него заговор и его свергли.

28. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ОМСКЕ

Еще во время Государственного совещания в Уфе начались на фронте неудачи. Большевикам удалось вернуть Казань, удалось даже занять Самару — центр наиболее демократических сил, которые сто-

яли против большевиков. Это сильно ослабило те демократические силы, на которые опиралось коалиционное Временное правительство. С другой стороны, захват большевиками Волги отодвигал на восток фронт, на котором шла борьба с большевиками, и это заставило Временное всероссийское правительство выбрать своим местопребыванием город Омск, в Западной Сибири, где особенно сильны были реакционные влияния Сибирского правительства.

Мы, демократические члены Всероссийского правительства, хорошо понимали всю опасность этих обстоятельств. Всех своих противников большевики называли контрреволюционерами и уверяли, что все они проводят в жизнь реакционную программу. Всякое уклонение наше вправо от истинно демократических идей как бы подтверждало обвинения большевиков и оправдывало их деятельность. Поэтому мы особенно боялись усиления сибирских влияний, а между тем все обстоятельства складывались так, что мы неизбежно попадали в гущу этих влияний. И потому мы с большой тревогой ехали в Омск.

Действительность оправдала наши опасения.

Странные чувства пережил я по дороге в Сибирь. Всюду на станциях наш поезд, в котором ехало правительство, торжественно встречали, в двух больших городах мы останавливались. Торжественно гремела музыка, на площадях войска устраивали нам парады, отдавая все воинские почести. Городские думы устраивали в нашу честь празднества и обеды — мы были верховной властью всей России и я одним из ее членов. И почему-то во все время пути я вспоминал о том, как в первый раз, 11 лет тому назад, а затем 7 лет тому назад, я ехал по этой же дороге, но уже в качестве арестанта, над которым мог проявить свою власть каждый конвойный солдат... Судьба изменчива. Но в душе у меня не было радости, было лишь

сознание ответственности за ту огромную тяжесть, которая выпала на мою долю.

И позднее обстоятельства нередко напоминали мне об этой изменчивости судьбы. Особенно запомнился мне один случай. Однажды, на обычный прием ко мне, как к члену Всероссийского правительства, явился какой-то пожилой человек, лицо которого мне показалось знакомым, но я не мог его вспомнить. Он назвал свою фамилию, я ее не расслышал. Он обратился ко мне с просьбой о пенсии, которая, как он думал, полагалась ему как старому чиновнику, — при этом он говорил со мной как с человеком, которого он как будто хорошо знал. Когда он ушел, я взглянул на оставленную им визитную карточку и невольно рассмеялся: на ней стояла фамилия — Витте. Это был тот самый якутский губернатор, при котором я в последний раз был в ссылке. Тогда я был в его распоряжении и он мог сделать со мной все, что хотел, а теперь он является ко мне с просьбой как к представителю высшей власти...

Мы приехали в Омск 9 октября.

Несмотря на величайшие трудности, которые стояли перед нами благодаря политической и экономической анархии, созданной большевиками, работа Всероссийского правительства подвигалась успешно. Созданы были министерства по всем ведомствам, куда вошли многие министры бывшего Сибирского правительства. На пост военного министра Всероссийское правительство пригласило адмирала Колчака. Из войск, находившихся раньше в распоряжении отдельных правительств, создана была единая всероссийская армия в 300 000 человек.

Два месяца продолжалась работа Временного всероссийского правительства по возрождению России, и эта работа сопровождалась таким внутренним и внешним успехом, что правительство было накануне

признания его союзниками как правительства всероссийского. Как мы потом узнали, это признание должно было в торжественной форме состояться в Омске 22 ноября, куда с этой целью уже выехал из Владивостока официальный представитель Франции генерал Жанен. Если б признание это состоялось, положение правительства укрепилось бы совершенно, и сейчас Россия наравне с другими державами имела своих официальных представителей на мирной конференции в Париже. Но, к сожалению, этого не случилось — за четыре дня до признания Всероссийского правительства союзниками оно было безумно и преступно свергнуто кучкой политических авантюристов и клятвопреступников.

С первого же дня переезда правительства в Омск мы испытали на себе реакционные влияния бывшего Сибирского правительства. Как будто мы жили в лесу политических интриг и сплетен. Военные сибирские круги были определенно антидемократическими, а некоторые проявляли даже монархические симпатии. Особенно отличалось сибирское казачество и один из его атаманов — атаман Красильников, человек невежественный и буйный. У нас уже было несколько инцидентов с ними; несколько раз напившись на своих обедах допьяна, они начинали петь «Боже царя храни». Последний раз такой случай произошел на парадном обеде с участием всех союзников, которые потом официально нас запрашивали, как правительство терпит подобные монархические манифестации. Виновником этого был опять атаман Красильников, напившийся на обеде допьяна.

Кроме того, и во внутренней политической жизни эти монархические круги позволяли себе выходки, которые не могли быть терпимы в государстве, в котором все граждане должны свободно пользоваться своими правами.

Правительство решило, наконец, обуздать эти реакционные круги — был отдан приказ об аресте атамана Красильникова, а отряд его должен был быть отправлен на фронт. Это, вероятно, и ускорило развязку.

Вечером 17 ноября я вместе с председателем Всероссийского правительства Авксентьевым находились у нашего друга, товарища министра внутренних дел Роговского, одного из немногих социалистов, приглашенных нами в совет министров. Мы мирно беседовали за чаем и уже собирались расходиться по своим домам, когда вдруг в половине первого ночи в передней квартиры Роговского неожиданно раздался топот многочисленных ног и к нам с криками «Руки вверх!» в комнату ворвалось несколько десятков офицеров с направленными на каждого из нас револьверами и ружьями. Под угрозой немедленного расстрела они запретили нам двигаться с места и заявили нам троим, что мы арестованы. На наш вопрос, кто осмелился дать им приказ об аресте законного правительства, они ответить отказались. Большинство из них были пьяны и сильно возбуждены. В таких случаях револьверы обычно начинают стрелять сами, и можно только удивляться, как этого тогда не случилось; конечно, после первого же выстрела мы все были бы убиты на месте.

Грубо, не допуская никаких возражений, на нас накинули наши шубы и вывели на улицу. Все остальные комнаты оказались заполненными солдатами, а весь дом Роговского окружен был пешими и конными солдатами и казаками, числом около трехсот. У крыльца стоял готовый грузовой автомобиль. Нам приказали взобраться на него, и вместе с нами в автомобиль вскарабкались около десятка офицеров, которые ни на одно мгновение не опускали наведенных на нас револьверов. Автомобиль окружили

кольцом в несколько рядов конные казаки, державшие ружья наизготовке, и автомобиль двинулся по пустынным улицам заснувшего уже города. Проезжая мимо здания, в котором происходили заседания правительства, мы заметили, что оно было окружено большими отрядами казаков — по-видимому, там шел обыск. Как потом оказалось, в это же время происходил обыск на наших личных квартирах, причем ящики всюду были взломаны, замки сорваны, все бумаги конфискованы, наши личные вещи и найденные деньги, нам лично принадлежавшие, похищены. Эти господа действовали совершенно так же, как в былое время действовали царские жандармы. Как позднее оказалось, наш арест произведен был отрядом атамана Красильникова и по его личному приказанию.

В глубоком молчании следовала наша мрачная процессия по темным улицам города. Несколько прохожих, встреченных нами по дороге, в испуге шарахались в сторону. Скоро автомобиль остановился, и нас высадили у пустого сарая, в котором мы нашли еще одного арестованного — Аргунова, которого заговорщики захватили у него дома. (Аргунов был заместителем Авксентьева в правительстве на случай болезни или смерти). Нас четырех теперь соединили вместе и снова посадили на автомобиль и тем же порядком повезли дальше. Но вот город кончился, началась засыпанная снегом роща, та самая роща, в которой за два месяца перед тем казаками был расстрелян министр Сибирского правительства Новоселов (по своим убеждениям социалист), следствие по убийству которого вел по поручению Всероссийского правительства как раз ехавший с нами Аргунов. Мы переглянулись между собой — очевидно конец был близок: мы ждали, что автомобиль вот-вот остановится, нас выведут в лес и туг же расстреля-

ют. В эти минуты каждый из нас, вероятно, мысленно прощался со всем тем, что ему было самым дорогим на свете... В таком состоянии мы проехали еще несколько верст, но команды о расстреле все еще не раздается. Впереди показалось большое темное здание, мы подъехали к нему. Здание оказалось сельскохозяйственной школой, которая была отведена под казармы отряда атамана Красильникова, арестовавшего нас.

Нас ввели в здание и посадили всех вместе в одну комнату, которая охранялась внутри и снаружи. Страже громко был отдан приказ стрелять в нас при малейшем нашем подозрительном движении. Это было часа в три ночи. Мы ждали рассвета, так как были убеждены, что на рассвете нас расстреляют. Каждый раз, когда у дверей сменялся караул, мы думали, что это наступила наша последняя минута. Никто не являлся к нам, никто нас не допрашивал, и мы были в полном неведении, что произошло в городе.

Только на второй день, т. е. 19-го утром, явился к нам неизвестный, оказавшийся позднее переодетым в штатское офицером из отряда Красильникова, и показал нам газету. Из нее мы узнали об измене одного из членов Всероссийского правительства, Вологодского, бывшего членом Сибирского правительства и принимавшего в свое время присягу на верность народу и избранному в Уфе Всероссийскому правительству. Газета сообщала также об измене своей присяге всего созданного нами совета министров, который передал всю верховную власть военному министру адмиралу Колчаку. Этот совет министров состоял почти целиком из бывших членов Сибирского правительства, и, таким образом, оказалось, что действительным творцом омского переворота было реакционное Сибирское правительство, представи-

тели которого наряду со всеми принимали участие в создании правительства в Уфе и приносили ему присягу на верность.

На другой день, 20 ноября, нас под усиленной охраной вывезли под звуки «Боже царя храни» из казармы, посадили в экстренный поезд и в одну неделю под строгой стражей домчали до границы с Китаем, строго следя за тем, чтобы по дороге мы ни с кем не вступали в сношения. Всю дорогу нас сопровождал отряд в 80 человек офицеров и солдат из отряда атамана Красильникова, которым был отдан Колчаком приказ расстрелять нас на месте в случае попытки к побегу или при попытке освободить нас извне.

Таковы обстоятельства нашего ареста и разрушения Всероссийского правительства, пытавшегося усилиями всех партий спасти страну и общими силами найти дорогу к ее возрождению. Кучка ослепленных безумцев и предателей подняла руку на законную власть, недовольная ее беспристрастием и беспартийностью. Они думали, что огромная страна с проснувшейся во время революции к новой жизни демократией может вернуться к старому строю, к реакции и монархии.

Свергнув демократическую коалиционную власть и вступив на путь реакции, правительство Колчака — хотело оно того или не хотело — в величайшей степени укрепило политические позиции большевиков в России, так как после этого переворота никто не посмеет возразить большевикам, что в лице правительства Колчака они борются не с контрреволюционерами.

Факты это уже доказывают.

Правительство Колчака в Сибири испытывает гораздо больше затруднений, чем их испытывало Всероссийское правительство, вместо дальнейшего

объединения освобожденная от большевиков территория России снова распадается, пришедшая нам на смену власть поставила наместо утверждавшегося порядка еще больший хаос. Государственный переворот в Омске затруднил дело возрождения великой и свободной России и отдалил час ее воскресения.

Но я твердо верю, что этот час все-таки наступит.

6 февраля 1919 г.
Тихий океан,
по дороге из Японии в Америку.

Содержание

Для заметок

На обложке фотографии И. Дик-Дическу,
сделанные в революционном Петрограде в 1917 году
(из коллекции Центра социально-политической
истории ГПИБ России)

Подписано в печать 15.08.2018.
Формат 60×4/16. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 8,3. Тираж 500 экз.
Заказ № 12. Цена договорная.
Издательство: Государственная публичная
историческая библиотека России
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1.

ISBN 978-5-85209-425-4

9 785852 094254

Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953), российский политический деятель, эсер, организатор терактов, один из руководителей Декабрьского восстания 1905 года в Москве, публицист, автор этнографических исследований. Во время Февральской и Октябрьской революций находился в Петрограде, был избран членом Учредительного собрания. Его книга «Из жизни революционера», изданная в Париже в 1919 году, вызывает интерес не только как очередной взгляд на переломные моменты истории. Это и увлекательный рассказ о незаурядной жизни, богатой приключениями, встречами, рискованными ситуациями. В новом предисловии приводятся подробные биографические сведения о В.М.Зензинове, в том числе о его жизни в эмиграции

